Annie Habou

VII

علیشیر نوایی
НАВОИЙ
525
ALISHER

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

АЛИШЕР НАВОИ

СОЧИНЕНИЯ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФАН“ УЗБЕКСКОЙ ССР

Алишер Навои

СТЕНА ИСКАНДАРА

VII

Перевод
Владимира Державина

ТАШКЕНТ • 1968

(Узб) 1
Н 15

Редколлегия

В. А. Абдуллаев, С. А. Азимов, М. Т. Айбек, В. В. Державин, В. Ю. Захидов, Х. Т. Зарипов, С. Н. Иванов, А. П. Каюмов, С. И. Липкин, И. М. Муминов, Л. М. Пеньковский, Х. С. Сулейманов, Н. С. Тихонов, А. Х. Хайитметов, К. Н. Яшен

Издание подготовлено к печати Музеем литературы им. Алишера Навои и Институтом языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР

Редактор тома *А. Каюмов*

Оформление Народного художника Узбекской ССР *И. И. Икрамова* и *П. Д. Воронкина*

7-4-3
Подп. изд.

Начало сказания об Искандаре, ведущее к нахождению истины. Открытие подлинной его истории, где будет запечатлено веление промысла.
Противоречия в его родословной вымышлены летописцами, а исследователи, устраняя эти противоречия, узнают правду о его происхождении. Когда правитель Файлакус ушел в ворота вечности, престол его бренного владения занял Искандар

Тот, кто былое кистью оживил,
Завесу над картиной приоткрыл:

Четыре царских рода власть несли
В пределах обитаемой земли.

А длилось время их, как помнит свет,
Четыре тысячи и триста лет;

И тридцать шесть еще последних лет
И десять месяцев еще вослед.

То были открыватели цари,
Мирозавоеватели цари.

И мир тысячелетний и покой
Вкусил при тех владыках род людской.

Но, призванные благо утвердить,
Цари не все успели совершить.

В сей малый срок, что дан живущим в дар,
Взращен был добрым шахом Искандар.

Коль перечислим все его дела,
То всякий скажет: слава и хвала!

Теперь я суть вступленья объясню,
Происхожденья тайну проясню.

Четыре царских рода было. Он
После второй династии рожден.

Когда покинул мир последний Кей,
Бахман Дара вселенной правил всей.

Дара гордился, что цари земли
Ему покорно дань свою несли.

Тогда в Юнане [1] правил Файлакус [2];
Его царем признали Рум и Рус.

Все свойства были царственными в нем;
Он — ангел был в обличии земном.

Чтоб знать его историю, возьми —
Прочти царя поэтов Низами.

В сказаньи, что как вечный свет горит,
Он так о Файлакусе говорит:

Хоть в мире счастлив был его удел,
Наследника он — сына не имел.

Тоской по сыну был он удручен,
Скажи: опоры в жизни был лишен.

И вот однажды позднею порой
С охоты возвращался он домой.

И увидал в пустыне властелин
Столпы и стены сумрачных руин.

Врата и свод обрушились давно,
Как сердце, что тоской сокрушено.

В тени руин заснул он, утомлен,
И был дыханьем утра пробужден.

Услышав стон, воспрянул он, глядит:
Пред ним, мертва, роженица лежит.

И с ней — новорожденное дитя,
На гибель обреченное дитя.

День мук ее забвения достиг...
Был жалобен ребенка слабый крик.

Как будто понимал малютка сын,
Что вот он — беззащитен и один.

А Файлакус? — Живое сердце в нем
От состраданья вспыхнуло огнем.

Он кликнул слуг, велел дитя хранить,
А мать умершую похоронить.

Найденыша того с собою взял
И с нежностью, с заботой воспитал.

Он Искандаром отрока назвал
И трон ему, как сыну, завещал...

И так еще историк говорил,
Что связь двух царств старинных проследил.

Даре румиец дочь — дитя свое —
Вручил, как деревцо из мумиё.

Но дело к недостойному концу
Пришло: Дара вернул ее отцу.

Лишь ночь царевна с мужем провела
И некий перл бесценный обрела.

И был жемчужницею перл рожден,
И мир был этим перлом изумлен.

Среди преданий, что хранит Иран,
Одно открыл неведомый дихкан [3],

Что, будто, Искандаров было два.
Один из них — как говорит молва —

Разбил Дару, другой же пребывал
Всю жизнь в походах и возвысил вал.

Теперь поведал нам иной рассказ
Царь мудрецов, живущий среди нас.

Хранитель истины, чье слово — свет,
Наставник наш, храни его Изед,

Об Искандаре, о его делах
Джами пропел нам в сладостных стихах.

Пошел я той же трудною стезей;
И летописи были предо мной.

Но я, от малых знаний быв немым,
Придя к Джами, советовался с ним.

— Двух Искандаров не было! — сказал
Учитель мне и свитки показал.

— Походы все и подвиги его —
Деянья человека одного!

Так говорил правдивый Низами,
Так подтвердил и в наши дни Джами.

Открыт источник истины один,
Что Искандар был Файлакусов сын.

Исследуя, я правду проверял,
В исследованьи правду отыскал.

Так говорил истории знаток,
Что изучал сей двойственный чертог.

Обретший Искандара Файлакус
Его и царства утвердил союз.

Он слуг и войско щедро одарил,
Врата дворца для празднеств отворил.

Блюдя порядок царский и завет,
Дал оку ясновидящему свет.

Заботясь о наследнике своем,
Он ни на час не забывал о нем.

Он воспитанье истиной питал,
Достойной пищей разум воспитал.

И не в дворцовой роскоши, в тиши
Его растил он, в глубине души.

Так перл таится в сумраке глубин,
Так в руднике скрывается рубин.

Достойными он сына окружил
И путь ученья перед ним открыл.

Накумохис приставлен был к нему,
Наставником пытливому уму,

Тот, что зенита мыслью достигал
И всех явлений связи постигал.

Ты скажешь — видел острый взгляд его
Зерно и корень сущего всего.

Главой ученых был он в пору ту;
Ему был сыном славный Арасту [4].

После кончины своего отца
Стал Арасту светильником дворца.

Был он велик. Минули сотни лет —
Ему подобных не было и нет.

И мудрый Файлакус избрал его
Учителем для сына своего.

Счел порученье Арасту за честь;
Была ему о том благая весть,

Когда глаза он к небу обратил,
Читая предсказания светил,

Все, что добро и зло сулить могло б,
Предугадав, составил гороскоп.

Ища решенья в знаках звезд ночных,
Исчислил Арасту значенье их.

«Родился,— прочитал он в небесах,—
Счастливый, мудрый, справедливый шах.

Весь мир он обитаемый пройдет
И славою наполнит небосвод.

Владыки примут власть его и суд,
Ярмо его приказов понесут.

Он мир великодушьем осенит,
Ему, как бубен, солнце зазвенит.

Движение светил предскажет он,
Заветный узел тайн развяжет он.

Познанье в кровь и плоть его войдет,
Он целый мир сокровищ обретет.

Законы звезд он заключит в число
И по рукам земное свяжет зло.

Пройдет он по неведомым морям,
Проложит путь к безвестным островам.

Судил всевышний на заре времен —
Все царства мира завоюет он».

Так, проведя последнюю черту,
Свой гороскоп закончил Арасту.

Скрижаль наук он стройно начертил
И к обученью шаха приступил.

Плоды столетних поисков и дум
Впивал, как влагу, отроческий ум.

Когда он грань науки познавал,
Другую грань догадкой раскрывал.

Был в жажде знанья истинно велик
От бога одаренный ученик.

Весь век учась он прожил на земле,
Был сведущим во всяком ремесле.

Он также, с первых дней своей весны,
Стал привыкать к ведению войны.

Он знал, что милость царская войскам —
Разгром и поражение врагам.

И в конном отличался он бою,
И в пешем закалялся он строю.

Скажу ль — стрелой пронзал он сеть кольчуг?
Нет, мыслью разрывал он сеть кольчуг.

Копьем он ратоборцам нес беду;
Метнув копье, он поражал звезду.

Своим мечом он разрубал гранит.
Где меч его? Земля его хранит.

Метнув аркан на крепостной отвес,
Достиг бы он и крепости небес.

Когда свои войска он в бой пускал,
В долину рушились громады скал.

Против дракона обнажая меч,
Дракона мог он надвое рассечь.

Он быстрой мыслью, пуще ратных сил,
Как молнией внезапною разил.

Стал, наконец, державный ученик
В искусстве ратном подлинно велик.

А Файлакус в ту пору умирал;
И он проститься с сыном пожелал.

Могучий стан годами был согбен,
В глазах его земная слава — тлен.

И устремился Искандар к нему —
К отцу и властелину своему.

Прощения у бога попросил
Шах Файлакус и сыну власть вручил;

Державу завещал его руке
И опочил на гробовой доске.

Две было ветви древа: из одной —
Гроб сделан, трон вселенной — из другой.

На первой ветви птица песнь поет,
А на другой гнездо другая вьет.

Отца оплакивая своего,
Готов был шах отречься от всего.

Но после, по внушенью мудреца,
Он вспомнил завещание отца:

«Врага в свои владенья не пускай,
Мой прах на поруганье не предай.

Пусть именем твоим, твоей рукой
Мой будет вечный огражден покой!

Я вырастил тебя в моем саду
Затем, чтобы, когда навек уйду,

Меня ты был достоин заменить
И нашу славу в мире сохранить».

Шах к завещанью не остался глух,
Дабы отцовский радовался дух

И сор не падал в чистый водоем.
Веленье долга пробудилось в нем.

Обряд поминок справив по отцу,
Он возвратился к власти и венцу.

К престолу сонмы подданных сошлись,
Напевы саза стройно полились.

* * *

О, кравчий, грудь слезами ороси,
Прощальную мне чашу поднеси.

Чтобы печаль вином я с сердца смыл,
Чтоб слезы по отце моем не лил.

Приди, певец, звенящий чанг настрой
И заиграй, и песнь веселья спой!

Здесь было царство слова мне дано,
И во дворце хвалы я пил вино.

О Навои, не поддавайся лжи
И блеску мира! С разумом дружи!

Неверность — дело времени во всем.
Быть в мире лучше нищим, чем царем.

Дервиш свободный выше здесь, чем шах,
Чей дух томится в путах и сетях.

Слово о высоком парении царственного благородства, тень пары крыльев которого образует гнездо на темной горе Каф золотым крыльям сказочной птицы Солнца, и в похвалу величия духа, которое укрывает крыльями серебряное яйцо Солнца; и если тень этих крыльев падает на несчастного, цари будут нищими пред ним, а если шах лишен этой тени, то и нищий перед ним выглядит шахом

Достойнейшим того мы назовем,
Кто благороден сердцем и умом.

Муж — пусть его добро один медяк,—
Коль благороден духом — не бедняк.

Но кто души величия лишен,
Тот подлинно и нищ и обделен.

Обычай в бренном мире люди чтят —
Гнуть спину перед теми, кто богат.

Но благородство — это эликсир,
И щедрость сердца завоюет мир.

Кто эликсир духовный создает,
Тот вечное богатство обретет.

Пускай того привыкли уважать,
Кто золото в горсти сумел зажать,

Но если в нем к добру стремленья нет,
Пусть он богат, к нему почтенья нет.

Разбогатеет низкий человек
И над казной своей дрожит весь век.

И если он медяк в ладонь возьмет,
Ладонь ему и смерть не разожмет.

Когда развяжет с деньгами платок,
То к узелку прибавит узелок.

Он кошелек решается открыть —
Чтобы еще хоть грош в него вложить.

Но ведь богатство лучше раздавать,
Чем цепь забот бесчисленных ковать.

Открой мошну — заботы налетят,
Заботой новой ум отяготят.

Медведю ли цепному хлеб дадут,
Хлеб у него собаки не возьмут.

Так обезьяна съест все, что найдет,
И за́ щеку орехи уберет.

Орехов может тысяч сто сорвать
Ворона, чтобы в землю закопать.

А под землей — затворы не крепки.
Там ходы у мышей и тайники.

Так низкий, накопленья возлюбя,
Свои богатства прячет от себя.

Он клад зароет в куче нечистот,
А мусор за казну свою сочтет.

И жук навозный, свой прейдя удел,
Когда-то желтым бывший, почернел.

Он от комка навоза не уйдет,
Когда и под копыто попадет.

Презренный копит весь свой век гроши;
Их тратят люди искренней души.

У щедрого всегда — пустой карман.
Стяжателю беда — пустой карман.

Но мужу честному богатство — стыд,
Когда ему голодный предстоит.

А жадному казна его — тщета;
Хоть он богат, а в доме — нищета.

Нет разницы меж нищим и скупцом,
Который утонул в добре своем.

Сказал бы: розни нет меж них пока,
Пред Истиною рознь их велика.

Не знает страха нищего душа,
Хоть у него в запасе — ни гроша.

Но все кругом — враги его души,
Когда богатство он таит в тиши.

Он черный соболь, рыжая лиса,
За ним летят охотники в леса.

Как раковину, чтобы перл добыть,
Не пожалеют грудь его разбить.

С ним благородный духом не сравним,
Богач и бедный равны перед ним.

Богач! Будь славен тем, что раздаешь,
Но не стыдись в нужде отдать и грош.

Кто сладостей не ест, тесним нуждой,
Рад будет и похлебке просяной.

Тот мудр, кто щедр в свершеньи добрых дел
А скупость — низкой глупости удел.

Богатый, знатный в роскоши живет,
Ему простой завидует народ.

И ты, о благородный, не забудь:
Величье духа — вот богатства суть.

А тот, кто скуп и жаден, сколько он
За век свой встретит тягостных препон.

Тот, кто в делах и помыслах своих
Велик и добр,— тот не страшится злых.

Под облаком парящего орла
Не досягает меткая стрела.

Кто может гром из пороха рождать,
Не может вату облака скатать.

Пускай шутиха блещет и гремит,
Она светил небесных не затмит.

Высоко благородных реет стяг,
Для них мирские трудности — пустяк;

Кто благороден в существе своем,
Тот хочет нищим быть, а не царем.

Пусть мародержцем он взойдет на трон,
Величья внешнего стыдится он.

Не нищ, кто нищим у глупцов прослыл,
Кого всезрящий в бога превратил.

Завидуют цари его делам,
Как нищие завидуют царям.

Сними, творец, неведенья печать,
Чтобы богатство в бедности искать.

Рассказ об Искандаре и том падишахе, который желал быть нищим, или, вернее, о нищем, достойном быть падишахом; Искандар вызволил его из ямы бедственности и хотел посадить на трон салтаната; тот отрекся от короны и предпочел корону отречения

Сказ есть об Искандаре, что когда
Взошла его высокая звезда,

В какую бы страну он ни вступал,
И царь ему покорность проявлял,

Он на престоле оставлял царя,
Его своей защитою даря,

И, утвердив порядок и закон,
В другие страны отправлялся он.

И он, когда Магриб поверг во прах,
Увидел: злобен, ненавистен шах.

Румиец войско шаха окружил,
Пожар вражды в Магрибе потушил.

И мужа справедливого сыскать
Велел он, чтоб страною управлять.

Сказал он: «Муж надежный нужен мне —
Наместник, щит народу и стране.

Есть ли у вас достойный человек,
Чтоб я его правителем нарек?

Чтобы его я шахом утвердил,
Чтоб он страну незыблемо хранил?»

Такою речью тронутый до слез,
Народ молитву за него вознес:

«Достоин ты, о справедливый шах,
Чтоб трон твой возвышался в небесах!

Ты ищешь мужа, что нам принесет
Спокойствие и охранит народ?

Был муж средь нас — и мудр, и справедлив,
Но мы не знаем — жив он иль не жив.

Он бросил дом, богатство, двор, детей,
И скрылся, удалился от людей.

Чтоб не общаться с нами, жить решил
В пустыне, средь заброшенных могил.

Знать — верности в живых он не нашел
И верность царства мертвых предпочел.

Зачем ему корона, царство, трон?
Короной отреченья счастлив он.

Пески пустынь — прибежище его.
Чем жив он — мы не знаем ничего.

Он, суету людскую не взлюбя,
Всех приходящих гонит от себя.

Не гонит только нищих и больных,
Надежду сердца укрепляя в них.

И внемлющим ему дает совет,
Что не надежен сей мгновенный свет,

Что есть высокий верный путь иной
Над злобою и суетой земной.

И молвил Искандар: «Где б ни был он,
Пусть будет найден он и приведен!»

Нашли его... И тот пустынный пир [5]
Явился к шаху на вечерний пир,

Босой. взамен кулаха [6] — седина,
Грудь раной ворота обнажена.

Давно мирских забот отрясши прах,
Две кости ветхих он держал в руках.

Склонясь пред ним венчанной головой,
Царь посадил его перед собой.

И мудреца спросил великий шах:
«Что значат кости у тебя в руках?»

Сказал: «Я средь заброшенных могил
Такие кости часто находил.

Но вот: чья кость — царя, чья — бедняка? —
Ответ на это унесли века.

Вот как они уравнены судьбой,
Всю жизнь не ладившие меж собой».

Был Искандар ответом восхищен:
«О муж красноречивый! — молвил он,—

Я понял, как ты разумом глубок,
Как в благородстве подлинном высок.

Тебя я высшей властью облеку,
Правителем Магриба нареку».

Тот молвил: «Благородство — мой удел;
А что в замену ты мне дать хотел?

Я, в мире долю бедности избрав,
Счастлив не буду, властелином став.

С мирским величьем я не уживусь,
К основам высшим духом я стремлюсь.

И первая: как вечный океан,
Жизнь бесконечная,— а не обман.

Вторая: вечной юности весна,
Которой старость будет не страшна.

И третья: вечное и навсегда
Богатство духа — Истины звезда.

Четвертая же: радость, мир без гроз,
И вечный праздник, без потерь и слез».

Был изумленьем Искандар объят;
Склонил, смутясь, чело, потупил взгляд.

«О светлый образ счастья! — молвил он,—
О мощный дух, не знающий препон.

Мне быть царем вселенной суждено,
Тебе же царство высшее дано.

О как, живущий в прахе нищеты,
Меня величьем превосходишь ты!»

Дервиш в величьи подлинном своем
Почел за униженье стать царем.

И власть и слава — мелкая река
Пред благородством духа бедняка.

НАЗИДАНИЕ

В этой главе Искандар спрашивает Арасту, какое место ближе к цели и как лучше дойти туда. Арасту указывает путь к совершенству и советует идти налегке

Так Искандар спросил у Арасту:
«О мудрый, воспаривший в высоту,

Как ближе к цели истинной дойти,
Не ошибиться в выборе пути?»

Ответил: «В одиночестве живи!
Пылинкой к дому вечности плыви!»

Спросил: «Ведь больше сделает добра
Тот, кто имеет больше серебра?

Чем тверже сильный правду утвердит —
Тем громче слава правде зазвучит.

Кто делает добро любой ценой,
Тот ближе будет к Истине самой».

Сказал: «Дела добра — богатым честь;
Но две возможности мы видим здесь:

Добро — коль дело доброе и в срок;
Не вовремя же и добро не впрок.

Деяние не вовремя — навек
Осудят, что б ни делал человек.

Но будет живо и освящено,
Что своевременно совершено.

Все, что из корня крепкого растет,
Дает побег и ствол, и цвет, и плод.

Кто караваны грабит на путях,
Тот знает: есть Иблис и есть Аллах.

Муж правды, что придет на царский зов,
Не скроет от царя дела воров.

Достоин ли в чертоге пить вино
Тот, кто с разбойниками заодно?

Но кто отречься от всего сумел,
Что в мире он имел и не имел,

Пусть сам он уничтожится, как дым,
Останется достигнутое им.

И это — цель для избранных сердец,
Стремленьям и сомнениям конец».

Вот перлы продавец пересчитал,
И покупатель перлов замолчал.

О том, как Искандар, отрекшись от короны владычества, удалился от престола власти, и как народ Рума, склонив главы к его ногам, высоко поднял подножие трона и возвеличил ценность венца; и зеркало его справедливости, солнцем ослепив летучих мышей ночи гнета, осветило мир, и жестокие люди вместе с мраком бежали с лица земли

Пиша об этом, заспешил калам,
Как искрам, дав рождение словам.

Пред тем, как в море вечности уплыл,
Власть Искандару Файлакус вручил.

А Искандар, чей дух, презревший прах,
Сиял тройною аркой в небесах,

В раздумьях и сомнениях мрачнел.
Его страшил правления удел.

Чем больше власти, тем стезя тесней,
Тем воздаянье за дела грозней.

Что выбрать — размышлял он без конца:
Путь отреченья иль завет отца?

Раздумьями своими удручен,
Народное собранье со́звал он.

Народу Искандар лицо явил
И небывалой речью удивил:

«О люди Рума! Вы — пред солнцем дня —
Как море, окружившие меня!

Высокой вы иль низкой вы судьбы,
Вы все, как я, Всевышнего рабы.

Я — царь; но ниже вас моя черта,—
Я — плачущий безотчий сирота.

Когда отцу благоволил Аллах
И вышней волей стал он падишах,

С достоинством он бремя власти нес,
Был он щитом от бедствий и угроз.

И если род мой над народом сим
Возвышен, промыслом руководим,

То скажете вы: правду возлюбя,
Они не опозорили себя.

Они могучи были, я же слаб,
Страшусь я ига власти, словно раб.

Могучий духом нужен вам, друзья,
У власти муж, а не такой, как я.

Ведь муравью добычу льва не взять,
Слоновью ношу мошке не поднять.

Быть не хочу царем! А захочу,
Вы знайте: царство мне — не по плечу.

Нет у меня таланта — шахом быть!
За правду вы должны меня простить.

Живая сердца боль в моих словах...
Я слаб, беспомощен. Какой я шах?

Теперь, достойнейшего возлюбя,
Царя вы изберите для себя!

Чтоб он во всем и всех превосходил,
Чтоб править только он достоин был.

Чтобы с любовью, с чистою душой,
Как солнце, он сиял над всей страной.

Чтоб в правосудьи вечной был весной,
А для злодеев — громовой стрелой.

Чтобы врага нещадно он разил,
А подданных надёжно защитил.

Такого мужа изберите вы,
Его владыкой назовите вы!

Чтоб он посеял счастья семена,
Чтоб райским садом расцвела страна.

Пусть влюбит он в себя врагов своих,
По волоску рассыплет силы их.

И если пламя смуты враг взметет,
Пусть ливнем стали пламя он зальет.

И если грабит и теснит людей
Презревший правду сборщик податей,

Тому каламазану [7], как калам,
Пусть руку отсекут, на страх врагам.

Пусть он купцов на их пути хранит,
Пусть им и тень разбоя не грозит.

Пусть будет он для тех, как божий гром,
Кто за народным тянется добром.

И пусть высоко он свой держит меч,
Сумеет угнетение пресечь.

Пусть поступает так, как бог велит.
Пусть он народа руку укрепит.

Пусть угнетателям отпор дает,
Чтобы в покое, в мире жил народ».

Так Искандар сказал, покинув трон.
И закричал народ со всех сторон:

«Среди врагов сильнейших в трудный час
Не оставляй беспомощными нас!

Ведь к слову правды наш народ не глух,
Ты словом правды поразил наш слух.

Где ж правда? Ты сердца нам сокрушил
Словами, что пред нами говорил.

Не лей речей, лей лучше нашу кровь —
Увидишь веру, преданность, любовь.

Что ссориться нам, в спорах жизнь губя?
Что ты без нас? И что мы без тебя?

Да, ты слова прекрасные сказал
И чуть всех нас на гибель не послал.

Народ стоит у гибельной черты...
Как смел от власти отрекаться ты?

Где нам найти подобного тебе
Великой приобщенного судьбе?

Мы знаем: ты вместил в себе весь круг
Непостижимых таинств и наук.

Горишь ты, светом истины дыша!
Светильник ангелов — твоя душа!

Ведь ты среди царей, как Муштари,
Ты нам — как первый светлый луч зари.

Ведь справедливость источаешь ты,
Как солнце — свет, дыхание — цветы!

Твердыня духа в существе твоем.
Мы говорим: рожден ты быть царем.

Но по величью знанья, воли, дум
Тебе, мы видим, тесен будет Рум.

Мы знаем, что подвластная судьбе
Вселенная поклонится тебе.

Грядущее мы видим, как сквозь дым,
Но знаем: будет целый мир твоим.

Не отходи же от судьбы своей!
Эй, шах, не обездоливай людей!

Ведь стонов, бедствий, слез и нищеты
Не вынесешь, коль нас покинешь ты.

И если ты чужого возведешь
На отчий трон, а сам во тьму уйдешь,

Покинем мы основы бытия,
В чужие разбредемся мы края.

И обнищаем мы, не станет нас...
За это спросит бог тебя в свой час!»

Так Искандару говорил народ,
Взывал, вопил и слезы лил народ.

Такой был вопль, как будто Исрафил
В свою трубу над миром протрубил.

И сжалился над подданными шах,
Раскаялся душой в своих словах.

Величием доверья пристыжен,
На верность верностью ответил он.

Увидев эти чистые сердца
И вспомнив завещание отца,

Он понял — жребий изменить нельзя
И бремя власти с плеч сложить нельзя.

Хоть и смущен душой и удручен,
Он был повиноваться принужден.

Согласье дал народу своему.
Тут Арасту приблизился к нему.

И над челом его вознес венец,
Что Искандару завещал отец.

Стал Арасту со стороны одной,
А Булинас [8] — со стороны другой,

И на престол два солнца возвели
Грядущего владыку всей земли.

И фарр [9] счастливый шаха осенил,
Как отблеск мира неизбывных сил.

С ним были Арасту и Булинас,
На суше — Хызр [10] и на море — Ильяс [11].

Надежды полный, ликовал народ,
Что совершенный сердцем власть берет.

И так был золотом осыпан он,
Как будто звезды сыпал небосклон.

И праздник всенародный закипел.
Сур в каждом доме не смолкая пел.

Когда спустился Искандар небес
На пир заката, за парчу завес,

Подняв над миром месяц молодой
Изогнутою чашей золотой,

Шах Искандар, покинув свой престол,
На отдых с кругом избранных пошел,

Туда, где в чаши, среди свежих роз,
Вино тюльпанноцветное лилось.

Когда в руке царя фиал златой
Забрезжил сквозь узор листвы ночной,

Ковер словесный, как сады в цвету,
Раскрыл хранитель знаний — Арасту.

И потекла беседа мудрецов —
Свет и услада царственных пиров.

Есть смысл в движеньи чаши круговой,
В речах — источник истины живой...

О чем бы юный царь ни вопрошал,
На все ему ученый отвечал.

Блистает ум за чашею вина,
Беседа благомыслием полна.

Вот обошли необозримый круг
Доступных постижению наук.

И поднялись, творца благодаря,
И разошлись наставники царя.

В ночи, когда земля вкушает сон,
Отрадно небесам отдать поклон!..

Стал на молитву чистый сердцем шах,
В слезах, подобясь праху, пал во прах.

Он плакал до утра пред Богом Сил,
Прощения за прошлое просил.

Когда зарей забрезжил небосвод
И солнце село на престол высот,

Светила, видя света торжество,
Померкли, пред сиянием его.

Шах Искандар на троне сел своем
И всенародный объявил прием.

И вот народ владыку обступил
Неисчислимым сонмищем светил.

И речь народу Искандар сказал,
И речью узел бедствий развязал:

«Я вашей волей принял власть и честь,
И знаю, что обиженных не счесть.

Но пусть любой, кого ярмо гнетет,
Ко мне за справедливостью придет.

И равного во мне, а не царя,
Пусть видит всяк, со мною говоря.

И пусть он не страшится ничего —
Ни власти, ни величья моего.

Пусть будет в мыслях предо мной открыт
И в изложеньи дела не спешит.

Я разберу все жалобы, и сам
Подам сердцам целительный бальзам!»

Пошли пред Искандаром чередой
Гонимые насильем и нуждой.

Из жалоб не отверг он ни одну,
Неправды выпрямляя кривизну.

Он головы губителей рубил,
Десницы у мучителей рубил,

Утешил обездоленных людей,
Всех одарил их из казны своей.

Погрязнувших в нечестии и зле
Гонителей-вельмож пригнул к земле.

Велик тот шах, который, словно щит,
На страже правосудия стоит.

Так Искандар, до полдня, каждый день
Внимал народу, гнал насилья тень.

Жестокий и неправедный закон,
Хоть он отцами был установлен,

Царь отменял — и новый утверждал
Такой, чтоб людям пользу он давал.

И тягостные для людей простых
Обычаи, адаты дней былых,

Он истребил, разрушил зла оплот,
От беззаконий защитил народ.

На произвол, привычный с древних лет,
На бич и дыбу наложил запрет.

И от хараджа он освободил
Всех оскудевших, падавших без сил.

Служащим честно в царстве дело дал,
А не способных к делу разогнал.

Чтоб в людях возрастить посев добра,
Он не щадил ни сил, ни серебра.

Оценщиков купцам назначил шах,
Чтоб не вздували цену на торгах.

Велел весы железные ковать,
На гирях ставить царскую печать.

Длины он меру ввел одну везде,
Чтобы обмера не было нигде.

И для зерна большие сделал он
Весы, дабы обман был устранен.

И сделал кайл — посуду для зерна,
Чтоб не страдали люди и казна.

Особые весы установил
Для золота; обманщиков судил.

Он стражу для защиты от воров
У постоялых выставил дворов.

И справедливость в царстве процвела —
От тигра лань защиту обрела;

И ястреб средь щебечущих щеглят
Стал смирен, как наседка средь цыплят.

Всегда до полдня шах внимал истцам
И возвращался к царственным делам.

Так в справедливости он преуспел,
Что Рум и весь народ разбогател.

* * *

Друг! Чашу справедливости налей,
За справедливейшего из царей!

Ты чашей уравняй меня с царем,
Пусть я не знаю меры за вином!

Певец, скорее струнный лад настрой,
Не умолкай, всю ночь играй и пой.

Напевом сладостным ласкай мой слух,
Смятенный в горе умиряй мой дух!

Не уходи от равных, Навои,
Ведь среди них — приверженцы твои.

Ты пей вино, судьбу благодаря,
На пире справедливого царя.

Как странник божий — лучший перл творца,
Так справедливость — лучший перл венца.

Велик, не знает равных средь царей,
Царь — сильный справедливостью своей.

Рассказ о деяниях Искандара с сокращением подробностей и подробное истолкование этих сокращений. Посланник Дары приходит к Искандару за золотым яйцом и получает ответ в словах острых, как стальные копья. Молния сияния острия сжигает хирман терпения Дары; он посылает кунжут, мяч и клюку. Искандар этой клюкой отбивает мяч, а кунжут клюют птицы

Так проницательный поведал нам
Историк, счет ведущий временам:

В те дни, как Искандар, заняв престол,
Строй справедливый у себя завел,

Ему внушил его наставник — пир
Мысль — обойти весь необъятный мир

И всюду справедливость утвердить,
Народы от ярма освободить.

Мысль эта в царской памяти жила,
Ветвилась, мощным древом возросла,

Но влек его не славы бранной шум,
Был мудростью глубок пытливый ум.

Как солнце, поднимаясь издали,
Одно блистает над лицом земли,

Так Искандар под сводом древним сим
Ни с кем в делах великих несравним,

Ему сопутствовали чудеса...
Пред ним смолкали гордых голоса.

Коль все его деянья описать,
Не хватит жизни книгу прочитать.

Ведь важен каждый день его и час,—
Начав писать, нельзя прервать рассказ.

Поэтому я много упущу
И повесть нарочито сокращу.

Коль завершу сказание мое,
Исполнится желание мое.

Я из забвенья повесть подыму,
Столь много говорящую уму.

Немало есть значительного в ней,
Но больше удивительного в ней.

Отсеяв ложь, рожденную в веках,
Скажу я правду в искренних стихах.

Он — покровитель государства был
И в Руме утвердитель царства был.

Освободил народ свой от оков,
Страну свою очистил от врагов.

И убедясь, что власть его крепка,
Он за предел страны повел войска.

Магрибским дивам он нанес удар,
Завоевал далекий Зангебар.

Полуденную перейдя черту,
Скажи, отмыл он черных черноту.

Большая распря у него была
С Дарой — оплотом зависти и зла.

Не медля, как опору бытия,
Завоевал он франкские края,

И с франкским миром заключив союз,
Он покорил далекий Андалуз.

Идя обратно, Миср он захватил
И небосвод его благословил.

Он там, с войсками ставши на привал,
Искандарию город основал.

Потом,— суди его источник сил,—
Зардуштовы огни он погасил.

Потом в Ирак пошел, в Аджамский край,
Чтоб радостно запел Иракский най.

Когда Иракской он достиг земли,
В Ираке люди радость обрели.

Потом он взял Халеб и землю Шам,
Принес благополучье беднякам.

Когда Йемену он явил свой лик,
Там камни превратились в сердолик.

Потом пред Меккой он предстал святой
И в Мекке прах поцеловал святой.

Потом к морским пошел он берегам,
Основу ставя славным городам.

Незавоеван оставался Фарс.
И что ж — ему без боя сдался Фарс.

И знамением счастья озарен,
В поход на Север устремился он.

И цепи гор пустынных увидал...
Вернулся и Хорезм завоевал,

Даря, как солнце, милостью своей
Простор кипчакских пастбищ и степей.

И он в трудах походных не ослаб,
Прошел через Саксин, через Саклаб.

Прошел он стороною Ос и Рус,
И с ними дружбы заключил союз.

И гурджей и черкасов посетил,
И гурджей и черкасов покорил.

От Севера, где древних рек исток,
Он с войском устремился на Восток.

Колючки истребил в стране Фархор,
Сады он насадил в стране Фархор.

В Мавераннахр он прилетел, как дым,
И Самарканд открыл врата пред ним.

Как ветер западный, страну Чигиль
Овеял он,— так нам вещает быль.

И в Чин прибыв, он там разбил свой стан.
И сам пришел служить ему Хакан.

И с Хиндом у него была война;
Пред ним склонилась Кейдова страна.

Он изваянья идолов низверг,
На древних алтарях огонь померк.

И к правой вере всей вселенной круг
Привел он, указавши путь — на юг.

И через Синд, пройдя в Кечу Мукран,
Без остановки двинулся в Кирман.

Воздвиг он в Хорасане, говорят,
Прекраснейший из городов — Герат.

Пройдя пустынный и безлюдный край,
Построил Рей, как первозданный рай.

Так, обретя плоды великих дум,
Мир покорив, он воротился в Рум.

Но — в радостях, в пирах — не отыскал
Отрады той, что сердцем он алкал.

И вновь походом обошел весь мир,
Повсюду утвердив добро и мир.

Великую, во всех делах велик,
Защиту от яджуджей он воздвиг.

Скажи: он обошел не мир земной,
А девять сводов неба над землей.

На всех дорогах, для любой страны,
Ягач он сделал мерою длины,

И знаки расстояний на путях
Велел установить великий шах.

А на местах ночлегов каждый край
Был должен ставить караван-сарай.

Благоустраивал без шума он
Строй жизни мира, к благу устремлен.

И в море, словно кит, решил уплыть;
И корабли смолить велел, снастить.

И долго плавал, как гласит молва,
И открывал средь моря острова.

Есть острова в неведомых морях,
Которые благословил Аллах.

На них высаживаясь, Искандар
Брал их себе, как лучший божий дар.

Так он до крайних островов дошел,
Но утоленья сердца не нашел.

Великим беспокойством обуян,
В неведомый поплыл он океан.

Под кораблем — пучины вечных вод,
Над кораблем — бескрайний небосвод.

Но дерзкое задумав, Искандар
С собою вез большой стеклянный шар.

Он влез в него; и крышку засмолить
Велел и шар в пучину опустить.

Канат надежный — в десять верст длиной
Разматывался черною змеей;

Он к шару прикреплен одним концом,
К навою на борту — другим концом.

Шах быстро погружался в глубину,
Водоворотом увлечен ко дну.

Он чудеса увидел бездн морских...
Нет слов у нас, чтоб рассказать о них.

И вытащен из глубины с трудом,
Очнулся он на корабле своем.

Противоречья,— должен я признать,—
В рассказе этом можно отыскать.

Искатель возвратился в мир земной
И устремился за живой водой.

Свет жизни он во тьме пошел искать,
И не нашел, и обратился вспять.

Истока вечной жизни не нашел,
С устами пересохшими ушел.

Вел Хызр его по суше, а Ильяс
В морях — вставал к кормилу в грозный час.

Свершить же не под силу никому
Все, что до нас свершить пришлось ему.

Дал небосвод ему такую власть,
Что целый мир пред ним был должен пасть.

Коль все, что я о нем храню в уме,
Запечатлеть — возникнет Шах-наме.

Итак — все, что я знаю,— записать
Решил я кратко в малую тетрадь.

В любом двустишии заключена
Невоплощенной песни глубина.

Все было так; я сделал все, что мог;
Но если мне теперь поможет бог,

Всю правду ведая в делах земных,
Я расскажу о ней в стихах моих.

Тогда бессудный царствовал Дара,
Чинивший зло, не делавший добра.

Отец же Искандара, Файлакус,
С Дарой неравный заключил союз.

Дара тогда владыкой мира был,
Народ румийский дань ему платил.

Ведь он — потомок Кейев был прямой,
И в мире власти не было иной.

Установлён закон Лухраспом был,
Строй войсковой введен Гуштаспом был.

Но всех порядков Кейевых не знал
Дара, что от Бахмана власть приял.

Он — царь царей, столпы его основ —
Великий Кей-Кубад и Кей-Хосров.

Объяты страхом, все цари земли
Ему свои короны поднесли.

Харадж платили и везли дары
Все, павшие к подножию Дары.

И Файлакус Даре был подчинен;
Харадж платил беспрекословно он.

Харадж — где угнетенного слеза,
Был в десять сотен золотых байза.

Когда ж навеки Файлакус ушел,
Шах Искандар наследовал престол.

Наследовал он угнетенья строй,
И бремя униженья пред Дарой.

Сначала, утвердив закон и трон,
На шаха Занга устремился он.

Как молния, он свой нанес удар,
И почернел, как уголь, Зангебар.

Хоть были прежде лица их черны,
Как уголь, зинджи были сожжены.

На поле битв в долинах той земли
Как будто бы тюльпаны расцвели.

Так воевал три года он с тех пор,
Соседям жадным грозный дав отпор.

Поверг врагов, завистников своих,
Забрал богатство их и земли их.

Удвоил и утроил он предел
Земель, ему доставшихся в удел.

Людей учил он воевать с врагом,
Чтоб каждый был среди онагров [12] львом.

Его величье морем разлилось,
К зениту знамя Рума поднялось.

Меч — молния в руке, как ветер — конь,
Лицо его — сжигающий огонь.

И он решил весь мир завоевать,
О меньшем не хотел и помышлять.

Он видел: мир земной не так велик,
И равных нет ему среди владык.

Так за три года набрался он сил,
Владенья Рума удесятерил.

За все три года он не вспоминал,
И даже мысли в сердце не держал,

Что он с Дарою должен в спор вступить
Или харадж и дань ему платить.

Ничтожным мнит подобного себе,
Кто вознесен благодаря судьбе.

Румийца у своих не видя ног,
Дара смириться и простить не мог.

Был выбор: преклониться пред Дарой,
Или без страха выйти с ним на бой.

Два льва, два равных силою своей
Сошлись; но — кто моложе, тот смелей.

Так не страшись, когда вражда идет,—
Враг тоже полон страха и забот.

Когда враждой два змея возгорят,
Какая разница — чей больше клад?

Акула — как ни велика она —
Киту, владыке моря, не страшна.

Так Искандар в те дни беспечен был
И небеса за все благодарил.

Но от Дары явился вдруг гонец,
С поклонами вошел он во дворец.

И пожелал перед царем предстать,
Дабы наказ Дары пересказать.

Увидев шаха и его престол,
Подножье трона бородой подмел.

Почтительно он восхвалил царя,
С достоинством благословил царя.

Честь Искандар явить хотел гонцу,
Перед собой он сесть велел гонцу.

Посол смиренно сел у царских ног
И от смущенья говорить не мог.

Фарр Искандара ослепил его,
И языка, и чувств лишил его.

Тут понял Искандар: посол смущен,
Молчит, священным блеском устрашен,

Со свитою он разговор завел,
Чтоб понемногу тот в себя пришел.

Когда смятенье гостя улеглось,
Ему он задал царственный вопрос:

«По доброму ли шах Дара здоров,
Счастливейший, как древний Кей-Хосров?

Ответив, землю гость поцеловал,
И вновь владыка Рума вопрошал:

«Коль мир у вас и счастье, и покой,
С какою вестью послан ты Дарой?»

И вновь пред ним поцеловавши прах,
Посол ответил: «О великий шах,

Я пред величием твоим дрожу,
Но раз ты повелел — я все скажу.

Отец твой — венценосный Файлакус
С Дарой когда-то заключил союз.

И десять сотен слитков золотых
Платил Даре по договору их.

Прошло три года, как отец твой шах
В господних наслаждается садах.

Но Рум не шлет хараджа третий год:
Долг этот, дружбы двух царей оплот,

В сокровищницу к нам не поступил,
Иль, может, вовсе не отправлен был.

И цель прихода моего одна —
Долг этот получить у вас сполна.

Отдашь — я увезу. А если нет —
Скажи. Я передам Даре ответ».

А Искандар — от этих слов посла
Рот ему горечь гнева обожгла,

Лик приобрел внезапно цвет огня,
Что может все спалить, воспламеня.

Но молча Искандар чело склонил,
На пламя воду мудрости излил.

Перед величием его ума
Орд исступленья отступила тьма.

И светлый лик подняв, уста открыл,
Дорогу перлам речи отворил.

Сказал: «Привет мой передай Даре,
Потом ответ мой передай Даре:

В юдоли сей ничья не вечна власть,
Удел величья — пасть, истлеть, пропасть.

Не мучься — ради завтрашнего дня
Стяжаньем душу живу бременя!

Пусть ты ни с кем в богатстве несравним,
Но ты богатством угнетен своим.

Где польза от богатства твоего?
Зачем без пользы собирать его.

Когда от дела происходит вред,
Такое дело делать смысла нет.

И вот: тебе — нет пользы, нам — печаль,
Смотри — себя и нас не опечаль.

Забудь наш долг! Ведь птица унеслась,
Что золотыми слитками неслась!

Коль примешь ты наш дружеский совет,
То и вражды у нас с тобою нет.

Но коль отвергнешь ты мои слова,
То мы отвергнем и твои слова.

Без пользы для себя хлопочешь ты!
Подумай, если мира хочешь ты:

Ведь мудростью глубокой обладать
Нам нужно, чтоб соперника познать.

Ты слабых подавлял и покорял.
Таких, как я, ты прежде не встречал.

Харадж и дань с полмира ты берешь,
Взамен — короны старые даешь.

Харадж — источник бедствий и невзгод
Тем, кто берет, и тем, кто отдает.

Без счета море жемчугов таит,
Подвластен ли тебе свободный кит?

Хоть жемчуга и много у него,
Как ты харадж потребуешь с него?

Чрезмерные желания — тщета.
Не стань и ты добычею кита!

Источник счастья — мудрость, свет ума;
Но в силе алчность там, где нет ума.

Нам не посильна дань минувших лет;
Потребуешь — мы сами скажем: нет.

А от судьбы,— пусть ты могуч, богат,—
Могущество и власть не защитят.

И пусть бесчисленны твои войска,
Их опрокинет сильная рука.

Пусть мы тебя слабее во сто раз,
То, что нас ждет,— утаено от нас.

Когда страна богата и крепка,
Зачем неисчислимые войска?»

Речь Искандар закончил. И тогда
Притих гонец персидский, как вода.

В обратный путь — ни жив, ни мертв — пошел
Из Рума незадачливый посол.

И прибыл восвояси наконец,
И все Даре пересказал гонец.

Когда Дара великий услыхал
Слова гонца, он так ему сказал:

«Коль впрямь румиец это говорил,
То значит — бог ума его лишил.

Иль, может быть, в ту пору был он пьян
И от вина безумьем обуян?

Иль он еще дитя, не зрел умом
И управлять не может языком?»

Так он — носитель царского венца —
Спросил. И услыхал ответ гонца:

«За ним следил я зорко, не шутя:
Не пьян он, не безумен, не дитя.

Нет, разумом он светел и здоров,
И попусту он не бросает слов!

Благоразумен, сведущ и учен,
Он мудростью глубокой наделен!

Нет нужды — сильно ль воинство его,—
В его словах — достоинство его.

В величии — хоть обойди весь свет —
Ему подобных не было и нет!

Присматривался долго я к нему
И удивлялся дивному уму».

Так был взъярен Дара ответом сим,
Что смерть склонила меч свой перед ним.

От гнева, как от грома он оглох,
И в небесах пошел переполох,

И охватил полмира лютый страх,
Когда ворота гнева отпер шах.

В оковы он посла забить велел,
В колодец черный посадить велел.

Сказал: «Румиец — раб мой, сын рабов,
Что ползали у ног моих отцов,

Он — раб, и предки подлые его
Рабами были предка моего!

Кто́ он такой, чтоб милостью моей,
Возвесть его в достоинство царей?

Чтобы слова его словами счесть,
Что оскорбляют нашу власть и честь?

Ни страха предо мной не стало в нем,
И ни стыда перед людским судом!..

Такое я в отпор ему скажу,
Так я его ничтожность покажу,

Что этот необузданный дикарь
Опомнится, раскается, как встарь!»

И царь Дара гонца найти велел,
Который бы находчив был и смел.

И, отправляя, дал ему наказ
В словах, как острый серп и как алмаз,

Човган и крепкий мяч послу вручив,
В две эти вещи тонкий смысл вложив.

И дал с кунжутным семенем сосуд,
И также тайный смысл скрывался тут.

Посла отправив, глаз он не спускал
С дороги царской... Все ответа ждал.

Посол примчался в Рум, как серый дым,
Язык свой сделал бедствием своим.

Явились к шаху стражи во дворец,
Сказали: «От Дары опять гонец!»

Стал пред царем гонец, как был — в пыли,
Как перед ликом солнца — ком земли.

Гонец увидел шаха — фарр его,
И речь застряла в горле у него.

Пал пред величьем Искандара он,
Ослабнув телом, страхом сокрушен,

Уста к подножью трона приложил,
Молитву по обряду сотворил.

Царь молвил: «Сядь, о деле расскажи,
Цель твоего прибытья изложи!»

Сказал носитель тайны, пав во прах:
«Сто раз благослови тебя Аллах!

Нет сил мне говорить перед тобой...
Но обо всем, что велено Дарой,

Коль ты позволишь, речь я поведу;
А скажешь — «нет», смиренно прочь уйду».

Посланец Искандару дал понять,
Что он о многом должен толковать.

Сказал: «Дара, по милости своей,
Взымает дань со всех земных царей.

Берет харадж по праву древних лет,
Хоть в том у нас нужды особой нет.

Но шахи, что зависимы от нас,
Что исполняют наш любой приказ,

Харадж не забывают в срок платить,
Чтоб о своем покорстве заявить.

Отец твой нам платил, пока был жив,
Служил нам преданно — и был счастлив.

Но умер он... Ты сел на отчий трон.
Ты б должен делать то, что делал он.

Но не пошел ты по его пути,
Решил от послушанья отойти.

Три года с вас налог не поступал.
Но царь царей не требовал и ждал.

И наконец — гонца решил послать,
Чье дело — недоимки собирать.

А ты с гонцом столь дерзко говорил,
Что, знать, забыл — кто есть ты, чем ты был.

Но так как ты — годами молодой —
Не стукался о камень головой,

Мы поняли: невежество и тьма
Сильны в тебе от малого ума!

Великодушье мы должны явить
И, как ребенку, промах твой простить.

Но образумься и не прекословь,
Дань собери — к отправке приготовь;

И сам спеши — под царственную сень,
Поцеловать высокую ступень!

Чтоб не покрыться пятнами стыда,
Будь честен с нами, предан нам всегда.

Увидишь много милостей от нас...
Но коль отклонишь царственный приказ,

Тщеславьем и гордынею объят,
И дивы злобы дух твой победят,—

Поймем, что буйство младости твоей
Благоразумья твоего сильней.

Привез я от великого Дары
Тебе, о царь, достойные дары!»

Так краснобай-гонец проговорил
И мяч с клюкой пред шахом положил.

Сказал: «Тебе, как юноше, подстать
Клюкою мячик по полю гонять!

Тебе приличны — мяч, клюка, майдан.
Но царство — это не игра в човган!

Коль вновь ты возразишь царю царей,
Стыдясь признаться в слабости своей,

Тебе возмездье ныне — а не месть,
И зол своих тебе тогда не счесть.

Ты знай, что больше войск в моей руке,
Чем семени кунжутного в мешке!»

И тут принес посол большой сосуд,
В котором был просеянный кунжут.

Кунжутовое семя на ковре
Гонец рассыпал — преданный Даре.

«Вот — наше войско! Пусть сочтет его,
Кто не боится шаха моего!»

Умолк посол и опустил глаза,
Все стихло, будто пронеслась гроза.

С улыбкой Искандар внимал ему,
Все высказать не помешал ему.

Когда гонец все, что хотел, сказал,
Он так ему достойно отвечал:

«Дара — чистопородный Кей и Шах,
Быть нам примером призванный в веках.

Но я, тебе внимая, изумлен:
Как стал в своих словах несдержан он.

Владык вселенной, как презренный сброд,
Достойнейших — рабами он зовет!

Царей, которых во главе людей
Поставил бог по мудрости своей,

Дара решил рабами называть?
Но тут пути добра не отыскать.

Мы все — рабы Яздана, только бог
Меня своим рабом назвать бы мог.

Пускай твой шах подумал бы сперва
Пред тем, как эти вымолвить слова.

Себя с великим богом он сравнил,
Грех святотатства страшный совершил.

Меня безумцем пьяным он зовет,
Дитятею, не знающим забот.

Меня он обвиняет в трех грехах,
А сам он богохульствует — твой шах!

Коль уважения меж нами нет —
И примирения меж нами нет!

Допустим — пусть я мал, а он велик,—
Но как несдержан у него язык!

Большая птица — аист; но и он
От ястреба уходит, устрашен.

Твой царь Дара мне милость оказал,
Клюку и мяч в подарок мне прислал.

Я в этом вижу тайный смысл... Ну что ж —
В истолкованьи он весьма хорош.

Мысль мудрецов, что землю обошла,
Нам говорит: земля, как мяч, кругла.

Твой шах свой смысл в мяче и клюшке скрыл,
А ты мне целый мир, как мяч, вручил.

Какая же загадка скрыта в нем —
В човгане этом с загнутым концом?

Я понял: повелителем времен
Човган судьбы вселенной мне вручен!

Чтоб торопил я своего коня,
Чтоб мяч отбил у всех, вперед гоня.

Здесь — предсказанье, радостная весть...
Да, в этой вести — счастье мне и честь.

Не новую принес сегодня мне
Ты притчу о кунжутовом зерне.

Мол, как семян кунжута вам не счесть,
Так и числа моим войскам не счесть.

Пусть ваша рать несметна, как кунжут,
Ее мои цыплята поклюют!»

И на кунжут, что был среди палат
Рассыпан, он принесть велел цыплят.

Все поклевали птицы; и зерном
Не поделились даже с муравьем.

Посол Дары глядел, молчал, бледнел;
Понуро пристыженный он сидел.

И молвил Искандар: «Встань! Подобру
Иди от нас. И извести Дару:

Что слышал здесь, ему ты донеси,
В дороге дальней слов не растряси!»

Согбенный от стыда ушел посол,
Не на ногах — на голове ушел.

И распахнулись ворота беды...
Взметнулся до небес огонь вражды.

Нахлынул смуты неуемный вал,
И мир из хижин бедственных бежал.

* * *

Дай, кравчий, мне вина! Пусть, опьянев,
Я зарычу, как разъяренный лев!

Во вражий стан ворвусь я пьяным львом
И в миг единый разочтусь с врагом.

Спой мне, певец, в рассветной полутьме
Напев воинственный из Шах-наме.

Два шаха тронули струну вражды,
Так пусть же будут воины тверды.

О Навои! Покоя в мире нет,
Под горьким ветром смуты меркнет свет.

Коль хочешь мира в наши времена,
Не расставайся с чашею вина.

Круг наших бед земных неисчислим,
Но тот, кто пьет,— тот не подвержен им.

Осуждение вражды (мухолифат), в которой «мух» сочетается с завистью, и «мухл» соединяется с несчастьем (офат); а если написать иначе, получится преданность (мусодакат); а если отказаться (от вражды), достигнешь обители счастья. О вражде людей, которая является причиной разрушения их достояния, и это грозит гибелью миру

Нет верности в сердцах людских, о друг,
И милосердье чуждо их, о друг!

Обычай их теперь — вражда и месть.
Выламывают дверь вражда и месть.

И где ни побывал бы ты — везде,
В любой стране — стремление к вражде.

Нет никого — в любом глухом углу —
Без сотоварища по ремеслу.

Не сотоварищ в деле ремесла —
Ему предстанет враг, источник зла.

Чеканщик, видя, что в других домах
Живут чеканщики,— им будет враг.

Коль мастер в неком деле знаменит,
То превзойти другой его спешит.

Им предрассудки повод подают
К вражде, противоречья их растут.

Покоя днем не знают, ночь не спят,
В лицо друг друга видеть не хотят.

Но счастлив независтливый,— ему
Просторно в мире будет одному.

В презренной зависти — зерно беды,
Причина распри, злобы и вражды.

И это ни для избранных людей
Не исключение, ни для царей.

У шаха сотни тысяч под рукой,
Народ — сословий вековечный строй.

Наместники ближайшие царя
Всем правят, волю шахскую творя.

Эмиры не хотят им уступать
И рвутся все наместниками стать.

Начальники туманов ждут, не спят,
Враждуют, стать эмирами хотят.

И каждый тысячник готов предать
Начальника, чтоб чином выше стать.

Вот он на розни зиждущийся строй!
Взгляни: он сверху донизу такой.

Какое бы сословие ни взять,
Оно вышестоящих жаждет смять

И раздавить и подчинить себе,
Чтоб место лучшее добыть себе.

Чем тверже сверху косность и отпор,
Тем пуще снизу ярость и раздор.

И люди, что к царю приближены,
Друг к другу тоже злобою полны.

А средь простых людей, где — труд, нужда,
Пусть нравы грубы, мягче их вражда.

Вражда и злоба! — В них источник бед,
Людскому роду вековечный вред!

Когда у власти муж — носитель зла,
Грозят народу беды без числа.

И страх сердца охватит в море смут,
И царства сокрушатся и падут.

Когда плотину в срок не укрепить,
Сель может все размыть и затопить.

Так — если распря перейдет в войну,
Лишь мудрый властелин спасет страну.

Но коль поток раздора возрастет,
И царь не сможет защитить народ,

Разбушевавшееся море бед
Потопом гибельным затопит свет.

Когда оружье обнажит вражда,
Когда не будет правды и суда,

От мира безопасность отойдет,
И гибнущий спасенья не найдет.

Сметает сель все на своем пути,
И от него не скрыться, не уйти.

Но угнетенье больше зла несет,
Чем нападенье разъяренных вод.

Вот два царя враждуют, мир поправ,
Всю землю на две доли разодрав.

И уведет от мирного труда,
Вооружит народы их вражда;

И поведет, ожесточив сердца,
Отца на сына, сына на отца.

Давно ли два смертельные врага
У одного сидели очага?

Отец возжаждет сына истребить,
И сын возжаждет кровь отца пролить.

И брат на брата обнажит свой меч,
Чтоб голову мечом ему отсечь.

И отчужденье разведет друзей,
И всюду рознь пойдет среди людей.

Когда два шаха затевают спор,
Возникнут злоба, ненависть, раздор.

Войны подует ветер ледяной,
Пыль подымая до неба стеной.

И люди на полях своей земли
Себя не будут видеть в той пыли.

Война придет — и бедствий не сочтешь —
Убийство, разорение, грабеж...

Но есть, увы, в делах любой страны
Противоречия и без войны.

Народ, что правосудия лишен,
Повсюду произволом угнетен.

Коль милости ему не оказать
И на соседа выйти воевать,

То все равно для страждущих людей,
Который победит из двух царей.

Для всех, кто согнут под ярмом труда,
Война, как пламя страшного суда.

Добро, когда народам мир даря,
В союз вступают славных два царя

И, не пуская на порог раздор,
Решают полюбовно каждый спор.

Когда цари согласие найдут,
Народы их довольством расцветут.

Два нищих, крепких дружбою своей,
Не выше ль двух враждующих царей?

О том, как из-за распри двух правителей ударила молния бедствий в хирман народов мира, а от союза двух друзей пролился дождь милости и потушил языки огня

В те дни, когда Чингиз и Хорезм-шах
Пошли судьбу испытывать в боях,

Мир был тогда разгромлен... Но зачем
Описывать то, что известно всем.

Когда Чингиз победу одержал,
Он города в стране с землей сравнял.

Он все живое истреблять велел,
Всех без разбора убивать велел.

Нахлынуло, вскипело море зла,
Волна всесокрушающая шла.

Отцы оплакивали сыновей,
А матери — несчастных дочерей.

Дом бытия заполонила смерть,
Все выходы заколотила смерть.

Вот что тогда случилось в царстве Шам:
Два бедняка, два друга жили там.

Они, под гнетом гибельной судьбы,
Неверному служили, как рабы.

И оба от надежды отреклись,
И слезы их кровавые лились.

Но так они сдружились, что любой
За друга бы пожертвовал собой.

И был один за что-то осужден
И связан, и на плаху приведен.

Другой же, умоляя палача,
Пал на колени, плача и крича:

«Хватай меня, мне голову руби,
Его же отпусти и не губи!»

Тогда сказал хозяин палачу:
«Коль просит он, предай его мечу!»

А первый крикнул: «Пусть меня казнят!
Я осужден, а он не виноват!»

Так спорили. И каждый предлагал
За друга жизнь... Чингиз в ту пору спал.

Друзей он этих увидал во сне,
И чей-то голос услыхал во сне:

«Меч от главы народа отведи,
И этих двух друзей освободи!

Ты Хорезм-шаха сокрушил оплот,
Но в чем повинен пред тобой народ?

Пусть целый мир разрушила война —
Как дружба этих плачущих сильна!»

Чингиз, едва успел глаза открыть,
Велел убийства всюду прекратить.

Как ветер, весть о милости царя
Помчалась, мир надеждою даря.

И внял веленью этих царских слов
Жестокий муж, хозяин двух рабов.

И он из сердца злобу удалил
И двух друзей на волю отпустил.

Два шаха враждовали; и тогда
Народ постигла страшная беда.

Но благородство бедных двух людей,
Их верность дружбе искренней своей

Страну от полной гибели спасли,
Меч мести от народа отвели.

Кто хочет в мире совершенным стать,
Не должен эту притчу забывать.

НАЗИДАНИЕ

Искандар просит Арасту рассказать о причинах войн. Раздоры нежелательны и губительны для всех народов, но случается, что войны становятся неизбежными; Арасту открывает свет в этой тьме и говорит о природе вражды

Подобный Фаридуну шах спросил:
«Мудрец, открой мне суть безвестных сил,

Ведущих к войнам. Все о них скажи,
Разлада в мире корни обнажи.

Когда мы знаем — от чего раздор,
Наш разум должен дать ему отпор.

Но есть ли в бытии такой закон,
Дошедший к нам из глубины времен,

Руководясь которым, мы должны
Решать раздор оружием войны?»

В ответ наставник шаха произнес:
«Ты очень сложный задал мне вопрос!

Война противна разуму; но, шах,
Ее не обойти в иных делах.

Раздор затеял некто... может быть,
Он вынужден был меч свой обнажить;

Но от него народу тяжкий вред,
Ему в народе оправданья нет.

Грешно стоять в ту пору в стороне,
Когда ты можешь помешать войне.

Но коль зачинщик, поднимая рать,
Не хочет слову разума внимать,

Коль будет он стремиться все равно
К тому, что совестью запрещено,

Тогда сам бог велит — бери свой меч,
Чтоб разом когти хищнику отсечь;

И это — вред и польза от войны,
Но тут условья некие нужны:

Врага, пред тем как битву начинать,
Как самого себя, ты должен знать.

Коль силы у тебя с врагом равны
И если скрыт во тьме исход войны,

Ты должен мощь накапливать свою,
Все рассчитав, чтоб выиграть в бою.

И если знаешь ты, что ты сильней,
Не торопись, напрасно кровь не лей.

Прибегни к наставлениям опять.
Ты должен мягко, мудро убеждать.

Угрозой раздражен, и слабый враг
Сильней становится, теряя страх.

Что можешь делать — делай! — Вот закон
Любой войны — один для всех времен.

Коль не уверен — в битву не стремись,
Не гневом, разумом руководись.

Тот, кто путями разума идет,
На гибель рать свою не поведет».

Ответу молча Искандар внимал;
Вопросов больше он не задавал.

Дара поражен словами Искандара, он собирает бесчисленное войско со всех концов света и идет войной против Искандара. Искандар, оказавшись лицом к лицу с этим морем несчастий и селем бедствий, готов повергнуть эту гору опасностей молнией сражения. Оба царя готовятся перевернуть небо вверх дном. Однако знамя государства Дары повергнуто иной бурей, а знамя Искандара сверкает, как солнце

Историк древней распри двух царей
Так завил кольца повести своей:

Когда посол Дары, что в Руме был,
Речь Искандара шаху изложил,—

Все передал, утайки не творя,
Что слышал от румийского царя,

Дара, владыка необъятных стран,
Был исступленьем гнева обуян.

Стал, как огонь, от головы до ног
Он, пред которым трепетал Восток.

«Тьфу!» — обращаясь к небу, он кричал,
Упрек земле и небу обращал.

Как молния небес, метался он,
Как в лихорадке, содрогался он.

И чтобы гнев души своей унять,
Приказ он отдал — войско собирать.

И хлынули, как реки в океан,
Полки из ближних и далеких стран.

Иран, Туран, Монголия, Китай,
Где мира обитаемого край,

Откуда солнце поутру встает,—
Все поголовно поднялись в поход.

И побережья западных морей
Послали всех мужчин царю царей.

И людей Африки и тех земель,
Где вечный сумрак, стужа и метель,—

Все на могучий клич войны пришли,
И не прийти — ты скажешь — не могли.

Волнуясь, по долинам и горам,
Без края простираясь по степям,

Необозримо воинства текли,—
Цари, султаны, ханы их вели.

И так был шум идущих войск велик,
Что водоемов неба он достиг.

Лишь Зангебар, и Рум, и Франгистан
Людей не слали в Кей-Кубадов стан,

Затем, что искандарову в те дни
Власть добровольно приняли они.

Текли войска в течение двух лет,
Сошлись войска, каких не видел свет.

Небесных звезд бесчисленней полки,
Несметней, чем пустынные пески.

И негде было им шатры разбить,
Рек не хватило коней напоить.

Туда, где сбор войскам назначен был,
Шах, нетерпенья полный, поспешил.

Когда такую рать он увидал,—
Сильней в нем пламень мести запылал.

Сказал: «Коль двинусь на небо в поход —
Я отступить заставлю небосвод!»

Цари и шахи, данники Дары,
Меж тем несли бесценные дары.

Хоть каждый дома грозным был царем,
Здесь кротко нес сильнейшего ярем.

Плеск ликованья загремел в войсках,
Когда предстал пред ними шахиншах.

Не осенял дотоле небосклон
Султана величавее, чем он.

Всех войск вожди — цари — в шатер пришли,
Склоняясь перед троном до земли,

У ног Дары целуя прах земли,—
И этим честь и славу обрели.

Кто удостоен был у шахских ног,
Пав на лицо, поцеловать песок,—

Тот мог быть счастлив: на его дела
Печать благоволения легла.

Так до жары полуденной с утра
Рабов венчанных принимал Дара.

Средь них был Чина властелин — Хакан,
Был падишах индусов — Кара-хан.

Был Тимур-Таш — орды кипчакской хан,
Был Рес-Варка — египетский султан.

Был Фарангис — король страны Хавран,
Был Давали — султан земли Ширван.

Там царских сыновей толпа была,
Там полководцам не было числа.

Все также возвеличились они
Лобзаньем кейянидовой ступни,

Вниманьем сильного вознесены,
Величием его осенены.

И столько в дар сокровищ привезли,
Что их и за сто лет бы не сочли

Все счётчики великого царя,
Не зная сна, усердием горя.

Когда ж даров окончился прием,
По чину, наивящим чередом,

Велел великий царь царей Дара
Вождей и шахов звать под сень шатра.

Подобен небосводу был шатер,—
Так полы он широко распростер.

И венценосцам сесть Дара велел
Вкруг трона, на котором он сидел.

Как слуги, полководцы стали в круг,—
У трона места не было для слуг.

И обозрев испытанных в бою,
Владыка мира начал речь свою:

«Вот в чем причина сбора войск моих
И нарушенья мирных дел мирских.

Как только Файлакус — румийский хан —
Ударил в погребальный барабан,

Власть захватил его безумный сын,
Текущий криво, как вода стремнин,

Неукротимый, как степной огонь,
И непокорный, словно дикий конь.

Он — данник мой. Четвертый год настал
С тех пор, как дань платить он перестал -

Столь гордым он в своем безумье стал.
Когда же я гонцов к нему послал,

Чтоб разузнать о положеньи дел
И почему платить он не хотел

И сразу все расчеты с ним свести,
И сразу взять всю дань и привезти,—

Моим послам он дерзко отказал!
Он много слов бессвязных им сказал,

Необоснованных и наглых слов.
И снова я послал к нему послов,

Чтоб от его главы отвеять зло,
Но наставленье в пользу не пошло:

Глупец! Он так ответил дерзко мне,
Что кровь моя вскипела, как в огне!

Решил я слов напрасно не терять,
Решил я уши наглому надрать.

Вот каково начало, отчего
Потрясено все мира существо!»

Умолк он. Поднялись за шахом шах,
Все — в ратных искушенные делах.

И лицами опять к земле припав,
И пыль у ног Дары поцеловав,

Сказали: «Как причиной столь пустой
Мог быть смущен властителя покой!

Румийский царь приличьям не учен,
Любым из нас он будет укрощен!

А тысяч сорок всадников пошлем —
Проучим мы его — в песок сотрем!»

Дара сказал: «Уж раз собрал я вас,—
Рум будет местом отдыха для нас.

Что Рум? — На Франгистан и Зангебар
Направить мы теперь должны удар,

Дойти до крайних мира берегов,
Вселенную очистить от врагов —

Дней за десять! Свидетель — божество,—
Разумней не придумать ничего!»

Судьба царю вложила речь в уста.
Нет от судьбы лекарства, нет щита!

И, как с судьбой, никто не спорил с ним...
И воротились все к войскам своим.

Не спали ночь — готовились в поход.
Едва багряно вспыхнул небосвод,

Рать, как гроза, на запад потекла.
Когда до Искандара весть дошла,

Что на него Дара — владыка стран —
Несется, как песчаный ураган,

Неотвратим, громаден и жесток,—
Он — Искандар — беспечным быть не мо:

Навстречу он лазутчиков послал —
О каждом вражьем шаге узнавал...

Спокойный, полный мужества и сил,
Он способы защиты находил,

Не зная отдыха и сна, пока
Не подготовил так свои войска,

Что каждый рядовой его двустам
Врагам противостал бы, как Рустам.

И, дивною отвагой облечен,
Сам ринулся врагам навстречу он,

Как буря на простор морских валов,
Как лев рычащий на табун ослов.

И весть о том до войск Дары дошла
И ужасом гордыню потрясла,—

Как никому неведомый царек
На властелина мира выйти мог?

Когда же переходов семь дневных
Всего лишь оставалось между них

Все медленнее обе стороны
Сходились, осторожности полны.

При остановке войск вокруг шатров
Вал насыпáли и копали ров.

И так охрана бдительна была,
Что мимо даже кошка б не прошла.

Так двигались два воинства. И вот
Меж них один остался переход.

Гора крутая возвышалась там,
Рассекшая пустыню пополам.

По ту и эту сторону горы —
Войска Румийца и войска Дары.

И вал велел насыпать Искандар,
Чтоб выдержать за ним любой удар.

И выучку проверив войск своих,
Он сердце успокоил верой в них.

Полки своих мужей, готовых в бой,
На высоту возвел он за собой.

С высокой той горы он кинул взор
На открывавшийся пред ним простор.

И увидал врагов,— их тьмы и тьмы!
Черны от войск равнины и холмы,

Как будто ширь земная ожила
И в грозное движение пришла.

И пыль над войском, дым и конский пот
Высокий омрачали небосвод.

Шум плыл от войск, как волн пучины шум...
И потрясен был Искандаров ум.

«Что ж! — молвил,— если здесь я бой приму —
Сам собственную голову сниму!

Я от гордыни в ослепленьи был,
Когда ковер сраженья расстелил.

Отсель путей для отступленья нет,
Здесь гибель ждет меня, сомненья нет!»

Пока так сердцем сокрушался он,
В рассеянье воззрясь на крутосклон —

Двух куропаток вдруг перед собой
Заметил. Шел меж ними лютый бой.

Одна была сильнее и крупней,
Другая — втрое меньше и слабей.

Он, видя их неравенство в борьбе,
Даре их уподобил и себе.

И пристально смотрел он на борьбу,
Как будто видел в ней свою судьбу.

Он знал — победа будет за большой,—
И колебался скорбною душой.

Как вдруг могучий сокол с высоты
Упал стрелою рока,— скажешь ты.

Он куропатку сильную схватил
И на вершины скал с добычей взмыл.

А слабая осталась там одна,
Свободна и от смерти спасена.

Когда Румиец это увидал,
Он, сердцем ободрясь, возликовал.

Он понял: помощь некая придет —
И враг сильнейший перед ним падет.

Когда ж к своим войскам вернулся он,
Знамена ночи поднял небосклон
И факел дня, упав за грани гор,
Дым цвета дегтя по небу простер.

Душой, входящей в тело без души,
Вернулся царь к войскам в ночной тиши.

И ободрил он воинов своих
И верных выставил сторожевых...

...Все спят. Не спят лишь в думах о войне
Цари на той и этой стороне.

Дара, что войск своих числа не знал,
Победу неизбежною считал.

Как мог иначе думать царь царей,
Могучий властелин подлунной всей?

Не видел он сквозь будущего тьму,
Что небосвод кривой сулит ему.

И так же Искандар не ведал сна,—
Заботами душа была полна.

Все воины под кровом темноты
Готовили оружье и щиты.

Когда заря прекрасная взошла
И знамя золотое подняла,

И озарился воздух голубой
Счастливой Искандаровой звездой —

Два войска, как два моря, поднялись,
И шум и топот их наполнил высь.

Богатыри издали страшный крик —
Такой, что слуха солнца он достиг.

И содрогнулся весь земной простор,
И глыбы скал оторвались от гор.

Подобны тюрку неба, на конях,
В железно-синих кованых бронях,

Построились огромные ряды,
Как грозовые темные гряды.

Так выстроил Дара, владыка стран,
Не войско — кровожадный океан!

Ты скажешь: лик земли отобразил
Все миллионы воинства светил!

Был строй составлен из семи рядов —
Семи великих мира поясов.

От Самарканда до Китая шло
Войск Афридуна правое крыло.

Шесть сотен тысяч — на крыле одном —
Испытанных в искусстве боевом.

Узбеков было за сто тысяч там.
Калмыков — полтораста тысяч там.

Там чинских тюрков красовался цвет,
По мужеству нигде им равных нет.

Парчою — цвета радужных огней —
Богатыри украсили коней.

Китайский шелк в отливах заревых
На шлемах развевается у них.

Там, чуждый милосердья, хан Конграт
Своих калмыков выстроил отряд.

От них пришли в минувшие года
В мир — суматоха, ужас и беда.

Мечи их блещут, душу леденя,
Как языки подземного огня.

Я на собаке не считал волос,
Но больше там монголов поднялось.

Подобный льву, их вождь Мангу ведет,
В мрак погружает страны их налет.

Мангиты там в черкесских шишаках,
Чернь блещет на седельных их луках.

Мавераннахра далее сыны,
Как львы — отважны, как слоны — сильны.

А украшеньем левого крыла
Громада воинств Запада была.

Сопутствовали ассирийцы им,
И буртасы, и берберийцы им.

Желты у них знамена и наряд,
Их латы медью желтою горят.

Арабов сорок тысяч было там,—
Завидуют ветра их скакунам.

И копья и знамена их — черны,
Под чапраком попоны их — черны.

Ваки — султаном был аравитян.
Тали был предводитель мавритан.

Сто тысяч сабель, ужасавших мир,
Из Мадаина вывел Ардешир.

Был цвет знамен — фиалковый у них,
И цвет попон — фиалковый у них.

Вел Густахам, в один построив ряд,
Три города — Катиф, Бахрейн, Багдад.

Шли воины, как голубой поток,
В железе синем с головы до ног.

Шесть сотен тысяч было их число —
Войск, составлявших левое крыло.

Семьсот же тысяч — войск Дары краса,—
Что изумляли даже небеса,

Посередине двух огромных крыл
Стояли в голове всех царских сил.

Кафтаны были белые у них,
Тюрбаны были белые у них.

Шли далее янтарные ряды
Людей Хорезма и Кипчак-орды.

И грозный, что ядром всех полчищ был,
Отряд ряды, как горы, взгромоздил.

И было семь в отряде том рядов —
И в каждом по сто тысяч удальцов,

Отборных из отборнейших мужей —
Телохранителей царя царей.

Им шахом власть и красота даны,
В зеленое они облачены.

Зеленый шелк на стягах их шумел.
Их строй, как чаща леса, зеленел.

А сам Дара — средь войска своего.
И нет у неба грома на него!

Так выстроив порядок сил своих,
Спокойно на врага он двинул их.

Шах Искандар на стороне другой,
Отвагой полн, людей готовил в бой.

И франков,— сотня тысяч их число,—
Поставил он на правое крыло.

Был князь Шейбаль военачальник там,
По доблести он Заля сын — Рустам.

Их одеяний франкский аксамит
Был драгоценным жемчугом обшит.

Они — как львы в пылу кровавых сеч,
Ломается пред ними солнца меч.

Враг падает пред ними, устрашен
Блистаньем семицветных их знамен.

А русов он на левое крыло
Поставил, сотня тысяч их число —

Угрюмых, ярых, как небесный конь,
В бою неукротимых, как огонь.

Весь их доспех — лишь копья да щиты,
Они, как совы в море темноты.

Плащ красной шерсти — воина броня,
Чапрак багряный на спине коня.

Шлем руса сходен с чашею стальной,
На шлеме — перья иволги лесной.

Согласным — дружбы он несет звезду,
А несогласным — гибель и беду.

А зинджи стали войска головой,
У зинджей был от всех отличный строй,

Изделье черных зинджей — их булат,
Щитки их лат, как зеркала, блестят.

Так мудрость черного — мне скажешь ты —
Свободной сделалась от черноты.

От вавилонских шлемов бьют лучи,—
То скачет зинджей воинство в ночи.

Их шлемы — как орлиные носы,
Изогнутый их строй — острей косы.

Так превратил их латы в зеркала
Напильник угнетения и зла.

Смерть отразилась в зеркалах их лат,
Их враг бежит, смятением объят.

Из румских войск ядро составил шах.
Румянец юности на их щеках.

Красивые в движениях, как львы,
И грозны в нападениях, как львы;

Как шкура льва и тигра — их броня;
Плащи их — цвета желтого огня.

Войска грозой грохочущею шли.
Покрыли львы и тигры лик земли.

Султан прекрасный — воинства глава,
Был светлый стяг над ним похож на льва.

Победы ветер знамя развевал
Над львом, что войском львов повелевал.

Так, наподобие пчелиных сот,
Войска построив, он пошел с высот.

Как будто диких пьяных дивов хор,
Завыл под барабанами простор.

Кавказ отгрянул, содрогнулся Тавр
От грохота бесчисленных литавр.

И надвое кровавый свой престол
Тюрк неба перед боем расколол.

Карнаи выли так, как будто ад
Разверзся и нагрянул кыямат.

До неба тучей заклубилась пыль,
Земля — ты скажешь — превратилась в пыль!

Скажи — не пыль, то небо обняла
Безлунной ночи мускусная мгла.

Как молнии, зерцала и мечи
Сверкали в той грохочущей ночи.

И ржанье коней было, словно гром,
Разящий землю огненным копьем.

Когда же воины издали крик,
Гром потерял от ужаса язык.

Будь небосвод беременной женой,
От страха плод он выкинул бы свой!

Когда ж умолкли воины на миг,
Настала тишина — страшней, чем крик.

И тучу пыли ветер отогнал,
И строю строй в долине виден стал.

И вот стрелою грозовых высот
Румиец некий выехал вперед.

Красавца-аргамака горяча,
Играя синим пламенем меча.

Крылом зеленым с левого плеча
Китайская клубилась епанча.

Как столб шатра, его копье, а щит
Был яхонтами алыми покрыт.

Как лилии раскрывшийся бутон,
Шишак султаном белым оперен.

Проворный, пламенный любимец сеч,
Став на ристалище, он начал речь.

Всевышнего восславив и судьбу,
За Искандара он вознес мольбу

И, обратив к войскам врага свой лик,
Провозгласил: «Я — Бербери-Барик.

Я был слугой Дары — царя царей,
Но проку в службе не было моей.

За верный труд, не то чтобы добра,—
Ни взгляда мне не уделил Дара.

Стоящих много ниже — он дарил,
Меня ж, моих заслуг не оценил!

Когда о том я шаху доложил,—
К рабу властитель слуха не склонил!

Когда ж меня просил я отпустить,—
Он, в гневе, приказал меня избить!

Униженному тяжко, мне тогда
Блеснула искандарова звезда!

Когда я к Искандару прискакал,
Мне царь так много ласки оказал,

Так ни за что меня он наградил,
Что от стыда я голову склонил.

На смертный бой теперь я выхожу,
Две добрых думы на сердце держу:

Всемерно Искандару послужить
И вражьей кровью в битве стыд отмыть!

Всех, кто отмечен щедрым был Дарой,
Поодиночке вызываю в бой.

Пусть шах, чьей мудростью земля полна,
Увидит сам, какая им цена!»

Когда же Бербери-Барик умолк —
Навстречу воин вылетел, как волк,—

С лицом убийцы, темен, словно дым,
Нависший над пожарищем степным.

В индигоцветной сумрачной броне
На черном, искры сыплющем коне.

То — в туче бедствий — гибели огонь!
То — небосвод бегущий, а не конь!

Копье в руке, как башенный таран,
А имя было воину — Харран.

Произнеся молитву за царя,
Он в бой рванулся, яростью горя.

И сшиблись на ристалище враги
И разлетелись, делая круги.

Слетелись вновь, И долго длился бой,
Не побеждал ни тот и ни другой.

Но вот Барик проворство проявил,
Он в грудь копьем Харрана поразил

И вышиб из седла, сломав ребро.
И прогремели небеса: «Добро!»

Поводьями Барик врага связал
И с пленником перед царем предстал.

Вновь Искандару дух возвеселил
Знак вещий, что победу им сулил.

Шах Искандар — ты скажешь — в пору ту
Победы первой видел красоту.

А лев-бербер, отвагой обуян,
Вновь на кровавый выехал майдан.

И вышел из рядов врага тогда
Слоноподобный богатырь Шейда.

Но льва от пораженья и стыда
Хранила Искандарова звезда.

И он такой удар Шейде нанес,
Что рухнул тот на землю, как утес.

К царю Барик сраженного привел,—
Связал и униженного привел.

Дара, владыка стран и мощных сил,
Копьем в досаде небу погрозил.

И вновь на поле, раскрывая зев,
Примчался лютый берберийский лев.

Другой — навстречу — издающий рев.
И страшно лица их наморщил гнев.

Но и его, как молнии стрела,
Бербер ударом вышиб из седла.

Так повалил Барик рукой своей
Девятерых подряд богатырей.

И больше в бой никто не выходил,
Но вспять коня Барик не обратил.

Он громко ратоборцев вызывал;
Скажи: огонь в сердца врагов бросал!

Ужасный гнев Дарою овладел;
Сильнейших звать на бой он повелел.

Муж выступил — похожий на слона,
Кружиться заставляя скакуна.

Силен, как слон, он с ног слона валил.
А конь, как носорог, огромен был.

Мех леопарда на его боках,
Тигровый плащ у мужа на плечах,

Как кровь живая, красный шлем горит —
Чалмой, как гибель, черною повит.

Не шлем — тюльпан! Но только не черно
Его пятно, а словно кровь красно.

Его лицо, как финики, темно,
А борода — льняное волокно.

Глаза — алмазы! Но орбиты глаз,
Как после казни полный кровью таз.

Из стран заката он ведет свой род —
Таков обличьем весь его народ.

Неслыханная сила им дана,
Им никакая сила не страшна.

И если занятый войною шах,
Терпящий беды в боевых делах,

Хоть одного из них пошлет на бой,
Как слон, растопчет он отряд любой.

Но если в битве пленника возьмет,—
Все бросит и с добычей прочь уйдет,

Домой, в пределы рода своего,
И силы нет остановить его.

А пленника приволочет в свой дом —
И сделает навек своим рабом.

Но берберием не был устрашен,—
Как молния, на бой рванулся он,

И сшиблись ратоборцы, и сплелись,
И по полю, петляя, понеслись.

То настигал один, то убегал,
То вновь врага на край майдана гнал.

То первого бойца второй боец
Гнал на другой ристалища конец.

И подымали пыль они порой,
И пыль крутилась, словно смерч степной.

Кто мог бы льва, который вышел мстить,
В кровавом поединке победить?

Но все же истомил бербер коня,—
И в нем самом уж не было огня.

Ведь он девятерых мужей сразил
И силу мышц железных истощил.

Ловец людей, поняв — слабеет враг,
Схватил бербера крепко за кушак.

Добычу взяв, не отдал никому —
И не вернулся к войску своему.

Увел коня и пленника увлек;
И помешать никто ему не мог.

Ушел и скрылся медленно вдали.
Среди увалов пасмурной земли,
Там, где садилось солнце-властелин
За грани гор, в чертог морских пучин.

Увидев, что бербер его пропал,
Душою Искандар в унынье впал;

Сказал: «О, как горька его судьба!
О, как тяжел, увы, удел раба!»

Но он был рад, что богатырь такой
Неслыханный потерян был Дарой.

А шах Дара? — порадовался он,
Что бербериец лютый укрощен.

Но все же втайне он был огорчен,
Что боевой ушел из войска слон.

...Ночь наступила. Поднялась луна,
Как Искандар, величия полна.

И разделила ночи глубина
Войска. И наступила тишина.

В своем шатре Дара не ведал сна,—
Ему потребны чаша и струна.

Увы! — он кровь глотал взамен вина!
«Что завтра явит мир, что даст война?»

Румиец ночь в молитве проводил,
Он помощи просил у бога сил.

Смиренно он чело к земле склонил,
В слезах о справедливости молил.

Когда ж уста мольбы он затворил,
Рассветный луч вершины озарил.

Тревожно вновь заволновался стан,
Взревели трубы, грянул барабан.

И в поле потекли войска тогда,
Как сонм воскресших в страшный день суда.

И тучи пыли омрачили высь,—
Мечи и копья яростно сплелись.

Зерцала рассекая синих лат,
Богатырям сердца пронзал булат.

Сраженьем управляя издали,
Шах Искандар глядел на лик земли.

И в пору ту гонец пред ним предстал,—
В пыли, в поту, он тяжело дышал.

Пав на лицо, он уст не отворил —
И свиток запечатанный вручил.

Вскрыл свиток Искандар. Но как же он
Был тем письмом глубоко изумлен!

Он понял, что расправился с врагом
Небесный свод в могуществе своем.

Два были у Дары раба судьбы —
Наместники царя, а не рабы.

Но незаслуженно султан их гнал
И ужасом их души напитал.

«Войну закончу — смерть нашлю на них!» —
Он молвил о наместниках своих.

Поняв, что им в живых недолго быть,
Решили те властителя убить:

«Пока не обнажил на нас он меч,
Должны мы сами жизнь его пресечь!..

Когда мы корни шаха поразим,
Народ от гнета мы освободим.

И пусть умрем потом! Ведь все равно
Светило наших дней обречено!

Желаний нет у нас других. Умрем,
Но души от насилия спасем!»

Они письму доверили сердца.
В румийский стан отправили гонца

К великому царю чужой земли,—
И тем на гибель души обрекли.

Когда же войск построились ряды,—
В кипеньи нераскаянной вражды,

Те два, как заговор их был решен,
Настигли шахиншаха с двух сторон.

И разом заблистали их мечи,
Рубиновыми стали их мечи.

Один царю в живот клинок вонзил,
Другой — жестоко в темя поразил,

Возмездье и насилие творя
За гордость и насилие царя.

И наземь пал, как горделивый кедр,
Тот, корни чьи — в глубинах древних недр.

Величие Бахмана враг поверг.
Светильник рода Кейева померк...

Когда о той беде узнал народ —
Средь войска начался переворот.

И дрогнул воинств необъятный строй...
Прочтя письмо, Румиец той порой,

Вручив судьбу и душу небесам,
Сел на коня и поскакал к войскам —

Кровопролитие остановил.
Во вражий стан бестрепетно вступил.

И расступились люди перед ним,
И преклонились люди перед ним.

И о беде поведали ему,—
Как светочу, вошедшему во тьму,

И наземь он тогда сошел с коня,
В шатер Дары вошел, как солнце дня,—

И видит: в луже крови шах лежит,
Кровавой багряницею покрыт.

И сердце горем сокрушилось в нем.
И сел он, горько плача над врагом,

И голову Дары в ладони взял,
И столько слез горячих проливал,

Что у Дары в его предсмертный час
Открылись сонные нарциссы глаз.

Он понял, кто у изголовья был,
И тихо так Дара заговорил:

«Добро пожаловать, мой юный шах!
Мудрец и богатырь, подлунной шах!

Кто перл родил столь дивной чистоты?
Кто мог бы так врагу простить, как ты?

О, как я гневом на тебя кипел!
Как часто гибели твоей хотел!

Средь сильных, миром правящих земным,
Один ты был соперником моим.

Кто в мире есть, как ты? — нет никого!
В тебе явилось миру божество.

Я на лицо твое взирать хочу!
Склонись ко мне — тебе внимать хочу!

Ты — гость мой,— но в какие времена?
Дом рухнул мой, разграблена казна!

Как послужу я гостю моему?
Где друга долгожданного приму?

Вот лишь душа не отдана судьбе...
Коль примешь — душу высыплю тебе!

Мой милый гость! Ты сердцем так велик,
Теперь я сам — твой гость, твой гость на миг!

И если дружба, а не зло — твой стяг,—
Бог да хранит тебя на всех путях!

Но если ты явился, чтоб убить,
Склонился, чтоб главу мою срубить —

Великодушен будь, не убивай!
Помедли миг, сказать два слова дай!»

Крик Искандар и громкий плач подъял,
Венец свой сбросил, ворот разорвал.

Вскричал: «Живи, великий шах земли!
Уйдешь — как буду от тебя вдали?

Вот пред тобой слуга смиренный твой,
Но я стыжусь, что был плохим слугой!

Увы! В ножны не вкладывая меч,
Я должен был властителя беречь.

Я должен был очистить от врагов
Чертог, где обитает Кей-Хосров!

О, если б о врагах его я знал,
Я б из пределов мира их изгнал!

Нет слов! Язык в бессилии молчит.
Отчаяньем стыда мой ум убит!

В безумии я принял вызов твой,
В безумьи на тебя я вышел в бой.

Я не поверил вражьему письму.
И как — скажи — поверить мог ему?

Но вот — увы! — злодейство свершено
И для меня светило дня черно!..

Свидетель — небо: лгать я не могу!
Ты знаешь, властелин, что я не лгу!

Я умер бы, судьбу благодаря,
Лишь бы спасти от гибели царя!

Теперь свою мне волю сообщи!
Ее исполнить в мире поручи!

Меня в свои желанья посвяти!
Дай светоч мне на жизненном пути!»

Молитву небу шах земли вознес
И голосом чуть слышным произнес:

«Внемли,—вот три желания мои!
Три главных завещания мои!

Те, что меня убили без вины,
Твоей рукой да будут казнены.

Хоть не поможет месть в моей судьбе,
Но польза будет в деле том тебе.

Спасти меня — нет средства. Я умру.
Но делом правды ты почти Дару!

Не обижай, прошу, родни моей!
Не забывай — их прародитель — Кей.

Знай! Никого средь них я не найду,
Кто мог бы затаить к тебе вражду.

Сиротам милосердье окажи,
К себе их вечной дружбой привяжи.

Не обрубай моих ветвей живых!
Нет для тебя опасности от них!

Дочь — Равшанак! — с сегодняшнего дня
Она одна осталась без меня!

Короной Кейев древнею она —
Хосрова пурпуром осенена.

Она — луна в созвездии царей,
Перл драгоценный шаховых морей.

Ковер свой украшай ее лучом!
И сердце утешай ее лучом!

Ее женою в свой шатер введи,
На трон с собою рядом посади!

Она — частица печени моей,
Последний колос скошенных полей.

С моею слабой печенью свяжись!
Будь сыном мне! — во внуке дай мне жизнь!

Кусочек печени моей живой,
Внук будет продолжатель мой и твой.

Сын Искандара он и Кейянид,—
Меня с тобой навек соединит!

Трех этих просьб, о друг, не отвергай,—
Прими их! — мне ж пора сказать: «Прощай!»

Воздел Румиец руки к небесам,
Дал волю горьким воплям и слезам.

«О царь царей! Величия предел!
Все принял я, что ты мне повелел,

И к богу обращаюсь я с мольбой,
Чтоб он простил мой грех перед тобой!»

Когда Дара услышал, что желал,
Вздохнул он и навеки замолчал.

И солнце закатилось, пала ночь.
В бахмановом дворце настала ночь.

Закон пропал, что начертал Лухрасп,
Обычай пал, что завещал Гуштасп.

Кто светоч Кей-Хосрова омрачил?
Кто печень Кей-Хосрова заклеймил?

Смотри — Кава забвением объят.
Кто помнит, как был славен Кей-Кубад?

Страх духом Минучихра овладел,
На Афридуна ужас налетел...

Шах Искандар владыкой мира стал
И все Дары могущество приял.

В блистающий табут он прах царя
Убрал, едва забрезжила заря.

Зазеленела степь, как изумруд,
В ней все цветы благоуханье льют.

И вывел шах войска в степной простор,
А посреди поставил свой шатер.

Шатер, как небосвод, установил
И мир народам мира возгласил.

* * *

Вина мне, кравчий! — душу в нем найду,
Беду слезами скорби отведу!

Пусть рок Даре поспешно яд несет,—
Живой воды Румиец не найдет!

Приди, певец, и снова чанг настрой!
Но, сладких струн коснувшись, плачь, не пой,

Чтоб горько зарыдал я над Дарой,
Как мех вина кровавою струей.

О Навои! — вот мира существо!
Неверность и жестокость — суть его.

Будь верным, но о верности забудь.
Коль хочешь быть богатым, бедным будь!

О царственном порядке и строе в божественной мастерской мира, подобных порядку и строю во владениях Вечного, где ангелы и избранники, и пророки, и сонмы других созданий его по своим свойствам и качествам располагаются каждый на своем месте; и если все в этом мире помогают друг другу — это хорошо, а если нет — плохо

Кто хочет шахом — полководцем стать,
Тот должен сам все нужды войска знать.

Пусть каждому из войска своего
Воздаст он по достоинствам его.

Тем, кто великий подвиг совершит,
Великая награда надлежит.

Но меньшая — за малые дела —
Пусть будет и награда и хвала.

Нельзя людей достойных унижать,
Нельзя и недостойных возвышать.

Страна богата и незыблем трон,
Где правит справедливости закон.

Удачу обретет во всех делах
Установивший справедливость шах.

А там, где шах несведущ — быть беде;
Где взять ему порядок твердый, где?

Тот шах ребенку малому подстать,
Задумавшему в шахматы играть.

Ведь правилам игры не обучен,
Фигуры как попало ставит он.

Взамен ладьи поставит он слона,
А пешку там, где ферзь стоять должна.

Расставит так, как нравится ему
По своему незрелому уму.

Он сколько б ни играл, игры такой
Не назовете шахматной игрой.

Нельзя собак соломою кормить,
Коням в кормушку кости положить.

Не поручай волкам стеречь овец,
Дабы не разориться наконец.

Кто скажет льву: без мяса жить сумей,
Питайся, мол, утробою своей.

Коль пищу льву надсмотрщик не дает,
То лев ему утробу разорвет.

Златой венец собаке не к лицу,
Зачем нарядный колпачок птенцу?

А сокол, реющий за облака,
Алмазного достоин колпачка.

Осел шафрана в губы не возьмет,
Цены парче невежда не поймет.

Тот, кто раздавит голову змеи,
Обезопасит сам пути свои.

А кто змею за пазуху кладет,
Тот сам себя на гибель обречет.

Тому, за чьею пазухой змея,
Скажи: «Не четки это — смерть твоя».

Псу-волкодаву место на дворе,
А кошке дома место — на ковре.

Твой пес стада от волка сторожит,
А кошка дом твой от мышей хранит.

Нельзя на волка с кошкою ходить
И не приучишь пса мышей ловить.

Псу не идет кошачье ремесло;
Зачем коту собачье ремесло?

Полезен каждый, если приучен
В том деле, для которого рожден.

Еще я должен правила назвать,
Которые правитель должен знать.

Пусть он умеет различать людей
Так, как умеют знатоки камней

Рубин от угля отличить на глаз,
Не принимать стекляшку за алмаз.

От бирюзы подделку отличить
И в тот же час подделку обличить.

Но в этом деле затрудненье есть:
Ведь на земле людей, как звезд, не счес

Те велики и ярки, те — едва
Мерцают, чуть стемнеет синева.

Один, как солнце, светится добром.
Другой живет и дышит только злом.

Два близнеца — от матери одной,
И что ж: один — хорош, другой — дурной.

«Альф» и «Алиф» — хоть корень их един,
«Альф» — это «тысяча», «Алиф» — «один».

Пусть — черепаха мертвая в песках
Похожа на жемчужницу в морях;

Но кроется жемчужина в одной,
И только мясо тухлое в другой.

Свеча — цветок огня, а лед — вода;
Но схожа со свечой сосулька льда.

Толченый сахар с мелкой солью схож,
Но вместо соли сахар не возьмешь.

Быть может схожа с вороном Хума,
Но рознь их непостижна для ума.

Шах проницательностью обладать
Обязан и уметь сопоставлять,

Чтоб золото от фольги отличать,
Сковороду за солнце не принять.

Учиться нужно, проверять себя,
Глубоко нужно познавать себя.

Коль при царе ученые живут,
Чьи так бесценны знания и труд,

Держать их нужно бережно, в чести,
Царапин их сердцам не нанести.

Лишь тот достоин славы властелин,
При ком доволен и простолюдин.

А коль царя клянет простой народ,
Где верное он войско наберет?

Такому ль шаху воевать с врагом,
Когда в стране его враги кругом?

Войска оружье бросят, побегут
Или на вражью сторону уйдут.

И пусть народ годами терпит гнет,
Но в некий день возмездие придет.

Рассказ о Султане Абу Саиде Курагоне, да будет светлой его могила, который с помощью своего ума, устраняющего все препятствия, взял много стран и мечом разрушения жизни разгромил многие народы, но его воины, не будучи согласны с ним, однажды возмутились; и он остался в опасности — один среди врагов, а противник мечом мести снес голову этому достойному

Глубокий мыслью в царственных делах
Был в Курагоне знаменитый шах.

Он взял Мавераннахр и Хорасан
И много славных городов и стран.

Хорезм завоевал он и Кирман,
Кашгар он захватил и Сипахан.

Забулистан, Кабулистан при нем
Весенним заблистали цветником.

Благоразумен, знающ, умудрен
Великую державу создал он.

И мысль глубоко овладела им —
Всем этим миром завладеть земным.

И вот — все взвесив, после долгих дум,
Повел он войско на Табриз и Рум.

Но хоть благоволил ему пророк,
Тот мудрый царь имел один порок.

Несметные богатства он собрал,
Но в скудости людей своих держал.

Предусмотрителен был мудрый шах,
А недовольство ширилось в войсках.

Когда на Рум обрушил он удар,
Немедля рать свою собрал Кайсар.

Чтоб нападенью должный дать отпор,
На рамо поднял щит и меч простер.

Надолго затянулись дни вражды,
Дни голода и жажды, и нужды.

А шаха Курагонского войска
Ни в чем добра не видели пока.

И заговоров корни проросли
Средь войска, в глубине чужой земли.

Одни мечи бросают и бегут,
А те на сторону врага встают.

И всеми брошен, пленником врагов
Стал царь семи вселенной поясов.

Явило небо неприязнь к нему;
Как солнце, закатился он во тьму.

Меч палача презренный заблистал,
Рубиновым от царской крови стал.

Внемли народа ропщущего глас,
Пока расплаты не нагрянул час!

Покинутый войсками властелин
Ничтожен: что он сделает один?

Засохнет быстро сорванный цветок;
Вне тела сердце — мяса лишь кусок.

Вот истина, известная давно,
Что шах и войско быть должны — одно.

Как два влюбленных — говорили встарь,—
Должны в согласьи жить народ и царь.

Завоевать весь мир — легко ль сказать...
Но в дружбе с войском — не страшись дерзать!

Искандар, став владыкой в стране Дары,
рассыпал золото и жемчуга, как солнце и
рассвет, из его казны и сокровищницы, и
этими дарами благоустроил дела поддан-
ных, и послал гонцов, чтобы вызвать ша-
хов стран мира, и они все подчинились
его приказам, а шах Кашмира произнес
неподобающее заклинание, раджа Хинда
ответил несогласием, и Хакан Чина с не-
довольством отклоняет его предложение

Когда покончил Искандар с войной,
Вошел он в силу, словно лев лесной.

Но духом щедр и разумом велик —
Он справедливости престол воздвиг.

Даруя счастье и миротворя,
Он стал душеприказчиком царя.

Печалью несказанною объят,
Оплакиванья справил он обряд.

И долго над Дарой он слезы лил
И царственно его похоронил.

Скажу я, что тужил он не о нем,
Скорбел о положении своем;

Такую власть, такие бремена,
На юные он поднял рамена.

Насколь велик властителя удел,
Настолько угнетен вершитель дел...

Последнюю Даре воздавши честь,
Цареубийц он приказал привесть.

На солнцепеке — в час жары дневной
Повесили их книзу головой.

И всем в народе, кто б ни пожелал,
Он стрелами стрелять в них приказал.

Тела казненных предали костру,
Развеяли их пепел на ветру.

«Такая участь — низкому тому,
Кто изменил владыке своему!»

Так Искандар веление царя
Свершил, всевышнего благодаря,

И молвил — полн желанием добра:
«Сирот оставил властелин Дара,—

Так пусть же успокоятся они
И счастливы пребудут во все дни!»

Наделы, что даны им были встарь,
Пожаловал сиротам юный царь.

У власти над страною новой всей
Поставил верных, знающих людей.

Позвал писца, царевне Равшанак,
Участья полон, написал он так:

«Твоя потеря горше всех потерь,
Но ты напрасно не крушись теперь.

Покорность воле неба в дни беды
Дает цветенье счастья и плоды.

Пусть куст увядший вырвет садовод,
Весной его отводок расцветет.

Разбитой быть — жемчужницы удел,
Чтоб чистый жемчуг в мире заблестел».

И он к царевне тамошних князей
Послал, даря их милостью своей,

Чтоб в царский сад князья перевезли
Тот лучший кипарис садов земли,

Не кипарис, а гурию высот,
Что солнцем озаряет небосвод.

Так он, когда обет исполнен был,
К завоеванью мира приступил.

Сокровища, накопленные встарь,
Приумножал Дара, великий царь.

От Фаридуна не расточена
Была Кеянов царская казна.

Все, чем был сонм отцов его богат,
Приял от них избранник Кей-Кубад.

Таков был строй Ирана вековой:
Царь умирал, на трон вступал другой,

И по завету мудрому веков
Удваивал казну своих отцов.

Миродержавный, наконец, Дара
Владыкой стал несметного добра.

Так было тысячу и триста лет.
Четырнадцать владык увидел свет.

А бог богатства все былых царей
Румийцу отдал в щедрости своей.

Сто восемьдесят замков было там.
Дара богатства вверил их стенам.

В подвалах, вырубленных в толще скал,
Он золото под серебром скрывал.

И стражи тех могучих крепостей,
Начальники, хранители ключей

Пришли к царю, склонились до земли,
И все ключи и списки поднесли.

Рассеяв страх и горе в их сердцах,
Расспрашивал их милостиво шах,

И видя преданность и честность их,
Сидеть оставил на местах своих.

И он велел, чтоб книги принесли,
Где всем богатствам царским счет вели,

И сколько ловят жемчуга в морях,
И лалов добывают в рудниках.

И у кого сходился верно счет,
Тем Искандар оказывал почет.

А где по книгам счет не доставал,
Он тех допросам строгим подвергал.

И вот, когда дабиры все сочли,
К царю за приказаньями пришли.

И вняв дабирам преданным своим,
Такой приказ владыка отдал им:

«Пусть всю казну сюда перевезут.
Пусть под рукой у нас хранится тут,

Чтоб не смутили дух моих врагов
Сокровища — наследие веков».

И слуги дружной двинулись толпой,
Как ветер по волнам береговой.

Понес за караваном караван
Вьюки сокровищ в царственный диван.

Два года, словно реки в океан,
Текли богатства в Искандаров стан.

И доложили шаху, как сочли,
Что половины не перевезли.

То, что осталось на своих местах,
Хранить велел надежным людям шах

В глубоких подземельях, в тайниках,
На кованых засовах и замках.

Все исполнялось так, как он велел,
И совершалось так, как он хотел.

Когда ученые его земли
В сокровищнице Джама все сочли,

Велел спросить великий, мудрый шах
Всех, службу несших у Дары в войсках,

Будь он вельможа, воин будь простой,
Иль тысячник, иль сотник войсковой,

Чтоб всяк о нуждах смело говорил
И сколько прежде им Дара платил.

Когда от них к владыке весть дошла,
Сказал он: «Плата воинству мала».

Войска вдвойне за службу наградил.
Харадж вдвойне народу облегчил.

Так защитил он войско и народ,
И осенил страну, как небосвод.

Сокровища он людям раздарил,
Страдающих от горя защитил.

Сказал: «Что мне казна, что — блеск ее!
Народ и рать — сокровище мое.

И пусть дары морей и рудника
В казне моей несметнее песка,

Пусть я богаче всех владык земных,
Какой мне толк от всех богатств моих,

Коль не приносят пользы мне они!
Гранит с гранатом искристым сравни:

Гранит — безвредный камень, а гранат
Увидев, люди алчностью горят.

И если ты сокровища хранишь,
Разбойники не спят, пока ты спишь.

Тот царь, чей благоденствует народ,
Богатство подлинное обретет».

Румиец, став богатым, полным сил,
Иран своею тенью осенил.

И одарив довольством весь народ,
В далекий препоясался поход.

Сперва, храня святой закон отцов,
В совет себе избрал он мудрецов.

Призвал таких, чья мысль как сталь остра,
Пускай на них одежда не пестра.

Меч языка у каждого из них
Грозней оружья полчищ боевых.

Такую сеть их мысль могла сплести,
Что сильному из сети не уйти.

Коварнее покрытых медом жал
Их языка отточенный кинжал.

Они постигли глубь земных наук.
Высокий разум — спутник им и друг.

Премудрый Искандар назначил их
Послами быть во всех краях земных.

К саклабам шел один, другой — в Саксин.
Тот в царство Индии, а третий — в Чин.

Один из них в Аравию пойдет,
В Кашмир далекий должен ехать тот.

В Миср едет этот, а другой в Багдад,
А тот в пределы царства Наушад.

Он каждого посла снабдил письмом.
Шла речь во всех посланьях об одном.

Одна во всех посланьях весть была —
Речь, что успокоение несла.

Калам Румиец тонко очинил
И мысль такую в письмах он явил:

«К вам обращаюсь именем того,
Кем создан мир и живо естество,

Того, кто видит мысли и сердца,
Не знает ни начала, ни конца,

Из бездны бедствий подымает он,
Царей с престолов низвергает он.

Любой владыка, грозный падишах
У ног его — ничтожество и прах.

Того ничто не в силах защитить,
Кого решил он в гневе истребить.

И нищему, лишенному всего,
Есть хлеб и место за столом его.

Царей на трон Дары возводит он,
А воля вседержителя — закон.

В покорстве воле бога — мир сердец.
Не спорит с вечным промыслом мудрец».

Так восхваленья кончив небесам,
Он слово обратил к земным царям:

«Я — власть Дары приявший, Искандар.
Весь мир земной сужден судьбой мне в дар.

Ты — Чина прославляемый хакан,
Кого своим вождем назвал Туран,

Ты ведаешь: все, чем владеешь ты,
Величье бытия и прах тщеты,

И что придет, и что навек уйдет,—
Не нашей волей дышит и живет.

Господь дарует троны беднякам
И посылает бедствия царям,

С благоговеньем должно принимать
И дар его любой добром считать.

Будь это жизнь, иль смерть, иль тьма, иль свет,—
С его веленьем спорить смысла нет.

Нельзя отвергнуть неба приговор.
С предвечной волей тщетен всякий спор.

И тайно так иль явно он хотел,—
Весь этот мир отныне — мой удел.

Мне в этом деле воли не дано.
Так было всемогущим решено.

Он предрешил, как жизнь пойдет моя,
И ум, и мудрость дал он мне в друзья.

Отец мой, уходя навек ко сну,
Мне завещал и царство, и страну,

Но дух познанья с детства мной владел
И я желанья власти не имел.

Дал бог мне царство в некий день и час,—
Но ведь желанья наши — не от нас.

То в книге судеб предначертан был
Мой путь. И воли бог меня лишил.

К тому ж в народе внял я вопль и стон,
И крик о помощи со всех сторон.

К тому ж, услышав некий тайный глас,
Я принял власть, душой ее страшась.

И гласу духа внемля, свой удар
Обрушил я на черный Зангебар.

Труд принял я в походе и войне,
Буртас багряный покорился мне.

И волей бога франкская страна
До Моря Тьмы была мне отдана.

И снова мощь взбудил в моих руках
Творец миров, и пал Дара во прах.

Как победить я стольких сильных мог?
Мне силу дал мою, помог мне бог.

Раз во сто больше враг мой был порой,
Но волей бога выходил я в бой.

И каждый раз сильнейшего громил,
По воле неба пылью мир затмил.

Когда Иран под власть мою подпал,
Любой из вас мне подчиненным стал.

И всяк, что прежде почитал Дару
И шел с поклонами к его двору,—

Все поспешили в стан ко мне прибыть
И, как Даре, мне поклялись служить.

Любой из тех царей не ожидал
Великих милостей, что я раздал.

И если в суть ты разумом проник
И счастье друг тебе и проводник,—

Встань и явись к величью моему,
Подобному лишь небу самому.

Приди, услышь, одобри речь мою,
Склони покорно голову свою.

Приди, покорность, дружбу мне яви
И век под сенью милости живи.

И возвеличен средь иных царей
Ты будешь светом милости моей.

Когда ко мне ты явишься, в тот час
Я во вселенной оглашу приказ,

Что перед всеми я тебя взыщу
И ото всех тебя я защищу.

Но если есть препятствие в пути
И не сумеешь ты ко мне прийти,

И если болен и не в силах ты
Добра и счастья перейти черты,

И если волей бога ты не смог
Высокий мой облобызать порог,

То пусть твой старший сын иль младший брат
Ко мне, тебе в замену, поспешат.

Двух нет,— тогда пришли мне одного,
Своим доверьем одари его.

Чтоб он разумен был, осведомлен,
Чтоб за тебя во всем ответил он.

Пусть принесет он все твои долги
С поклоном и покорностью слуги.

Твои желанья пусть объявит нам
И оправданья пусть объявит нам,

Чтоб тайным чаяньям твоим я внял
И все исполнил, как пообещал.

Но если от покорства в эти дни
Откажешься ты — бог тебя храни!

Когда вражду, как знамя, ты взметнешь,
Дорогой заблуждения пойдешь,

То если поразит тебя судьба,
Брани себя — неверного раба!

И о заступничестве ты моем
Не помышляй. Вини себя во всем.

Вот все, что я сказать разумным счел.
Все остальное разъяснит посол!»

Письмо писцам отдав переписать,
Велел он эти списки разослать

В иные страны, всем другим царям.
Что ж, есть пора — молчать, пора — словам.

Коль царь напишет глупые слова,
О нем пойдет недобрая молва

Для слова важного и время есть.
Что сказано не в пору — то не в честь.

Поехали с письмом во все концы
С охраною надежною гонцы.

И прибыли в предел иной земли,
И вот цари послание прочли.

Один от страха, тот награды ждет,—
Гонцам Румийца всюду был почет.

Всяк из царей, кто с разумом дружил,
Письмо Румийца к векам приложил.

Цари, прочтя посланье до конца,
Ты скажешь, стали слугами гонца.

Харадж и дань, и щедрые дары
Отправили наследнику Дары.

И в чаянье, что милость обрели,
Они к подножью славному пришли.

Лишь три владыки гордых трех сторон
Не тронулись к Румийцу на поклон.

Все трое, верные одной судьбе,
Но скажешь, каждый сам был по себе.

Бесстрашьем льву подобен и орлу,
Так говорил кашмирский царь Маллу:

«Хоть Искандар всю землю заберет,
Над всей землею я, как небосвод.

Три блага вечным богом мне даны,
И я не дрогну под грозой войны.

Мои твердыни медные крепки,
Заоблачные горы высоки.

И диво для врага, и горе есть,—
Вкруг царства и под царством море есть.

Есть пламя, есть источники огня,
Есть чародеи — слуги у меня.

Пускай с небес на нас падет беда,
Они не дрогнут мыслью никогда.

И скажут: «Суслик, львом свирепым стань!
Могучим тигром стань, степная лань!

Таков Кашмир. Нагрянет Искандар,
Я на него обрушу свой удар.

Бедой подую я в лицо ему,
Как вихрь солому, войско подыму.

Но если чарами владеет он
И наши силы одолеет он,

То в глубине страны пустыня есть.
Там, на крутой скале, твердыня есть.

Стена из красной меди сложена,
Издревле заколдована она.

Изрыт в утесе потаенный ход.
Увидит шах, когда туда войдет,

Что каменным и бронзовым смерчом
Твердыня блещет в небе голубом.

А захотим — невидима она...
Такая мощь заклятий нам дана.

Искусство чар не каждый обретет
Из тех, кто в нашей крепости живет.

А спросят нас: искусство ваше в чем? —
В том, что огонь и ветер мы берем.

Так силен жар полуденной поры,
Что люди умирают от жары.

Спасенье — свежий ветер. Но когда
Подует он, то всем живым — беда.

Под ветром тем огня не развести,
Под кровлею защиты не найти.

Ужасен климат наш. Людей сердца
Он убивает. Здесь не жди венца».

Вот так Маллу Румийцу угрожал,
И так раджа из Хинда отвечал:

«Царь Искандар сказал мне — я внемлю,
Что б он ни приказал мне — я внемлю.

Но ведь когда Дара, владыка стран,
Призвал к себе на помощь Хиндустан,

Как он хвалил меня в письме своем!
Как льстил, нуждаясь в воинстве моем!

Что ж, я откликнулся. Но не забудь —
Мы на год, на два снаряжались в путь.

Забрал налоги за два года я.
Взял от полей и от приплода я.

Вперед я войску за год заплатил.
Когда ж пришел на битву полный сил,

Увидел я, что рок Дару сразил.
Царя сетями смерти обкрутил.

И день твой вспыхнул в боевой пыли...
А мы обратно по горам пошли

И снаряженье износили все,
Без боя по ветру пустили все.

В поход мы вышли в несчастливый час.
В пути напало бедствие на нас.

Теперь в лохмотьях сыновья царей
Уводят, как рабы, чужих коней.

Пустыни я и горы миновал,
Ногою твердой вновь на царство встал.

Гляжу: увел я войско на войну,
Привел лишь часть десятую одну.

Увы, постигла наш народ беда,
Какой отцы не знали никогда!

Ты думаешь, что черен мой народ,
Но горя это черного оплот.

Я чернотою горя с головой
Покрыт. Но верь, я не противник твой.

Я внял твоим веленьям. Но гляди,
Как бедствуем мы! Нашу кровь щади.

Будь милосерден, слезы нам отри
И дай нам жить спокойно года три.

Пусть в мире обездоленный народ
Еще хоть два — три года проживет!

И если снова в силу мы войдем,
Я сам хотел бы встретиться с царем.

А понуждать войска в поход сейчас,
Докука беспредельная для нас.

Его посланье шлю обратно я.
Его веленье — не судьба моя.

Как смел? Как мне приказывать он мог!
Он — царь там у себя, но он не бог!

Он дерзок был, послы! Я вежлив к вам.
Пусть внемлет с честью он моим словам».

Так дал ответ раджа Румийцу в стан.
Иначе отвечал ему Хакан.

Сказал: «В посланье этом злая речь,
Как черный яд, как изощренный меч.

Наверно царь ваш не в своем уме,—
Настолько дерзок он в своем письме.

Богата и сильна страна моя.
Ни в чем ему не уступаю я.

Все, что он пишет мне в письме своем,
Несовместимо с честью и умом.

Не скажет мне и вечный небосвод,—
Пусть, мол, Хакан передо мной падет.

С Дарой у нас, давно установясь,
Была когда-то дружеская связь.

Но он меня ни в чем не принуждал.
Меня, как старший, он не унижал.

Пусть Искандар — второй Дара. Пусть он
Владыкой мира будет наречен.

Но что ж не подсказал премудрый Пир
Ему, что Чин — огромный целый мир?

Поспешен он по молодости лет,
Но я не тороплюсь давать ответ.

Он дерзок был в письме, я так скажу,
Но я запальчивость свою сдержу.

Пусть нам он дружбу явит, как Дара,
Тогда дождется он от нас добра.

Но если он всех выше мнит себя,
Лишь о своем величии трубя,

Утратил меру, упоен собой,—
То встретит он у нас вражду и бой.

Я не грожу,— пойду, мол, истреблю!
Но с ним на рубеже я в бой вступлю.

Он нападет на нас — не устрашусь.
Не спрячусь в город, в замок не запрусь.

Я выйду в поле, пыль взмету смерчом.
Во всеоружьи дам отпор мечом».

Вернулись три посла в поту, в пыли.
Все Искандару, спешась, донесли.

Что отвечал раджа, Маллу султан,
Что отвечал надменный им Хакан.

Зато сошлись во множестве — смотри! —
Покорность проявившие цари.

Для них Румиец во дворце Дары
Устраивал вседневные пиры.

Но сам он не был счастлив на пирах:
О непокорных думал он царях.

Веселье вкруг него весь день цветет,
А в сердце, в мыслях у него — поход.

Меж тем, на мир повеяло зимой,
А войск не водят зимнею порой.

Смиряя сердце, на зимовку шах
Повел полки в Иран и Карабах.

* * *

О виночерпий, тяготы отринь,
Бутыль до дна в мой кубок опрокинь!

Улыбкой, как стекло ее, блистай.
В Кашмир пойду я, в Индию, в Китай!

Приди, певец! Кашмирский чанг настрой
И песню из индийских лад запой!

Пусть тот, кто чашу Чина мне нальет,
Дойрой поднос фарфоровый возьмет.

О Навои, возьми испей до дна
Источник животворного вина!

Нет в мире ни Хакана, ни Маллу.
Они ушли в неведомую мглу.

По краю кубка вязью вьется стих.
— Они ушли, не говори о них!..

И не об Искандаре песнь веди,
О Хызре говори и о Махди!

Описание зимы, ледснящий ветер которой показывает признаки холодных вздохов скорбящих сердцем влюбленных, и стужа которой рассказывает легенды о душистом дыхании влюбленных, в душе которых горит огонь, и ледяной покров которой напоминает мрамор, а ее буран побеждает весь мир, и в это время года белый дом с небесным ликом становится светлым от пламени, подобного солнцу, или от вина, подобного огню, и собрание пирующих расцветает от весны улыбок солнцеликой красавицы

Огонь — зиме, вино пирам дано.
Вино, как пламя, пламя, как вино.

Огонь в жаровне, словно гроздий сок.
Вино красно, как пламени цветок.

А шейки фляг длинней гусиных шей,
А на углях жаркое из гусей.

Как розы, рдеют угли в очагах.
Игра их отражается в глазах.

Вино красавец юный в кубки льет.
Другой — алоэ на угли кладет.

И угли, источая сладкий дым,
Дом озаряют блеском золотым.

Рубином уголь чудится в золе.
Рубин вина, как пламя в хрустале.

Пусть ночь, как мускус, за окном черна,
Сияньем наша горница полна.

Там, за дверьми, над мускусной землей
Ночные тучи сыплют камфарой.

За дверью буря, вьется снежный прах,
А здесь — огонь и гости на коврах.

С опущенной в раздумьи головой,
Внимают пенью пери молодой.

Поражено их сердце не вином,
А пеньем пери, глаз живым огнем.

В том пробудилась тайная печаль,
И он на крыльях дум унесся в даль.

И умягченный, волю потеряв,
Он плачет, скорби сердца не сдержав.

Когда ж он станет жертвою вина,
И юная пред ним сидит луна,—

В нем непрерывно горечью дыша,
Как чаша, наполняется душа.

Жизнь без нее — долина горьких бед.
Взглянуть же на нее отваги нет.

Скажи: беда тому и тот пропал,
Кому она свой поднесет фиал.

И он главу преклонит, и тогда
Не подниматься ей до дня суда...

Но тот блажен, кто в этот час умрет,
Жизнь вечную он в смерти обретет.

Когда влюбленный разума лишен,
Упав, как пьяный, он впадает в сон.

Луна, едва зарей блеснет восток,
Чтоб отогнать похмелье, пьет глоток.

И затевая пиршество опять,
Повелевает свечи зажигать.

Ее глаза и томны, и темны,
И мы вином ее опьянены.

Колпак соболий набекрень у ней
На светлый лоб надвинут до бровей.

В баранью шубку кутаясь, она
Как солнце дня в созвездии Овна.

И календарь забыв, не видим мы
Помехи для весны среди зимы.

Она найдет влюбленного в нее,
Что впал, как в смерть, в глухое забытье.

Возьмет, потреплет за ухо его,
Чтоб красоты он видел торжество.

И как Мессия, к жизни воскресит
Того, кто ночью ею был убит.

Блажен, кто ею к жизни возвращен,—
Он Хызром к новой жизни приобщен.

Тот, кто живую воду изопьет,
Дыханье новой жизни обретет.

И притчей в мире станет речь о том,
Кто опален бессмертия огнем.

Не говори, что пьян Меджнун больной,
Скажи: расстроен в нем сознанья строй.

Он обезумел, пери увидав,
Ушел от мира, мира не познав.

Увидев, что любовь грозит уму,
Чтоб тайна не открылась никому,

Он выйдет из дому в рассветной мгле,
Пойдет бродить безумцем по земле.

Пусть он ушел во вьюгу, по снегам,
Но мир иной открыт его глазам...

С нагорий дует ветер все лютей,
Пронизывая тело до костей.

Пластинами сверкающего льда
Окаменела быстрая вода.

Источник солнца в чаше ледяной
Блистает, искрясь яркою звездой.

И звезд небесных чистые лучи
Пылают ярче над землей в ночи.

А солнце светит тускло, и тепло
Из естества лучей его ушло.

И люди прячут лица в башлыках,
У странников сосульки на усах.

Как летом мотыльки на свет свечи,
Слетелись птицы на огонь в ночи.

Тенета дыма разостлал костер,
Как зерна, искры разбросал костер.

Лик месяца от стужи посинел.
Свод неба, словно льдина, побледнел.

Седые в небе облака висят,
Рождающие белый снегопад.

Знамена вьюги хан зимы подъял
И с войском бурь на край садов напал.

Он цветники разграбил, и в ночи
Сорвал с деревьев золото парчи.

Тепло и свет пытаясь уберечь,
Деревья просят — их в костер посечь.

И пламя ярко блещет, как фазан,
Зимы студеной озаряя стан.

Мир в горностай оделся, нем и глух.
Оделись люди в мех и шерсть, и пух,

И в плечи головы свои втянув,
Сидят, перед сандалом прикорнув.

Коль на змею зимою поглядишь,
Ее с куском веревки ты сравнишь.

Безвредна, силы стужей лишена,
Она свиваться, прядать не вольна.

К огню живому гурии сошлись,
Как звезды, что вкруг солнца собрались.

И всяк зимою привлечен огнем,
Как желтая солома янтарем.

Когда декабрь повеет на пруды
И серебром покроет ртуть воды,—

То рыба, скрыта под ледовый свод,
Зиме-акуле в пищу не пойдет.

Когда подымет рать январь — Бахман,
Земля тверда, лежит, как Руинтан.

И вновь столпотворенье над землей
Несет воитель, от снегов седой.

В его глазах суровых стынет мгла,
И не вольна сразить его стрела.

И странным взору мнится мир земной,
Где все смешалось в буре снеговой.

Тогда в смущеньи отступаем мы
Перед набегом воинства зимы,

И нет пути в пустынях снеговых,
И свет очажный — благо для живых.

Согрет и дышит амброю покой,
Ад снеговой бушует за стеной,

И гурия небес к тебе сойдет,
И чашу вод Кавсара принесет.

Подъемля чашу к жаждущим губам,
Блаженства полн, пади к ее ногам.

Тогда крутую выю небосвод,
Боюсь, от зависти к тебе, свихнет.

Счастливец, час раздумьям посвяти,
От сглаза заклинание прочти.

Пусть дом твой — рай, пусть в нем тепло и
Что — рай, когда с тобой любимой нет!

О Меджнуне, как он ходил зимой и днем и долгой темной ночью, вдыхая мускусный запах локонов Лейли от каравана ветра, и счастливая судьба, наряжающая невест, дает ему в руки конец нити, ведущей к цели

Слыхал я, что Меджнун — смятенный дух —
Ушел в пустыню, к увещаньям глух.

Он среди голых скал, в дали степной,
Как зверь, скитался — летом и зимой.

Когда лучами летними объят,
Мир иссыхал, как раскаленный ад,

Меджнун защитной сени не искал,
В пустыне знойной тени не искал.

Когда декабрь свой снежный ставил стан,
И в желть зарира превращал бакан,

Меджнун от стужи к теплому жилью
Не устремлялся в сторону свою.

Лишь в сторону Лейли клонился он,
Лишь за Лейли вослед стремился он.

И всякий раз, как получал он весть,
Что, мол, ее кочевье где-то здесь,—

Как вихрь степной, он устремлялся к ней,
Как ветер утра к розе, мчался к ней.

Студеный, зимний ветер бушевал,
Меджнун безумный по снегу бежал.

Вдруг аромат Лейли, как запах роз,
Вихрь снеговой к несчастному донес.

И это было правда, не обман,
Хоть над землей снега крутил буран.

Глаза зажмурив, он пошел во мглу,
Навстречу свету милой и теплу.

Придя к жилью Лейли, едва живой,
Ударился он в двери головой.

Дверь распахнулась, и вбежал он в дом,
И пал, как будто оземь бил челом.

Открыв глаза, Лейли перед собой
Увидел, как Сухейль во тьме ночной.

И занялась душа его огнем,
И сила духа сокрушилась в нем.

Лицо он на колени ей склонил.
Скажи: о вечных двух мирах забыл.

Лейли, в глубокой тайне от людей,
Меджнуна скрыла в горнице своей.

Коль счастья ты, сойдя с ума, достиг,—
Пусть не вернется разум ни на миг.

Такие чудеса любовь творит,
Но свет их только любящим открыт.

О боже! Милость Навои яви,
И дай удел мне истинной любви!

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту о зиме, почему люди желают ее и естество ее требует, несмотря на жестокий холод и снега. Мудрец открывает уста для ответа и сыплет жемчуг из облака мудрости

Спросил, как море щедрый, Искандар:
«Ты, чьих познаний непостижен дар!

Ответь мне на вопрос, наставник мой:
Хоть страждем мы от холода зимой,

Хоть леденящий ветер нестерпим,
И по домам мы в праздности сидим,

Хоть краток зимний день, а ночь долга,
И яростны метели и снега,

И стынет кровь, и ветер жгуч до слез,
И нестерпим для естества мороз,—

Так почему же знойным летом мы
Желаем наступления зимы?

Уж легче летнюю терпеть жару,
Чем застывать на ледяном ветру».

И так царю ответил звездочет:
«Нам здесь являет мудрость небосвод.

И мысль такая разуму ясна:
Зима обильна влагой, холодна;

А долгим летом, от жары его,
Теряет влагу наше естество,

И внутренности нам сжигает желчь,
А холод влаги умиряет желчь.

И лучшей нет для отдыха поры,
Чем зимние беседы и пиры.

Зимой кончают люди все дела
И сходятся к источнику тепла.

Сидят, беседуя перед огнем.
С утра весь день за дверью снег с дождем.

И раз в делах помеха дождь и снег,—
Зимою отдыхает человек.

А долгие часы по вечерам
Мы посвящаем дружеским пирам.

Усталый пахарь-труженик зимой
Во сне находит отдых и покой.

На дружеском пиру, перед огнем,
Мозг в меру увлажняется вином,

И сон потом приходит в свой черед,
И тело здравьем от того цветет.

Всему живому благо сна дано,
Самой природой определено.

Ремесленник сидит в углу своем,
Всю ночь упорным занятый трудом;

Ночами зимними, забывши сон,
Достаток свой упрочивает он.

Другой, усидчивый познанья друг,
Постичь желая глубину наук,

Над свитками без отдыха в ночи
Сидит, вдыхая чад своей свечи.

И пусть он с двух концов свечу зажжет,
Он все же в час рассвета отдохнет.

Есть люди — благочестия полны.
Им ночи для святых молитв нужны.

Они утаены от глаз людских,
Но был бы темен светлый мир без них.

Они усердно молятся в ночи
И смертных озаряют их лучи.

Итак: пускай зимою ночь длинна,
Приумножает жизни свет она.

Чтобы исполнить эти все дела,
Зима нам время щедрое дала.

Вот в чем значение и суть зимы.
Вот почему зимы желаем мы».

Так молвил тот, кто в знаньях был велик.
«Добро!» — сказал державный ученик.

Искандар выступает в поход ра́ди обладания миром, доходит до Хоросана, строит Герат, берет Мавераннахр, создает несравненный Самарканд, отправляется в сторону Кашмира, и чтобы преодолеть колдовские чары кашмирцев, он, как Муса, своей блистающей рукой чудом разрушает крепость колдовства, и Маллу, потерпев крах, направляется к своей волшебной крепости, а Искандар доходит до города Кашмира

Я́ победы книгу пишущий для нас
Так начинает новый свой рассказ:

Стал Искандар владыкою земли,—
И все к нему с покорностью пришли

Цари, которыми еще вчера
Багрянородный управлял Дара.

Все притекли к нему с поклоном в стан,
И даже сам султан земли славян.

Но трое не пришли: кашмирский хан,
Шах Индии, хакан китайских стран!

В поход на них готовясь, юный шах
Избрал зимовки местом — Карабах.

Он войско снаряжал и отбирал,
Мужей своим примером ободрял.

Но средь великих воинских забот
Не забывал державу и народ.

В час отдыха — на светлых берегах
Аракса — он охотился в горах.

Когда ж к покою брачному Овна
Светило мира привела весна,

И молодая зелень поднялась,
Над всею степью объявляя власть,—

Войска он вывел на простор степной,
Бесчисленные, как цветы весной.

Как предсказал тысячезвездный свод,
В счастливый час он выступил в поход.

Лицо он к Исфагану обратил
И власть над всем Ираном утвердил.

И за спиной оставив Исфаган,
Вступил в благословенный Хоросан.

И той страны измерил он края,—
То не страна — отрада бытия.

Обширно-беспредельная — она
Обилия и красоты полна.

Там чистый воздух щек не опалит,
Он, как вино, бодрит и веселит.

И много рек и речек на простор,
Шумя, течет с ее прекрасных гор.

Четыре самых славных и больших,—
По щедрости как море — волны их.

В самозабвеньи вечный небосвод
Внимает пенью их могучих вод.

Подобна раю той страны земля,
Там реки рая льются на поля.

Хирманд-рекою мы зовем одну,
Она поит Забулистан-страну.

Хирманда брег — Рустама древний кров.
Забул — долина роз, страна садов.

Она, как солнце, озаряет мир.
Ее Нимрузом называет мир.

Последний нищий там — богач Хатам
И каждый воин там, как всадник Сам.

Другая же из этих рек — Абхар,
Ее вода — золотоносный дар.

В полдневный зной глоток воды ее
Пьют гурии, как райское питье.

Но жизнь врага от волн ее горька.
Питает древний Балх Абхар-река.

Тот Балх, что шах Гушанг облюбовал
И всей земли столицею назвал.

Там жил когда-то Ибрагим Адхам.
Там троны гор восходят к облакам.

И третья там река — Мургаб. Она
Струей Кавсара вечной рождена.

От всех болезней и душевных ран
Ей исцеленья дар волшебный дан.

Струящимся сокровищем зовет
Ее народ. Над нею Мерв цветет,

Где, гурий полный, рай себе обрел
Шах Тахмурасп, воздвигнув свой престол.

Сады полны непобедимых чар,
Где позже обитал султан Санджар.

А Ханджаран — четвертая река,
Она бежит в горах — сквозь облака.

Подобна небу гор могучих грудь;
В горах река блестит, как Млечный Путь.

Как жемчуг, камешки у ней на дне,
Играют звезды на ее волне.

Тот, кто живой воды ее испил,
Спасенье от недугов находил.

Как Хызр, сады цветут на берегах,
Не зная увядания в веках.

Как чаша неба, мир ее полей,
Как воздух рая, воздух чист над ней.

Пусть нёбо мира — зноем спалено,—
Оно ее волной охлаждено!

Потом река по пламенным пескам
Течет, даруя счастье берегам.

В дали пустынь теряется она,—
В подземный мир скрывается она...

Шах Искандар, объехав Хоросан,
На свежих берегах разбил свой стан.

Любуясь благодатною страной,
Сказал он: «Не земля — а рай земной!»

И местом, и рекою восхищен,
Прекрасный город там построил он.

И сто названий перебрав стократ,
Назвал свое создание — «Герат».

«Герат» — мы говорим,— но посмотри:
Простолюдины говорят: «Гери»...

И солнце неба город молодой
Избрал своей счастливою звездой.

Как семь планет на тверди голубой,—
Семь поясов имеет мир земной.

Как солнце посреди планет своих,
Так Хоросан средь поясов земных.

А в Хоросане — величавый град,
Прекрасная душа его — Герат...

Покамест солнце над землей встает,
Сияньем наполняя небосвод,

Пусть Хоросан красуется всегда,
Не зная смут и горя никогда!

Когда владыка мира город свой
Воздвиг и окружил его стеной,

Вновь для войны покинув свой престол,
Джайхун-реку он с войском перешел.

И распростерлась перед ним страна —
В цвету, как лучезарная весна.

Она Мавераннахром названа,—
Меж двух великих рек лежит она.

Страны Мавераннахра ширина
Примерно восьмистам верстам равна.

С востока у нее — река Сайхун.
А с юго-запада — река Джайхун.

Есть в той стране еще пятнадцать рек,
И лучшая река из них — Кухек.

Река Кухек, как Нил с Магрибских гор,
С горы Кухек стремится на простор.

То не гора — бесценный талисман,
Сокровищ всей вселенной талисман!

Не глиняные осыпи на ней,
Рубиновые россыпи на ней!

Кто видел эту гору — молвил тот:
«Вот голова Меджнуна слезы льет!»

Был Искандар тем краем восхищен,
Был им, как светлым раем, восхищен.

Построил город близ горы Кухек
И Самаркандом город свой нарек.

Столицей новою украсив мир.
Он двинулся немедля на Кашмир.

Повел через безводные пески
Войска — величьем духа и руки.

И много царств дорогой покорил,
И вот к горам Кашмира подступил.

И грозную увидел крутизну,
Ее гранит царапает луну.

Вершина — подпирает небосвод,—
На кручу взглянешь — шапка упадет!

Сверкая, уходил во мглу небес
Ее стены обтесанный отвес.

Вскарабкаться нельзя на гору ту,
Перелететь — орлу невмоготу.

От неба до земли была она
Огромной трещиной разделена.

Ущелье то, не шире ста локтей,
Глубоко в гору шло, теряясь в ней.

В ущелье тесный закрывали вход
Две створы тяжких кованых ворот.

Их арка тонет в сумраке высот,—
Дуга той арки — как небесный свод.

Созданье чародейства — не руки —
Врата на диво мощны и крепки.

Волшебники, что создавали их,
Гранитом сплошь облицевали их.

На сто локтей от уровня земли
Вверху две медных башни возвели.

Ты скажешь: то не крепость! Не стена!
Ей никакая сила не страшна.

То плод ума, уменья, колдовства,—
Так о твердыне той гласит молва.

В той крепости две тысячи людей,—
Из них любой — колдун и чародей.

От шлема и до пят снаряжены
Они для обороны и войны.

Так угрожающ облик тех высот,
Что враг к ним на версту не подойдет.

Оцепенеет злополучный тот,
Кто за черту версты перешагнет,

Хотя б он на лихом скакал коне —
В беде себя увидит, в западне.

Там ослабеют ноги у коня.
Коню и всаднику — там западня!

Там круг могучих чародейских сил
Пути для наступленья преградил...

В смятении, о мощи тех преград
Царю передовой донес отряд.

Но шаха этот слух не устрашил,
И вместе с Арасту он поспешил

Туда — за край рядов передовых,
Проверить вести воинов своих.

Проверив вести войска своего,
Он молвит: «Вот Кашмира колдовство! —

Нерасторжима волшебства черта!
Несокрушимы башни и врата!»

Но дум своих волненье укротив,
Вернулся в стан, войска поворотив.

В шатре с ним Арасту и Афлатун,
Сократ, Арашмидус и Кылинмун,

И муж-Волис, и румский Балинос,
Хурмус, и Фарфурнус, и Шаминос [13].

И с ними на совет к царю пришли
Пятьсот ученейших мужей земли.

Шах Искандар у мудрецов спросил:
«Где средство есть от чародейских сил?»

И встали приближенные царя,
Совет держали, рвением горя,

И говорят: «Великий шах-сардар!
Не опасайся черных вражьих чар:

Пусть крепость их грозна, как небосвод,—
Наука наша вход в нее найдет!

Мы сломим ухищрения врагов,
Разрушим укрепления врагов.

Что против знанья — маг и чародей,
Обманщик и базарный лицедей?

Вот мы, зиждители твоей судьбы,
Какие там зиждители,— рабы!

Будь это Афлатун иль Балинос,—
Мы не страшимся колдовских угроз.

А не удастся их осилить нам —
Пусть будут нам уделом стыд и срам!

Пусть чародеями ворон зовут,
Нам разогнать их — не великий труд!

Ты, царь, два дня спокойно отдыхай
Иль в степи на охоту поезжай.

На третий день мы дело разрешим,
Желание твое осуществим,—

Кашмира чары сокрушим во прах!»
...От их речей возрадовался шах.

«Оставьте все дела! — сказал он им,—
Одним займитесь делом — коренным!»

И мудрецы, за шаха помолясь,
Ушли, всецело к делу обратясь.

Расположенье звезд учли сперва
И отношенье звезд и естества.

Горн раскалили силой поддувал,
И в нем с металлом сплавили металл —

Ртуть, бронзу, олово. И наконец
Отлили тверди звездной образец —

Блестящий твердый шар — пустой внутри.
И что ж они придумали,— смотри!

От четырех стихий по части взяв,
Огонь и воду с глиною смешав,

Неведомое миру вещество
Сварили, заложили в шар его.

А в два отверстья шара фитили
Заправили — из нитей конопли.

И шар стал грозной вражьей головой.—
Не головой — стрелою громовой!

Коль фитили поджечь, а шар метнуть
За арку врат, за каменную круть,

То догорят в полете фитили —
И, чуть коснется тот снаряд земли,

Едва о камни грянется снаряд,
Возникнет гром и смертоносный град

Осколков шара,— будет дым, огонь,
И вихрь, и ужасающая вонь

Взорвавшегося в шаре вещества,
И сокрушится сила волшебства.

Тогда врата железные падут,
И гибель чародеи обретут,

И дымом омрачится лик луны.
И станут лица колдунов черны.

От страха обезумеют они!
О бегстве лишь подумают они!..

Как был готов прекрасный талисман,—
Луне подобный ясной талисман,—

К царю,— нет! К солнцу неба и земли,
А не к царю — ученые пришли

С ядром изобретенья своего
И описали таинства его.

Прекрасноликий шах, придя в восторг,
Крик изумленья радостно исторг.

Сказал: «Вот чудо для ума и глаз!
Простите мне, что сомневался в вас!

Когда ж возмездья пустим мы стрелу
В оплот жестокосердого Маллу?»

«Да хоть сейчас! — ответили ему,—
Согласно повеленью твоему!»

И шах явил войскам свой светлый лик,
И ликованья шум в войсках возник.

Сел на коня могучего султан —
За ним войска пошли, как океан.

Цари земли у стремени его —
Оруженосцы бремени его.

Ученые же люди — погляди!
Орудье грома катят впереди.

Не на колесах медную трубу,
А грозную противника судьбу.

И выйдя за передний воинств ряд,
Они в трубу вкатили свой снаряд,

Спервоначалу Чина вещество
На дно трубы насыпав под него.

Когда ж того орудья фитили
Мудрейшие из мудрых подожгли,

Раздался гром — и талисман взлетел,
Дабы народа тягостный удел

Одним ударом счастливо решить,
Дабы оплот насилья сокрушить!

Вот в крепости врагов снаряд упал
И разорвался, и загрохотал.

Возникли ад, огонь, зловонье, гром,—
И воины попадали кругом.

От дыма почернели лица их,
И раскололись створы врат стальных,

И распахнулось крепости жерло,
И на врагов смятение нашло,—

В безумье их повергли гром и дым...
Что, кроме бегства, оставалось им?

Вопя, они помчались в свой удел,
Там, где Маллу, злосчастный шах, сидел

Зеленолицыми они пришли,—
Зато черней, чем негры, утекли.

Сизоворонками они пришли —
Воронами и галками ушли.

Вот — враг непобедимый поражен!
Вот — глины ком — на тысячу ворон!

...Когда же вести выслушал Маллу
Про грозную румийскую стрелу —

Об Искандаре тут подумал он
И понял, что он слаб, а тот силен!

Что маг перед ученым-мудрецом?
Что он — Маллу — перед таким царем?

И понял он, что мир его померк
В тот день, когда он мир с царем отверг.

И видит он — в смятении народ...
И сам от страха места не найдет.

В подземный ход,— иного нет пути,—
Сокровища велел перенести.

Оружье, золото и серебро,
Рубины, перлы — все свое добро.

Но вы,— что столь богатым можно быть,
Увы, не сможете вообразить!

А сам на Каратаг он улетел.
Смотри,— как муха на ворону сел!

И тот, кому свой меч вручил Дара,
Тот Джам, увидев действие ядра,

Сказал: «Ну, с богом, в крепость мы войдем!»
Но мудрецы, стоявшие кругом,

Ответили ему: «Сегодня — нет!
До завтра налагаем мы запрет.

Там не рассеялся зловредный дым.
До завтра здесь спокойно посидим!»

И сердце к отдыху и пиршеству
Шах обратил, подобный божеству.

Мужей науки в свой шатер созвал,
И много почестей им оказал,

И милостью своей их озарил,
И возвеличил их, и одарил...

Когда же закатился солнца шар,
Что над землей блистал, как Искандар,

И кубок наслажденья даровал
Всем, кто к нему устами припадал,

Из царского шатра они ушли
И с чистым сердцем отдых обрели.

Когда же встало солнце, сквозь туман
Горя, как Искандаров талисман,

Прекрасный шах явил войскам свой лик,
Как солнце утра — светел и велик,—

И выехал верхом к своим войскам,
Слоноподобный мощью, как Рустам.

И воинство рекою потекло
И в крепость чародейскую вошло.

Тесниной шло оно дней пять иль шесть,
Когда примчалась из Кашмира весть.

Гонец — к царю: письмо в руке одной
И ключ от города — в руке другой.

Писали: «Под насильственным жезлом
Народ наш не народом был — рабом!

Но испытав могучий твой таран,
Бежал Маллу, безжалостный тиран.

Тобой от рабства освобождены,
К тебе мы благодарностью полны!

Но хоть избегли рабской мы судьбы,
Тебе мы будем верные рабы!

Простри над нами, мудрый царь царей,
Десницу справедливости твоей!

Мы совершим, что только скажешь ты!
Исполним все, что ни прикажешь ты!

Велишь — навстречу мы тебе пойдем
Всем городом! Твоей лишь воли ждем!

И шах в ответ послал такой приказ:
«Мы не желаем беспокоить вас.

Сам буду к вам я через два-три дня.
Не бойтесь — и молитесь за меня!»

И вскоре Искандар в Кашмир вступил
И в городе войска расположил.

Дворец отрады шах Маллу воздвиг,
Взрастил увеселения цветник.

И в замке этом, что как мир был стар,
Со свитой разместился Искандар.

Впервые в жизни в сад прекрасный тот
Теперь свободно приходил народ.

Вниманье шаха люди там нашли,
Надежду жизни новой обрели.

Любовней и заботливей отца
Он обнадежил скорбные сердца.

Сказал: «Вот отдал я приказ войскам,
Дабы обид не наносили вам!

И кто у вас веревку отберет,
Висеть на той веревке будет тот!»

И ни один боец румийских сил
Обиды жителям не причинил.

Все ж люди несказанной той земли
Дань добровольно шаху принесли.

Дань эту войску Искандар раздал,
А сам — с веселым сердцем — пировал.

И чашу, в коей отражался мир,
Он отыскал, обследовав Кашмир.

Да, кстати: у Маллу был казначей,
Хранитель всех сокровищ и ключей.

Он Искандару все ключи поднес,
Когда Маллу сбежал, трусливый пес.

И шах премудрый, овладев казной,—
Смотрите! — кубок отыскал другой.

Тот кубок полн рубиновым вином,
Вино не сякнет, сколь ни отопьем!

Вот это кубок жизни! — шах сказал,
И «чашей жизни» он его назвал.

Хоть кубок мира больше знаменит,—
О нем рассказ в дальнейшем предстоит.

В той «чаше жизни», как рубин, вино,—
Сколь ни отлей — все до краев полно.

И не убудет, хоть ста людям пить,
Не перельется, хоть и наклонить.

Взяв чашу,— счастья величайший дар,—
Запировал великий Искандар.

Пчелою он, прильнувшей к розе, стал
И письмена на чаше прочитал:

Когда полмира покорил Джемшид —
Обиженным и униженным щит,—

Сонм мудрецов, что с шахом пребывал,
Сковал две чаши и заколдовал.

«Познанья чашей» названа одна,
Вторая — «чашей счастья» названа.

Шах Искандар, что с бою взял Кашмир,
Забыл о чаше, отражавшей мир.

Он к «чаше жизни» целиком приник,—
Смотри: к фиалке мотыльком приник!

Смотри! — Вот радость для моих друзей!
Вина не будет меньше, сколь ни пей!

Его до дна вовеки не допить
И не пролить, хоть кубок наклонить.

* * *

О чародей Кашмира, кравчий мой!
Ласкающую сердце песню спой!

Хочу, чтоб песню ты не прекращал,
Пока я в чаше дна не увидал.

Да не иссякнет чаша никогда!
Да не коснется дна ее вода!

Когда найдешь тот кубок, Навои,
Его ты «Вечным кубком» назови!

Пей, друг,— но только если кубок тот
Розовощекий кравчий поднесет.

Рассуждение о том, что созерцание творений художника, объединяющего все сущее, и деяний творца, несравненного и бесподобного. дает решительное доказательство и явное подтверждение его существования. Приведение доказательств того, что чудеса творения можно лучше постигнуть, путешествуя по свету. Разделение путешествий на три вида: один шествует по дороге, как путник, проходящий долину погружения в себя и стремящийся к святыне; другой — бродит по миру, как странник, получая на стоянках стремления к истине наставление совершенного руководителя; третий — это полководец, который ведет войско, многочисленное, как звезды, чтобы овладеть миром

Явил предвечный на заре времен
Чертеж всего, что позже создал он.

Пути мирам и судьбы смертным нам
Предначертал живой его калам.

Неисчислимых образов чреда
Родилась под пером его тогда.

«Создатель образов» — зовется он.
Им образ двух миров был сотворен.

И множество диковин и чудес
Он поместил под сводами небес.

«Художник совершенен»,— скажешь ты,
Исследуя творения черты.

Тот, кто в искусство вечного проник,
Откроет сокровенных сил родник.

Ты, мудрый, проницательно гляди
И смысл во всех явленьях находи,

И будет свет наперсником твоим!
Пусть каждый атом мал, неуследим,

Пусть трудно сущность атома понять,
Пусть невозможно истину познать,

Когда стремленье явит разум твой,—
Ты мир чудес откроешь пред собой.

Но, коль по странам мира не пройдешь,
Ты знаний истинных не обретешь.

Хоть дальний путь трудами тяготит
И нёбо жар усталости палит,

Но самый крупный жемчуг лишь на дне
Ловец в морской находит глубине.

Откуда курице домашней знать —
Полезно или вредно ей летать?

Когда свободный сокол на лету
Кругами рассекает высоту,

Не о добыче помышляет он,
А созерцаньем мира восхищен.

В движении река поет всегда,
Безмолвствует стоячая вода.

И жизнь Земли узнает только тот,
Кто сам всю эту Землю обойдет.

Незрел, кто дальних странствий не свершил.
Кто век на месте, тот душой застыл.

Высок в своем вращеньи небосвод.
Недвижность землю тяжкую гнетет.

У домоседа тесен знаний круг.
Премудрый Хызр всем странствующим друг.

Откуда свет познанья людям тем,
Чей путь вседневный только в свой гарем?

Но счастлив тот, кто бодро выйдет в путь,
Чтоб чистой радостью наполнить грудь.

Пусть от покоя отрешится он.
Пусть пылью странствий облачится он.

Скакун неутомимый понесет
Свободного от низменных забот.

В пустыне зажурчит ему родник,
В самуме расцветет его цветник.

Как молния, он мчится, с головой
Скрываясь в пучине грозовой.

Страстей осадок в нем еще кипит,
Но свой полет он к истине стремит.

Мозоли грубы на ногах его,
Но жемчуг знания в руках его.

Когда мозоли треснут,— не вода,
Не кровь закаплет в пыль из них тогда.

То жемчуг падает из облаков:
Не жемчуг — влага жизни средь песков.

Течет вода живая, скажешь ты,
В кровавой трещине его пяты.

И Хызр к ногам скитальца припадет,
И ключ живой воды в песках найдет.

Как подобает избранным гостям.
Не гость он в доме, а хозяин сам.

Блажен, кем этот славный путь свершен!
Но тот, кто высшей доблести лишен,

Все ж он свой пояс может подтянуть,
Дабы посильно совершить свой путь.

Пусть он седлает доброго коня;
Излишней ношей рук не бременя,

Калам, тетрадь он должен припасти
И книгу — собеседником в пути.

Он ничего не видел кроме бед,
И верности, он знает, в людях нет.

Но все ж, на мир успевши посмотреть,
Он им не будет обольщаться впредь.

...Встал некто, в даль коня направил бег.
Он степь, как одержимый, пересек.

Смотрел на все, куда б ни прибывал,
А также всем речам людей внимал.

Во всех сплетеньях мудрость находя,
В несчастьях видя вечного вождя,

Как жаждущий, взыскуя у него
Воды от жара сердца своего.

Вот, наконец, он к мудрецам попал,
Увидел их и ниц пред ними пал.

Как лев, со светлым сердцем, полный сил,
Пред ним, как солнце в небе, каждый был.

Пылинкой в их лучах кружился он.
Был им покой в их сонме обретен.

Он им служил, усердием велик,
И среди них познания достиг.

Вот два пути; по ним к добру придешь.
Но есть и третий путь, и он хорош,

Коль справедливый муж, как Искандар,
Мир поясам земным приносит в дар.

Где б Искандар стопу ни утверждал,
Ты знаешь сам, он всюду побеждал.

Он взял Иран, не потопив в крови.
Теперь, Кашмир, покорность изъяви!

Весь мир пройдя до самого конца,
Увидел Искандар дела творца.

У ног его покорно полегли
Все страны обитаемой земли.

И всем светя, как солнце в дни весны,
Он стал царем от Рыбы до Луны.

Он был лучами счастья озарен,
Он был во всех науках умудрен.

Друг! Если хочешь к цели ты дойти,
И море знаний в мире обрести,

На путь исканья бодро поспеши!
Надежда — свет взыскующей души.

Рассказ о двух товарищах, один из которых, много путешествуя, стал государем, подобно солнцу, царствующему на небе. Другой был недвижим, подобно праху под ногами, и был сравнен с землей. Он, как песчинка, не мог оторваться от земли и достичь высокого положения

В Герате — неразлучные всегда —
Два друга жили в прежние года.

По воле непостижных дел мирских
Нужда и нищета постигла их.

Один поник покорно пред судьбой,
Уехал в страны дальние другой.

Тот, что остался дома, не у дел,
Немало унижений претерпел.

Друзьям вчерашним жалок и смешон,
На людях не показывался он.

Тот из друзей, что дальний путь избрал,
Обид избег, насмешкам не внимал.

Его судьба отважных увлекла,
Как будто подарила два крыла.

Вот Грецию увидел путник мой,
Как будто он достиг воды живой.

Там все являлось пищею уму;
Открылась мудрость древняя ему.

Он там нашел духовного вождя,
Учиться стал, усилий не щадя.

Средь мудрецов он много лет провел
И целый мир познаний приобрел.

Чтоб стать ученым, молод ты иль стар,
Условья: воля добрая и дар.

Знать, он отмечен божьим был перстом:
Великим стал врачом и мудрецом.

Познанья благо обретя в пути,
Решил он страны мира обойти.

В индийских очутился он краях.
А там ослеп в ту пору падишах.

Царь кликнуть клич велел на весь народ:
«Кто б ни был тот, кто зренье мне вернет,

Ему отдам я свет моих очей:
Он будет мужем дочери моей.

И я его, как сына, полюблю
И с ним величье власти разделю!»

Тот обученный в Греции мудрец
Пришел к царю немедля во дворец

И — диво! — зренье шаху возвратил
И дочь ему за это шах вручил.

Шло время, дни царя пришли к концу,
И царство то досталось мудрецу.

Когда несчастный друг его узнал,
Что он царем в стране индийской стал,

Надежд, сомнений полн, теснивших грудь
Чтоб видеть друга, он пустился в путь.

Он в городе остановился том,
Где друг его старинный стал царем.

Тот, бедняка по-прежнему любя,
Его вазиром сделал у себя.

Вот так бедняк, что дома век сидел,
Нужду и унижения терпел,

Когда решился в дальний путь пойти,—
Сумел и честь, и благо обрести.

Был первый духом истинно велик
И мудрости, и власти он достиг.

Всем странникам земли пошли, аллах,
Благой исход на дальних их путях!

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает у Арасту: «Почему мудрецы советуют совершать дальние путешествия?»

Шах спрашивал: «Учитель и мудрец,
Ответь мне, о души моей отец!

Гнетомых утомленьем и трудом,
Всех странствующих тянет в отчий дом.

Так что ж пускаться в путь, здоровья страж,
Советует нам врачеватель наш?»

Мудрец, склонивши завитки седин,
Ответил: «О мой друг и властелин!

Разумен твой вопрос: зачем идем,
Когда в пути мы кровь и слезы льем?

Идем, готовы все мученья снесть?
Здесь тайна,— нам от странствий польза есть.

Тяжелым истомленные трудом,
Мы наслажденье в отдыхе найдем.

Сырой еды нам неприятен вид.
Пусть над огнем котел с едой кипит.

И злато, сплавленное с серебром,
Очистится лишь в тигле огневом.

Подобен аду путь в степных песках,
Что раскалились в солнечных лучах.

Но кто не вытерпит,— сказал бы я,—
Тот не очистит злато бытия.

И пусть падет верблюд, погибнет конь,
Но злато жизни чище, чем огонь.

Кто странствует в морях, в горах, в глуши,
Очистит горем золото души.

Не страшно станет в будущем ему
Подставить сердце пробному клейму.

Нам разум разрешает дальний путь.
Нам силы укрепляет дальний путь.

Движеньем мышцы укрепляет он.
Пищеварению помогает он.

Ведь если мы в движеньи каждый час,—
И пища вся перегорает в нас.

Дыша бессменно воздухом одним,
На месте сидя, станешь ты больным.

Но ты в дороге чувства оживишь
И элементы тела обновишь.

Путь человечества — далекий путь...
Усталый странник жаждет отдохнуть,

Но долгий отдых скуку лишь родит,
Движенье силы жизни обновит.

Та истина природой нам дана.
На смену вьюг, смеясь, идет весна.

Та радость, что весною зрима нам,
Лишь в странствиях и постижима нам.

Ты в край иной пришел, в поту труда,
А там другие воздух и вода.

Душа дыханьем обогащена.
Кристальною струей поет волна.

Лишь в трудностях далекого пути
Мы силу духа можем обрести.

Далекий путь врачами разрешен
И в сонме мудрецов оправдан он».

Когда наставника ответу внял —
Добро! Спасибо! — юный царь сказал.

Когда Искандар дошел до Кашмира, Маллу из своей волшебной крепости с помощью ветра украл огонь из Кашмира и превратил этот вилоят в подобие мертвого тела, лишенного дыхания и потерявшего тепло жизни, и Афлатун раскрывает это колдовство и тайным ветром разрушает жизнь Маллу и рассыпает искры и жар скрытого огня на хирман его жизни, а Искандар зажигает светильник власти Фируза на месте Маллу

Знаток счастливой книги дней былых
Так свой об Искандаре строит стих:

Когда, лишенный всех надежд и благ,
Тиран Маллу бежал на Каратаг,

Престол его Румиец захватил
И жизнь Маллу, и счастье омрачил.

Принес закон и правосудье в дар
Кашмирскому народу Искандар.

Народ, как на владыку, на него
Смотрел, в надежде счастья своего.

Душой предавшись миру и теплу,
Шах вдруг спросил: «А как дела Маллу?»

Ответили ему: «О славный шах!
Маллу бежал в ущелья, в Каратаг.

Там, в замке зачарованном своем,
Сидит он, позабыв о всем земном».

О дивных чародейских тех делах
Все от гонцов узнал счастливый шах.

И вновь созвал он мудрых на совет,
Чтобы во тьму пролить познанья свет.

Испытанных наставников своих
Созвал в шатер он и спросил у них:

«Хоть весь кашмирский край — цветник сплошной,
Но нестерпим над ним полдневный зной.

А свежий ветер волнами прохлад
В рай превращает этот знойный ад.

Не овеваемые ветерком,
Здесь все сады сгорели бы кругом.

Но, как огонь, палит дыханье дня,
Хоть мы не видим признаков огня.

Счастливый этот край жарой спален.
Зной нестерпимый; людям в тягость он.

О мудрецы, должны вы разгадать,
Как нам огнем и ветром управлять.

Коль мы огонь и ветер покорим,
Мы эту землю счастьем одарим.

А коль разгадки тайны не найти,
Отсюда лучше вовсе нам уйти.

Не то дождемся мы такой поры,
Что войско ослабеет от жары».

И те, что знания хранили свет,
Так Искандару молвили в ответ:

«Мы разгадаем хитрости Маллу
И мы развеем чародейства мглу.

Чего страшится шаха естество,
То устранить легко рабам его.

Дела у нас бывали и трудней.
Мы справимся, дай срок нам десять дней».

Царь им: «Как десять дней? Да ведь ни дня
Нельзя прожить без ветра и огня!»

Тут, увидав что шах в раздумье впал,
Встал Афлатун-мудрец и так сказал:

«Пусть не печалится счастливый царь!
Такие ль мы дела решали встарь?

Есть замысел счастливый у меня,
Как справиться с задачей за три дня».

Порадовался шах словам его
И обнял Афлатуна своего.

В ту пору стихли над землей ветра,
Настала нестерпимая жара.

Жгло, как огонь, людей дыханье дня,
Хоть всюду гасли языки огня.

С поварни прибежали повара,
Крича: «Беда нам с самого утра!

Никак не можем мы огня зажечь;
Нам нечем затопить сегодня печь.

Огонь добыть мы тщимся целый день;
Напрасно бьем железом о кремень.

Бьем, бьем, а из кремня ни искры нет.
Как без огня готовить нам обед?!

Коль будет нынче трапеза скудна,
О царь великий, не на нас вина!»

Погас огонь и ветерок заглох.
Был ветром и огнем лишь горький вздох.

Днем не было огня ни в чьей печи,
А ночью не горело ни свечи.

Днем всех томили зной и духота.
Настанет ночь — повсюду темнота.

От этих мук светильники очей
Слезились и тускнели у людей.

Те падали, те в тень прилечь брели
И, ослабев, подняться не могли.

Царь, видя,— люди падают без сил,
Со свитой к Афлатуну поспешил.

«О друг! — он обратился к мудрецу,—
Смотри, уж третий день идет к концу.

Ты обещал помочь, но не помог.
Народ же от мучений изнемог».

И отвечал ему ученый муж:
«О славный царь, терпенье обнаружь.

Ты подожди до наступленья тьмы.
Желанного достигнем завтра мы».

И люди, веря мудрого словам,
Отправились спокойно по домам.

И вот каков был бедствия конец:
Труд этот взявший на себя мудрец,

Когда Джамаспа книгу изучал,
Такое предсказанье прочитал:

«В срок, что судьбой от века предречен,
Премудрый Искандар взойдет на трон.

Его удел — завоевать весь мир.
И вот в тот день, как вступит он в Кашмир,

То царь Кашмира в замок свой уйдет,
Огонь и ветер чарами запрет.

Но все ж наука может разыскать
Вход в крепость, талисман расколдовать.

В той крепости есть потайной покой.
Он мудреца воздвигнут был рукой.

Сон ветра в ней строитель заключил
И тем людей от бедствий защитил.

Неравномерно в древние года
Дул ветер злой, порывистый всегда.

Строитель, ярость бури укротив
И ветер в том покое заключив,

В стене покоя прорубил окно;
К Кашмиру то окно обращено.

Коль ветер из окна стремил полет,
В том ветре пользу находил народ.

А если ставнями окно замкнуть,
То ветер вовсе перестанет дуть.

Вне крепости колодец вырыт был.
Он прямо в недра мира уходил.

Отверстье узко кладезя того,
А дно зато широко у него.

Окружность в камне рубленого дна
Окружности той крепости равна.

На дне колодца был огонь зажжен,
Горящий с каюмарсовых времен [14].

Из бронзы создан талисман на дне,
Как страж огня, таится в глубине.

Как человек, по воле древних чар,
Он движется и раздувает жар.

Меха с воздуходувною трубой
Хранит он неусыпно пред собой.

Меха он движет волею судьбы,
Вздувая жар дыханием трубы.

В мир из колодца подымался дым
И роем искры сыпались над ним.

И зарево до облак было там,
Как будто солнце восходило там.

И польза людям всем от искр была.
Страна от этих искр огонь брала.

И всякий камень, сыплющий огнем,
В том капище рождался огневом.

А если кто-нибудь колодец тот
Особой крышкой наглухо замкнет,

Исчезнет в тот же час огонь живой
И спрячется, как солнце, под землей.

Как Искандар ту землю покорит,
Огонь царем Кашмира будет скрыт.

И станут думать мудрые — как быть,
Как пламя пленное освободить?

Среди ученых Афлатун-мудрец
Сумеет чарам положить конец.

Пусть он сперва найдет подземный ход
И близ него шатер свой разобьет.

Пусть под землей, под крепостью врагов,
Семнадцать отсчитает он шагов.

Пусть не идет он дальше, пусть кругом
Осмотрится он в подземелье том.

И там, в стене увидит две плиты;
Огонь и ветер ими заперты.

Те плиты крепко надобно толкнуть,
Чтоб ветру и огню открылся путь.

Одной плитою ветра ход закрыт,
Другая под собой огонь таит.

Когда преграды эти упадут,
Огонь и ветер бурно изойдут.

До неба грозным вихревым столбом
Взовьется ветер, смешанный с огнем.

Ударит буря, и твердыни свод
И толщу башен в щебень разнесет.

Так будет вихревой порыв жесток,
Что рухнут стены, крепость и чертог.

И людям в замке ног не унести,
Как от землетрясенья не уйти.

Когда огонь ударит, загремит,—
Он все живое там испепелит.

Огонь внутри завоет и извне.
Огромный замок будет весь в огне.

И те, что от кружения уйдут,
В огне ревущем смерть свою найдут.

Кто опрокинет глыбы древних плит,
Пусть он из подземелья прочь бежит.

Когда же вихрь и пламя изойдут
И с громом стены крепости падут,

Под землю должен он сойти опять
И те отверстия замуровать.

Тогда огонь и ветер стихнут вдруг,
Смятенье успокоится вокруг.

Повеет ветер мягко над землей,
И мирным станет вновь огонь живой».

Так было в книге тайн давным-давно
Джамаспом предсказание дано.

План замка изучив по книге той,
Взошел мудрец на склон горы крутой.

И под пятой нагроможденных скал
Сокрытый ход подземный отыскал.

У входа в подземелье в тот же час
Разбил шатер, все нужное припас.

Когда же солнце стяги дня свило
И до утра в подземный мир ушло,

И встали в небе сонмы звездных сил,—
Муж Афлатун к владыке поспешил.

Все, что узнал, с начала до конца,
Он рассказал носителю венца.

Был сильно удивлен великий шах
Рассказом о подземных чудесах.

«Поистине ты мудр,— сказал,— но что ж
Теперь, учитель, благом ты сочтешь?»

И так, сперва молитву сотворя,
Мудрец ответил на вопрос царя:

«О государь, я сделал все, что мог.
Ты заверши, и пусть поможет бог!

Теперь нам нужно счастье без помех.
Твое сегодня счастье выше всех.

Ты счастьем, духом, доблестью велик.
Ты разумом затмил земных владык.

Я тайну древних чар сумел открыть.
Ты должен эти чары сокрушить.

Ты должен опрокинуть две плиты
Там, где огонь и ветер заперты.

Ты — царь царей, ты — мира исполин.
Закончить дело должен ты один.

Мы все хотим, о избранный судьбой,
Чтоб узел тот развязан был тобой».

Совету многознающего внял,—
«Спасибо!» — царь наставнику сказал.

И с ним, в беде умеющим помочь,
И с верными, когда настала ночь,

В глубокой тайне устремился шах
Туда, куда вела тропа в горах.

Там Афлатун коня остановил,
Где в подземелье ход глубокий был.

Мудрец и Искандар с коней сошли,
Вступили смело в темный зев земли.

Когда шаги ученый отсчитал,
Он две плиты блестящих увидал.

Сказал царю: «Толкай смелей! Мы — тут...
И поспеши,— мгновения идут!»

Румиец Афлатуна отпустил,
Он грянул в плиты те, что было сил,—

И с громом плиты рухнули, а он
Из подземелья устремился вон.

Царь и мудрец в укрытье отошли
И взгляды к стенам замка возвели.

Вот много ль, мало ль времени прошло —
Над башней пламя стяги развило.

И ветер вдруг неистовый дохнул,
Людей на воздух яростно взметнул.

Увидев — гибель миру настает,—
Царь и мудрец вошли в подземный ход,

Забили два отверстья роковых
И наглухо замуровали их.

Кирпич и известь Афлатун припас,
Чтоб стену заложить в опасный час.

Едва лишь кладка прочная сошлась,
Огня и ветра ярость унялась.

Покинул радостно подземный ход
Царь величавый, словно небосвод.

С ученым — знаний светочем живым —
Вернуться он спешил к войскам своим.

Вдруг слышит за собою по пятам
Крик под землей и плач, и шум, и гам.

В тот миг, как в замке пламя прорвалось
Из-под земли и к облакам взвилось,

И ветер в крепости забушевал
И рать, как ворох листьев, разбросал,

Погибли все; а жизнь свою спасла
Лишь горсть людей, что по́д землю ушла.

То с сыном был и с дочерью своей
Маллу, да горстка преданных людей.

От сажи были щеки их черны,
Одежды, волосы обожжены.

Они бежали в подземелье том,
Как факелы, объятые огнем.

На помощь люди царские пришли
И вмиг несчастных от огня спасли.

Иные были так обожжены,
Что и врачи им стали не нужны.

Остался жив Кашмира властелин,
Злосчастный хан Маллу, Мубака сын.

И сын Маллу — Фируз. И дочь-луна
Бежала с ним, огнем пощажена.

Не время здесь описывать ее.
На это время надобно свое.

Маллу страдал, жестоко обожжен;
Нить жизни догорала — видел он.

Пред Искандаром голову склонил,
И так Маллу в слезах проговорил:

«О царь, виновен я перед тобой.
Ты прав... достоин казни я любой.

И пусть ты не заплатишь злом за зло,
Простишь меня, но жить мне тяжело...

Пусть исцелюсь теперь, но и тогда
Сгорю на медленном огне стыда.

Судьбою смерть моя предрешена...
Тебе да будет счастьем жизнь дана!

Я раб твой... Пусть — рожденные рабом,
Как дети, сын и дочь войдут в твой дом!»

Его покорность видя, славный шах
Развеял умирающего страх.

Сказал: «Я не питал к тебе вражды.
Ты сам виновник собственной беды.

Когда теперь, страдающий, больной,
Являешь ты покорность предо мной,—

Я грех твой прежний и твою вину
Пером великодушья зачеркну.

Коль жив останешься — я буду рад,
Харадж тебе назначив и закят [15],

Вновь на престол тебя я возведу
И другом из страны твоей уйду.

Но коль отсрочки смерть не даст тебе
И обречен ты гибельной судьбе,—

Отцом я стану сыну твоему,
Трон и венец твой передам ему.

Твою, владыка, царственную дочь,
Что словно солнце прогоняет ночь,

Я сделаю супругою своей,
Царицей и подругою своей,

Светильником ночей моих и дней,
Ближайшею наперсницей моей.

И пусть в крови потомства моего
Твое вернется к жизни существо!»

Поняв, что Искандар его простил,
Маллу вздохнул и дух свой испустил.

В последний миг с судьбою примирен,
Он был живой водою умерщвлен.

Смерть не кинжал орудьем избрала;
Смерть для Маллу от радости пришла.

Шах Искандар, не сдерживая слез,
Ему, ты скажешь, душу в дар принес.

И тот, кого душой он одарил,
Пред ним сокровищницу расточил.

Меж тем, событьями потрясены,
Сошлись князья, правители страны.

И царь велел, чтобы Кашмира знать
Готовилась Маллу земле предать.

Маллу в табуте [16] пышном, словно трон,
Был в усыпальницу перенесен.

Цари на кладбище табут несли,
Султаны, плача, вкруг носилок шли.

Маллу, забвенье с предками деля,
Почил в саду, где амбра, не земля.

Цветущий сад благоуханье льет,
Гробницы купол словно небосвод.

То не гробница, а огромный храм
Вздымал блестящий купол к небесам.

Снаружи башни купол сторожат.
Внутри огни, как ангелы, парят.

Таков был мавзолей царей земных,
Сень вечного упокоенья их.

Там, под плитою, в яшмовом полу,
Среди отцов почил султан Маллу.

Так Искандар великий приказал
И почести последние воздал.

Весь сонм три дня над гробом слезы лил.
Потом ковер печали свернут был.

И только дочь султана Мехри-наз
Все плакала, не осушая глаз.

И сын Маллу — Фируз, забывши сон,
Лил слезы молча, в горе погружен.

Чтобы печаль рассеять, весь Кашмир
Шах Искандар велел созвать на пир,

О девяти ступенях трон воздвиг
И сел на нем, как небосвод, велик.

В войсках Румийца бывшие всегда,
Цари у трона сели в два ряда.

На площади теснился, у ворот,
Садился во дворе простой народ.

И тот, кому небесный свод под стать,
Всем угощения велел раздать.

Он от друзей врагов не отличал
И всех гостей, как небо, угощал.

Там было десять тысяч скатертей;
На каждой блюда, чаши для гостей.

Без счета сотни царских поваров
Зарезали баранов и быков.

Там лучшие кондитеры земли
Халву варили, пряности толкли.

Весь двор огромный стал сплошным столом,
Жаркого горы виделись на нем.

Всех кушаний, что подавались там,
Не сможет перечислить мой калам.

Скажу: таких пиров не видел мир,
Какой в ту пору увидал Кашмир.

Расставив эту трапезу, султан
Всех звать велел кашмирских горожан.

Когда был пир окончен, в тот же час
Владыка мира дал князьям приказ,

Чтобы к Фирузу знатные пошли
И с почестями к трону привели,

Его парчою царской облачив,
На голову корону возложив.

Чтоб Мехри-наз — той царственной луне,
Той миродержца будущей жене —

Они дары и почести несли,
Как повелительнице их земли.

И полководец необъятных сил
Князей Кашмира щедро одарил

Плащами и одеждою цветной
И шубами, покрытыми парчой.

И всех, кто призван был ему служить,
Халатами велел он наградить.

Потом Фируза он к себе призвал,
И усадив перед собой, сказал:

«Нет средств у человека для борьбы
Против велений неба и судьбы.

Будь нищий ты, иль мира властелин —
Мы смертны все; удел у всех один.

Никто для вечной жизни не рожден;
Всяк при рожденьи на смерть осужден.

Но хоть надеется на долгий век —
Уйдет из жизни каждый человек.

Вот царь,— воздвиг он до неба престол,
И умер он, и нищ лежит и гол.

Что власть ему? Что злато и парча?
Где мощь его десницы и меча?

Где блеск, казна, величие его?
Ушел, с собой не взял он ничего.

И тот, кто думал век в парче блистать,
На досках голым осужден лежать.

О друг, ни я, ни ты, никто иной,
Да не прельстимся суетой земной!

Коль на уход живущий обречен,
Пусть об уходе вечно помнит он.

Что мы посеем здесь, созреет там,
Где человека судят по делам.

Чтоб шаха миновал небесный гнев,
Пусть будет справедливость твой посев.

Тебя в Кашмире ставлю я царем.
Стране своей надежным будь щитом.

Пусть милосердье станет твой закон,
Невинный да не будет осужден.

И пусть твоя держава процветет,
Живет и благоденствует народ!»

Так наставлял Фируза мудрый шах
В познаниях, что нужны в двух мирах.

Его он в правой вере просветил,
Закон и мусульманство возвестил.

Фируз высоким наставленьям внял
И заключил их в сердце, и сказал:

«О покоритель мира царь царей,
Могучий справедливостью своей!

Ты мудростью мой дух животворишь,
И я исполню все, что ты велишь.

И верю я, что помощь мне пошлет
Создавший землю и небесный свод.

О, если бы и впрямь таким я стал,
Каким меня ты видеть пожелал!

Отец мой был годами удручен,
Знать не хотел ничьих советов он.

В душе его, неся народу зло,
Упрямство слабоумья возросло.

В безумии он на тебя восстал.
Я спорил с ним, но слушать он не стал.

А если счастье отлетело прочь,
Несчастному словами не помочь.

Но ты пришел, исчезла тень беды.
Вкусил я справедливости плоды.

В согласии с тобой хочу я жить,
Хочу тебе достойно послужить.

Отец мой заблуждался, но к добру
Другую я дорогу изберу».

Словам Фируза внял и на престол
Великий Искандар его возвел.

Там, где сидел вчера старик седой,
Сегодня восседает молодой.

* * *

Дай чашу мне! — Не ту, что нес царям,
А подобающую беднякам.

Пусть в ней найду бальзам скорбям моим,
Пусть чудом снова стану молодым!

Певец мой, песнь печальную начни,
Напомни нашей молодости дни,

Чтобы душа в той песне ожила
И звук, и блеск, и радость обрела.

О Навои, ты поздно загрустил,
Ты сам по ветру молодость пустил.

Исправил бы, да вспять закрыта дверь,
И бесполезно каяться теперь.

О свежести утреннего ветерка, благодаря которому все вокруг постепенно расцветает, о красоте цветника юности, который постоянно радует сердце. Похвала тем, кто стал ясноликим, как солнце, предаваясь молитвам и склоняясь в молитве подобно фиалке

Как радостен и светел, и счастлив
Тот, кто измлада был благочестив.

Забавы в дни забав бросает он,
Веленьям разума внимает он.

Жизнь в заблужденьях низких не губя,
Добро творит он, истину любя.

Но жалок смертный, кто в огне страстей
Забыл о жизни будущей своей.

Нет, друг! Залогом счастья ты сочти
Не отступать от верного пути.

За благо всякое, что жизнь дарит,
Бесхитростный творца благодарит.

Но тот, кто в глубь явлений смотрит,— тот
Немеет пред величием щедрот,

Разлитых нам по милости творца,
Как океан, без края и конца.

Я край завесы тайны отогну,
Из многих тайн явлю тебе одну.

По воле неба из небытия
Ростком весны возникла жизнь твоя.

Был слаб росток, но сохранил его
Всевидящий в дни детства твоего.

Средь бедствий и болезней, и скорбей
Он защитил тебя рукой своей.

И ты возрос, окреп и возмужал.
Как ствол Тубы [17] ты станом строен стал.

Художник вечный дал глазам твоим
Огонь, подобный чарам колдовским

И завил в кольца шелк волос твоих,
Петлей аркана для сердец людских,

И копья сделал из твоих ресниц,
Что копьеносцев повергают ниц.

Куда б ни обратил ты лук бровей,
Зияют раны там в сердцах людей.

Твоим рубинам свойствен сладкий смех;
Пред ним и сахар горьким счесть не грех.

Как в яхонтовой раковине, в ряд
В улыбке зубы жемчугом блестят.

Твой подбородок с яблоком сравним,
Видна, как мускус, родинка над ним.

Живой душой исполнены черты
Твоей непостижимой красоты.

И как хорош, когда спокоен ты,
И как в движеньи каждом строен ты.

Ты совершенен с головы до ног.
Таким тебя,— ты помни,— создал бог.

И дал тебе он разум сверх всего,
Дал чувствам искру света своего.

И в сердце дар всеведенья вложил,
Чтоб ты ему во дни твои служил.

Ты все забыл; в душе твоей тщета.
Не изрекут хвалы твои уста.

Предвечного тебе невнятен глас.
Презрел ты волю бога и приказ.

Див гордости в мозгу твоем царит
И ангел от стези твоей бежит.

Твой рот — источник праздной болтовни,
А в сердце мысли низкие одни.

Не истине ты юность посвятил,
А в нераденьи, в глупости сгубил.

Но помни: не успев воскликнуть — «хай!» —
Пройдешь ты юных лет цветущий край.

И на отрадный твой садовый свод
Холодный ветер осени дохнет.

Как лист осенний, твой поблекнет лик,
И люди назовут тебя — старик...

Глаза уйдут во впадины орбит,
Зеницы слабость зренья поразит.

Чело поникнет, охладеет кровь,
Кустарником в снегу нависнет бровь.

Сплетенья вен на шее, на руках
Веревкой станут грубою в узлах.

И каждый узел — трудность и беда —
Помеха для усилья и труда.

Лицо морщины сплошь избороздят,
Твои черты былые исказят.

Лицо в морщинах, знай,— товар дурной,
Как ткань без нитки шелковой цветной,

Как ткань, что цвет соломы обрела,
Что вовсе почернела и сгнила.

Порока занавес — такой товар.
Пороком соткан тот гнилой товар.

Кровь стынет, теплотою не даря.
О старость! Ты — дыханье января.

От твоего дыханья борода,
Как белый снег, становится седа.

Стан согнут, как човган. Увы! Ты — стар.
Плешивый череп твой, как круглый шар.

Ступаешь ты нетвердою стопой.
Клюка в твоей руке — човган другой.

Идешь ты — обгоняет голова.
Ну что ж! Ведь шар — один, човганов — два

К стене ль присядет старец отдохнуть,—
Все ребра тощая являет грудь.

Колени обнаженные торчат,
И он не в силах запахнуть халат.

Приляжет ли он дома на кошму,—
За все упрек, за все укор ему.

А он не то чтоб здраво рассуждать,—
Не может с ложа голову поднять.

И все ушло, чем жил он на веку.
И помолиться — в тягость старику.

Чего же ради жизнь истратил он,
Не действовал, когда он был силен?

Нет! Богу надо в юности служить,
Чтоб старость в мирной радости дожить.

Счастлив, кто жизнь вотще не расточил
И что был должен сделать — совершил!

Рассказ о беспечном юноше, который не знал цены советам мудрого старца, и раскаяние его не принесло пользы

Жил юноша-богач в стране одной,
Красивый, схожий с солнцем и луной.

Беспечен и ничем не омрачен,
Он вечно был к забавам устремлен.

Зимой, весной ли он в саду своем —
С красавицами, с песнями, с вином.

Жил благородный старец рядом с ним,
Известный благочестием своим.

Сосед, что дни и ночи пировал,
Его уединение смущал.

Не раз он приходил увещевать:
«О юный друг мой! Полно пировать.

Опомнись и раскайся — мой совет».
А тот с улыбкой говорил в ответ:

«Отдам веселью утро бытия,
А в старости поститься буду я.

Пока я молод, буду пировать
Еще успею богомольным стать!»

Вот так оправдывал он сам себя,
В пирах, в разгуле жизнь свою губя.

...Цвет юности счастливца облетел.
Затосковал он, мира захотел.

Но так разврата омут был глубок,
Что в благочестии он жить не мог.

А если день в молитве проводил,
Он места сам себе не находил.

И вновь за пир садился, хоть давно
Его не утешало и вино.

Здоровье, жизнь сгубил он в цвете лет,
И тут к нему пришел старик-сосед.

И состраданья полн, увидел он,
Что болен тот и красоты лишен.

Увидев,— умирать ему пора,—
Остался старец у его одра.

Больной стонал, раскаяньем томим;
Спасенья нет: геенна перед ним.

Старик ему: «Советы я давал.
Так почему же мне ты не внимал?

Не думал ты, что смертный час придет?»
«Я был неопытен! — воскликнул тот,—

Я ринулся в житейскую волну
Не научившись плавать, и тону!

Знай прежде я, что ждет меня беда,
Я не сгубил бы юные года!»

Старик спросил больного: «Дай ответ:
Отец твой долго ль жил?» «Сто восемь лет».

Старик спросил: «Он плох под старость был?»
«Без ног лежал»,— бедняга подтвердил.

А старец: «О сгубивший сам себя!
Чем это был не опыт для тебя?»

Блажен, кто извлечет в начале дней
Свой опыт из судьбы других людей.

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту, почему в юности человек избегает молитв, почему к старости слабеет его разум, и светлый ум духовного наставника помогает счастливому шаху постигнуть истину

Вновь Искандар у Арасту спросил:
«О друг, ты суть явлений изучил.

Душе измлада божий путь открыт,
Что ж юность благочестия бежит

И, наставленья мудрых осмеяв,
Лишь наслаждений ищет и забав?

Когда ж угаснет жар, поблекнет цвет,
Душе ни в чем былой отрады нет...

Все в юности нам — сила, радость, пыл,
А в старости — ни радости, ни сил».

Так Искандару отвечал мудрец:
«О совершенств духовных образец!

В дни детства у людей сознанья нет,
Душе невнятен разума запрет.

Ошибок, заблуждений череда
Сопровождает юные года.

И правят юностью любовь и страсть,
Велений духа отвергая власть.

Когда пройдет смятенье первых лет
И разум ярко зажигает свет,—

Овладевает сущностью людей
Борьба ума с веленьями страстей.

И тот, в ком разум истинный силен,
Тот будет для великих дел спасен.

Но очень мало в сонмище людском
Мы светлых духом, избранных найдем.

А тот, в ком чувство разума сильней,
Всю жизнь влачится по стезям страстей,

Лишь к низменному вечно устремлен,
Свой светоч в заблужденьях гасит он.

Рабы страстей — им нет числа! Все зло
От их безумных дел произросло!

Хоть промысел заботится о нас,
Но им не внятен судеб вещий глас.

Блажен, в ком светоч разума горит;
Он злобных дивов в сердце укротит.

Но редко, мало встретим мы людей,
Способных властвовать душой своей.

Увы! Безумцев больше на земле,
Страдающих, блуждающих во мгле...

Вот зрелость мужа смертного пришла,
И легче стали все его дела.

Кровь понемногу охладилась в нем,
Огня стихия усмирилась в нем.

Тогда к вину он станет прибегать,
Вино природе станет помогать.

Вино от угасанья не спасет;
Оно лишь изнуренье принесет.

И старость незаметно — день за днем —
Придет и овладеет естеством.

Раскинет сети слабость, и тогда
Над плотью будет властвовать вода.

И жар она естественный зальет.
Не устоять огню под властью вод!

Когда огонь природный будет стыть,—
Желудок пищу сможет ли варить?

А если рухнет в теле сил оплот,
Болезней разных войско нападет.

Но так как мозг силен от естества
И свет ума зажжен от естества,

Чуть жар угаснет — канет свет во тьму
И глупость явится взамен уму.

Ослабнет память, чувство, мысль... и тут
Во всем одни оплошности пойдут.

Что мудрость опыта, что жизнь сама
Тем, кто под старость выжил из ума?

А есть другие люди! Мало их,
Но в них одних — надежда всех живых.

Их суть как бы из света создана
И на челе их — счастья письмена.

Из их числа пророки в мир пришли
И мудрецы великие земли.

Они добра и благости полны;
Над их делами страсти не вольны.

Воздержанность — вот их закон святой.
Они сердца питают чистотой.

Чем старше, тем сильнее в них черты
Духовной и телесной красоты.

И сколько жизнь судьба им ни продлит,
Тем ярче солнце духа в них горит.

Чем старше муж, тем мудрость в нем полней,
Так холст — он тем добротней, чем старей».

Шах Искандар тем поученьям внял
И в памяти, как в книге, записал.

Выступление Искандара из Кашмира в Индию

Историк, что в индийском жил краю,
Так начинает летопись свою:

Как обещал, великодушно в дар
Кашмир Фирузу отдал Искандар,

Возвел на трон, царем его назвал,
Платить харадж посильный обязал.

Сказал он: «Здесь два месяца живи,
В стране порядок, строй установи.

За этот срок войска ты соберешь
И в Индию ко мне их приведешь.

От всех забот в ту пору устранись
И в Индию походом устремись».

Царю Кашмира дав наказ такой,
Простился Искандар с его сестрой.

Подобную светильнику небес
Укрыл парчою девяти завес.

Он двинуться решил на Индустан,
Все силы устремил на Индустан.

Рать поднялась, покинула Кашмир,
Пошла, ногами попирая мир.

Покрыли землю грозные войска,
Всклубились желтой пыли облака.

Шли по ущельям, горной крутизной,
Танапом [18] меря переход дневной.

Все страны покоряя на пути,
Румиец дальше продолжал идти.

Твердыни на заоблачных горах
Пред Искандаром падали во прах.

Дурных он гнал, насильников казнил,
А добрым людям радость приносил.

Величье гордых он с землей сравнял.
Кто властвовал — теперь подвластным стал.

Везде остались дел его следы.
Пески пустынь он превратил в сады.

Проведал раджа: Искандар идет,
Войска неисчислимые ведет;

Что он Кашмир каким-то чудом взял,
Веревку чародейства развязал,

Огня и Ветра крепость захватил,
И мир и свет Кашмиру возвратил.

Услышал это все индийский шах
И охватил его великий страх.

Все взвесил он и понял, что в бою
— Увы! — он власть не отстоит свою.

И он решил покорность проявить,
Дарами гнев Румийца усыпить.

Он взял по девяти ото всего,
Чем славились владения его.

Слонов сначала вспомнить надлежит,
Под чьею поступью земля дрожит.

Слоны-громады в девять шли рядов,
Был каждый ряд по девяти голов.

Так слышал я; а есть другой рассказ:
По тридцати их было девять раз.

Как из гранитных созданные глыб,
Слоны гранитный кряж свалить могли б.

Шаги их — поступь тяжкая судьбы,
Несокрушимы каменные лбы.

Слон, как корабль, что по суху идет,
А по бокам два паруса несет.

Нет, не корабль,— как небо, каждый слон;
А хобот — млечный путь, или дракон

Завитый в кольца; а по толщине
Дракон и хобот были б наравне.

Когда свой хобот изгибает слон,
Ты скажешь: извивается дракон.

Чинар он вырвет, если обовьет,
Повалит стену, если лбом толкнет.

Так белы два могучие клыка,
Что в зависти темнеют облака.

И каждый клык, как пальмы смерти ствол,
Как тополь, бел, и, как таран, тяжел.

Слона громаду с небом мы сравним,
Как месяц, крюк погонщика над ним.

Величье, сила, мощь в любом слоне.
У каждого — попона на спине

Золототканая, семи цветов,
С каймой из драгоценных жемчугов.

На каждом — диво-башенка, а в них
По девять индианок молодых.

У каждой с черной родинкой щека;
Та родинка — подобие зрачка.

И все они, как родинки, черны,
Весельем сердца, прелестью полны.

Их платья желты, зелены, красны,
Как осень, блещут на пиру весны.

Слоны, качая хоботами, шли,
Гордясь, что смуглых гурий рой несли.

Вслед за слонами, вихрем рождены,
Играя, выступали скакуны,

В попонах пышных, в золоте кистей,
Все кони разных девяти мастей.

Как див, обличьем, быстрый, как огонь,
И словно пери неба — каждый конь;

Как ветер, в беге, плавен, как волна,
Небесного обгонит скакуна.

Они широкой рысью стройно шли,
Как будто не касаясь земли.

Когда, как птица, пегий выступал,—
Конь пегий дня далеко отставал.

Коль рыжий, шею вскидывая, ржал,—
Он весь, как солнца рыжий конь, сверкал,

В масть были цветом паперси на них,
В звенящих колокольцах золотых.

И копьеносец на коне любом—
В цветном кафтане, в поясе златом.

Все, как Кейван, смуглы, а души их
Воинственны и храбры, как Мирриx [19].

В ушах их серьги верности; любой
Готов за шаха устремиться в бой.

И девять шло навьюченных ослов
С запасом платья и цветных шелков.

И та одежда так тонка была,
Что даже мысль прикрыть бы не могла.

Хоть десять тех одежд надел бы ты,
Скрыть ими не сумел бы наготы.

Несли сосуды золотые вслед,
Как солнце, излучающие свет.

Кувшины, блюда, чаши, пиалы,
Как солнце, с виду ярки и светлы.

Шли клетки с попугаями вослед,
Забавны птицы, скоры на ответ.

Их перья — изумруд, а клюв, как лал,
Речений звучный жемчуг рассыпал.

Павлинов в клетках золотых везли
Из птичника небес, а не земли.

Блистанье радуг на хвостах у них,
Венцы невест на головах у них.

Алоэ драгоценный и сандал
Царю вселенной раджа посылал.

Собрал неисчислимые дары
С запасом мускуса и камфары.

Издревле был до отдаленных стран
Учеными прославлен Хиндустан.

Любой, как Арасту и как Сократ,
Был несказанной мудростью богат.

Все праведны, все — истины оплот,
Все пламенны, как солнечный восход.

И в каждом свет пророчества горит,
И все сладкоречивы, как Фарид.

И раджа мудрецов к себе созвал,
Покаялся пред ними и сказал:

«Увы! Я — раб, а Искандар — мой шах.
И перед ним я рад упасть во прах.

Мысль не вступала в голову мою
С ним воевать и спорить с ним в бою.

Судьбою было так предрешено,
А нам с судьбою спорить не дано.

Я выполнить веленья не успел.
Болел я телом, духом ослабел.

Я свиток шаха принял, как судьбу,
Поцеловал и приложил ко лбу.

Я рад бы службу у него нести,
Но болен был, не смог к нему пойти.

Его приказа я не отвергал,
Не отрекался, спорить не дерзал.

Я перед вами всей душой открыт.
Гонец румийский это подтвердит.

Я немощен в ту пору, болен был,
И мнится, я прощенье заслужил.

И если царь вселенной внимет мне
И остановится в моей стране,

И возвеличит милостью своей
Мою главу среди земных царей,

И трон мой средь народа утвердит,—
Навек мое он сердце победит.

Рабом я буду преданным ему,
Пока не скроюсь в гробовую тьму.

А если в гнев душою он впадет,
И яду в чашу милости вольет,—

Что ж? Черного индийца — так и быть —
Всяк может в черном деле обвинить.

Я сил и средств для спора не найду,
Подумайте, как отвести беду.

И грешный дух мой в слабости виня,
Перед царем вступитесь за меня.

Он миром правит, милостью дыша.
Как зеркало, чиста его душа.

Когда пред ним вы встанете, как щит,
Шах Искандар вину мою простит!»

Так правдомыслен и красноречив,
Он к мудрецам свой обратил призыв.

И старцы устремились, как челны,
Навстречу ярости морской волны.

Они с великими дарами шли;
Несли величье, блеск своей земли.

...Вот запестрел сквозь утренний туман
Необозримый Искандаров стан.

И старцы к воинским пришли вождям,
Румийским поклонились мудрецам.

Гостей с почетом принял Анджуман [20],
Ученых, что прославили Юнан.

Те выслушали старцев, и пошли,
И о посольстве шаху донесли.

При этой вести вождь румийских сил
Огонь вражды невольной погасил.

И радуясь приходу мудрецов,
Освободил он сердце от оков.

На дар индийца он и не глядел;
Индийских старцев видеть он хотел.

Призвал их, усадил их на ковер,
Повел отрадный сердцу разговор.

Приход их знаком счастья он почел.
Навстречу старцам с трона он сошел.

Смиренья полн, приветствовал он их,
Как ученик наставников своих.

И перед каждым голову склонил
И каждому внимание явил.

Без всякой пышности, покинув трон,
В кругу ученых сел на землю он.

Свет истины и знанья возлюбя,
Он с честью усадил их вкруг себя.

Ведь как воды целительных ключей,
Как истины, он жаждал их речей.

Сказал: «Простите! Много вам в пути
Пришлось из-за меня перенести!»

Те, вознеся молитву за него,
Открыли цель прихода своего.

Шах Искандар смущен их речью был.
Чело он перед старцами склонил,

Сказал: «Открыта вам душа моя.
Что ни попросите, исполню я.

Ни малой, ни великою виной
Ваш царь не отягчен передо мной.

И пусть он прежде непокорен был,
Но он раскаялся, и я простил,

Тем более, когда ко мне пришли
Вы — избранные светочи земли.

Пришли о снисхождении просить,—
Виновного могу ли не простить?

И если много зла он совершил,
И если казнь он даже заслужил,

Но вы пришли и вот — смиряюсь я,
И от возмездья отрекаюсь я.

И здесь его не казнь, а милость ждет.
Пусть он к порогу моему придет.

Я истинную власть ему вручу,
Его дела величьем облачу.

Престол неколебимый дам ему,
Его знамена к небу подыму.

О мудрые, храни вас вечный свод!
Мне — зна́мение счастья — ваш приход.

Ко мне пришли вы, ноги натрудив,
И вот — я светел духом и счастлив.

За все прощения у вас прошу,
Но силой новой я теперь дышу.

Закон есть: покоренная страна
Дань победителям платить должна.

Я вовсе дани с вас не буду брать,
Чтоб страждущий народ не изнурять.

Ваш царь мне должен был харадж платить,
Но от хараджа вас освободить

Решил я на два года, чтоб народ
Не впал в беду от столь больших забот».

Увидев, как добросердечен шах,
Склонились мудрецы пред ним во прах.

Величьем духа он их поразил
И так их на прощанье одарил,

Что старцы не сумели слов найти,
Чтоб за него молитву вознести.

Величье милости уразумев,
Они сидели, словно онемев.

И встали, чистой радостью горя,
И вознесли молитву за царя:

«Пока вращается небесный свод,
Покамест солнце по небу идет,

Пусть будет твой престол на небе том,
А солнца круг — подушкою на нем!

Да не уйдешь из жизни никогда,
Да светишь нам, как мудрости звезда,

И покорятся пусть, в конце концов,
Тебе все семь великих поясов!

Блистай, как солнце, одаряй весь мир,
Как чаша Джама [21], озаряй весь мир!

Мы шли к тебе, душой угнетены,
Тревогой и сомненьями полны.

Мы думали — и ты, как все цари,
Снаружи — блеск, но зло и тьма внутри.

И видим: все владыки — черный прах,
Ты из добра и света создан, шах.

Тебя таким предвечный сотворил,
Чтоб ты над всеми странами царил.

Узнав тебя, твой благородный нрав,
Воспрянули мы, страх в душе поправ.

Пусть в темной чаще розы цвет укрыт,
Благоуханье розу обличит.

Подавлены величием твоим,
Мы в удивленьи пред тобой стоим.

Когда же нам ты помыслы открыл,
Вдвойне ты наши души удивил.

Дан свет могучий духу твоему,
Из смертных не присущий никому.

Мы видим свойства ангела в тебе,
Дыханье вечного в твоей судьбе!

Когда бы раджа нрав твой угадал,
Сюда б он сам немедля прискакал.

Позволь, владыка наш, прийти ему,
Припасть челом к порогу твоему.

Вернемся, радже милость возвестим,
От скорби дух его освободим.

Когда он примет власть из рук твоих,
Вернейшим станет среди слуг твоих».

И молвил царь индийским мудрецам:
«Пусть так и будет, как желанно вам!»

И встали, поклонились мудрецы,
В обратный путь пустились мудрецы.

И рассказали радже обо всем,
Сказали: «Препояшься и пойдем».

Увидел царь индийский — он спасен,
Из мрака смерти к жизни возвращен.

Вновь старцев к Искандару он послал,
А сам за ними следом поспешал.

Повел огромный караван даров.
Чтоб описать дары, не хватит слов.

Доверясь мудрецам-проводникам,
Спешил он по долинам и горам.

И те светильники его земли
На всем пути беседу с ним вели.

Об Искандаре, о делах его,
О полных мудрости словах его.

И внемля их речам, индийских шах
Плыл, как пылинка в солнечных лучах.

Вот, наконец, привел свой караван
Индийский раджа в Искандаров стан.

И тут же Искандару донесли,
Что царь и спутники его пришли.

Ответил Искандар: «Гостям я рад.
Пусть люди знанья дом мой озарят».

Индийский раджа повеленья ждал
И на пороге царском он предстал

С мечом на шее, бледен, удручен,
Как перед казнью, в саван облачен.

Но Искандар воскликнул: «О мой брат!
Не унижайся, ты не виноват!

Достаточно того, что ты и сам
Теперь явился с избранными к нам».

И сняли с шеи униженья меч,
И сняли саван у индийца с плеч.

В парчу его и пурпур облекли
И к трону миродержца подвели.

Румиец обнял гостя своего.
С собою рядом усадил его,

Но вновь индиец пал у шахских ног,
Как с гор кипящий падает поток.

И снова поднял Искандар его
И обнял, словно друга своего,

Любовь явил и милости, и честь.
И раджа повелел дары принесть.

Блюдя обычай древний и обряд,
Дарил он так, как нынче не дарят.

Его Румиец поблагодарил,—
Скажи,— рудник добра пред ним раскрыл.

И усадил вокруг людей святых,
Мужей ученых, мудрецов седых,

Великую опять явил он честь
И близ престола попросил их сесть.

И понял старцев и провидцев круг,
Что он не властелин для них, а друг.

Сам чародеев он очаровал,
Сердца их нитью верности связал.

Цепь тонких мыслей длинною была,
Далеко за-полночь беседа шла.

Увидел раджа милости поток
И встал, и просьбу так в слова облек:

«Царь, я лелею в сердце мысль одну,
Чтоб осчастливил ты мою страну,

Чтобы хоть год у нас ты погостил,
Как солнце, землю нашу осветил.

Увидишь сам: индийская страна,
Чудес нигде не виданных полна.

Стрелок в лесах привольных для охот
Зверей и птиц диковинных найдет.

Да и зима уж близко подошла;
Зимой же все кончаются дела.

Потребны людям радость и покой,
Вино, веселье, музыка зимой.

Зима же в Хиндустане, о мой шах,
Сияет, как Навруз [22] в других краях.

Из тучи — дождь, в садах весенний цвет,
Ни стужи, ни жары, ни пыли нет.

Когда же солнце в знак Овна войдет,
Тогда ты сможешь продолжать поход.

Войска вести иль труд начать иной,
Во всем удача будет той порой!»

Как жаждущий, что воду увидал,
Словам индийца Искандар внимал.

По сердцу эта мысль ему пришлась
И молвил он, к собранью обратясь:

«Где место мне укажете вы — там
Стоять шатрам и отдыхать войскам!»

Сказали: «Главный город наш — Дехли,
Туда и войску двигаться вели!»

Ответил: «В город войска не вмещу,
В лесах я лучше места поищу.

Когда Дехли полками наводню,
Ущерб я горожанам причиню.

Пусть кто-нибудь из вас пойдет вперед
И место вне столицы мне найдет.

Пусть будет от столицы далеко —
Везде перезимуем мы легко».

И раджа вновь сказал, склонясь во прах:
«Прикажет пусть миродержавный шах,

И я — твой раб — на место поспешу
И все решу, и дело завершу.

Урочище, долины осмотрю,
Где зимовать великому царю».

Румиец раджу поблагодарил,
Престол, венец и пояс подарил,

Потом — большой табун, где скакуны
Сильны, как носороги и слоны,

Под седлами в сверкающих камнях,
В расшитых жемчугами чапраках.

Домой отправив раджу наперед,
И сам он следом двинулся в поход.

Вернулся раджа, в город свой вступил
И весть благую людям объявил.

Сказал: «Войны не будет! Пусть народ
В покое, безопасности живет!»

И ликовал народ, узнав, что он
От дани тягостной освобожден.

А раджа сам не думал отдыхать;
Румийца он готовился встречать.

Был близко от столицы лес Нигар,
Как райский сад цветущий, полный чар;

Немолчным пеньем птичьим оглашен,
Был всякой дичью изобилен он.

Как мускус, в том лесу земля была;
В ночах вставала амбровая мгла.

Стволы эбена в чаще поднялись,
Сандаловые ветви извились.

Эбен чернел агатом. Словно медь,
Желтела драгоценная камедь.

От зарослей сандала ветерок
Благоуханья приносил поток.

И этот запах чувства оживлял,
Леса, ущелья, долы наполнял.

Подобно косам сребротелых дев,
Висели змеи на стволах дерев.

Гвоздика, к гиацинту наклонясь,
Его соблазнам сладким предалась.

Там дерева вставали до небес;
В листве их темной солнца диск исчез.

Под той листвою, в самый знойный день,
Был сумрак влажен и отрадна тень.

Чинар, ветвей раскинув пятерни,
Казалось, солнцу мира был сродни.

От благовония лесных щедрот,
Как голова, кружился небосвод.

Смоковницу до звезд вздымал тот лес,
Смущая мир смоковницы небес.

Там пальмы упирались в небеса
И вверх по их стволам вилась лоза.

И гроздья ль то над головой висят,
Или огни бесчисленных Плеяд?

Лоза, что к небу гроздья подняла,
Петлей небесный лотос обвила.

Она до звезд дошла — сказал бы ты,—
Чтобы похитить лотос с высоты.

Распустит осень лучезарный хвост,
Рассыплет сотни тысяч ярких звезд.

Мильоны птиц, как странники небес,
Кричат, поют, слетаясь в этот лес.

Там попугаи пестрые царят,
Порхают, не смолкая говорят.

Они повсюду стаями снуют.
Одни — зеленые, как изумруд,

Всю ветку сплошь обсядут и она,
Как одеянье Хызра, зелена.

Вот стая красных пала с высоты
На пальму, словно алые цветы.

Цвет их пера — гранатовый цветок,
Клюв каждого, как яркий огонек.

Зеленых, красных стаи средь ветвей,
Как гроздья разноцветных фонарей.

Там, как преданий сказочных творцы,
Сидят красноречивые скворцы.

Переливаясь блещут перья их
Подобием пластинок золотых.

В узорах радужных и в письменах
Венцы горят у них на головах.

И все движенья плавные скворца
Способны очаровывать сердца.

Атласные обновы на скворце
И колпачок парчовый на скворце.

Там, словно житель ангельских долин,
В одежде пышной шествует павлин.

Как фляга, выгнув шею, опьянен,
Как плавно движется, как томен он.

Эмалью синей фляга та блестит
И тонкой позолотою сквозит...

Фазаны, куропатки на лугах
Пестрели словно радуги в глазах.

Где к кипарису подлетал фазан,
Сам кипарис к нему склонял свой стан.

Павлин в ветвях высокой пальмы был,
Как в лотосе небесном Джебраил.

Таков был лес Нигар чудесный тот,
Зеленый и цветущий круглый год.

Там с юга был богатый город Хинд,
А с севера река большая Синд.

Ладьи по водам плыли и челны,
Как по небу плывет ладья луны.

На том отлогом берегу реки
Высокие вставали тростники.

То не простой был — сахарный тростник.
Как дар небес, он в тех краях возник.

В тех тростниковых зарослях вода,
Как сладостный шербет, была всегда.

Лес ограждала с запада гора
Пестрее многоцветного ковра.

Весна цвела на склонах круглый год,
Гудели пчелы, собирая мед.

И там медовой пальмы сладкий сок
Был словно меда чистого поток.

С журчаньем выбиваясь из земли,
Там сладкие источники текли.

От бурных тех источников река,
Как мед, желта была, как мед, сладка.

Там тысячи резвились диких коз,
Не ведая охотничьих угроз.

Олени жили в зарослях густых,
Тростник, как путы, на ногах у них.

Играли рыбы там в речных волнах,
Подобны Рыбе в южных небесах.

Загонщикам тот лес не окружить,
Ловцам всей дичи не переловить.

Тонул в садах прекрасных город сам;
В нем счета нет чертогам и дворцам.

Тот лес Нигар, подобный небесам,
Река, гора, что описал я вам,

Открытостью своей и красотой
Пленяли взгляд, бодрили дух живой.

Там раджа Искандара поселил,
Как будто рай земной ему открыл.

На том лугу, на склонах той горы
Все воинство раскинуло шатры.

Был Искандар стоянкой восхищен;
Лес, гору, берег сам объехал он,

Сказал: «Хоть мир из края в край пройти,
Нигде зимовки лучше не найти!»

С ним раджа неотлучно всюду был,
Радушья полон, сам ему служил.

И отдыху предавшись до весны,
Царь Искандар забыл дела войны.

* * *

Златую чашу, кравчий, мне налей!
Вино в ней блещет яхонта светлей.

Владеет мной индийская страна
И чаша мне индийская нужна.

Певец, веди напев в ночной тиши,
Наполни звуки пламенем души.

Расцвел рожденный в Индии цветок
И стал печален дней моих поток.

О Навои, к далеким берегам
Увел тебя крылатый твой калам.

Так пусть индус, услышав повесть ту,
Своей судьбы избудет черноту!

О достоинствах великодушия, благодаря которому щедрые и мужественные дуновением помилования вытаскивают соломинки греха виновных из моря сердца на берег отсутствия, и их лица не нахмурятся, как волны моря, и блуждающих в темноте смятения они выведут из долины гибели, освещая путь свечой благородства, и от той темноты никогда не свободны

Прославь царя, который ни обид,
Ни угнетенья людям не творит.

И всех владык превыше будет он,
Кто чтит великодушия закон.

Его великодушным назовет
Хранимый справедливостью народ.

Да будет к правым милостив, а злым
Пусть угрожает он судом своим.

Но, коль злодей, поникнув головой,
Раскаянием грех искупит свой,—

Пусть царь его поспешно не казнит
И если можно грех простить — простит.

Тот милостив, кто поддержал и спас
Несчастного, что в бедствиях увяз.

Мольбам о снисхождении внимай,
Великодушье подданным являй.

Когда к царю ходатаи придут,
Пускай отверстым слух царя найдут.

Мечом нетрудно голову снести.
Где можешь — там виновного прости.

О раб аллаха, властелин людей,
Веленье истины уразумей!

Вот люди — весь народ несметный твой,
Послушный, словно стадо пред тобой.

Хоть ты и царь, но ты из их числа,
Нам всем природа суть одну дала.

И есть немало средь твоих людей
Тебя и совершенней и умней.

По воле бога шахом ты рожден
И всяк твоим веленьям подчинен,

А будь на троне кто-нибудь другой,—
Кем был бы ты? Что стало бы с тобой?

Когда аллаха будешь ты молить
Спасти тебя, вину тебе простить,

Представь, что ты не царь и что на суд
Тебя в цепях, под стражею ведут.

Суди народ свой, как судил себя;
Прости виновных, как простил себя.

Не предавай виновных палачам,
Пока не вспомнишь, в чем ты грешен сам.

Не забывай, свой строгий суд творя,
Великодушье — правый путь царя.

Стремись избегнуть казни! Не спеши
Подобного тебе лишать души.

Зачем оковы, цепи и тюрьма,
Когда взмахнет секирой смерть сама?!

Поэтому ты не спеши казнить,
Чтобы ошибки страшной не свершить.

А вдруг о том, кто ночью был казнен,
Узнаешь утром — не виновен он.

Тогда куда от совести уйдешь?
Что толку — если сам себя убьешь.

Не насылай же бедствий на людей,
Что не искупишь и душой своей.

Ведь если в доме жизни брешь пробьешь,
Как стену, душу вновь не возведешь.

О матери подумай! Как она
Заботилась о нем, не зная сна.

А сколько горьких вынесла забот,
Надеясь — сын-опора подрастет.

Вращалось небо тридцать, сорок лет,
Несчастному лило тепло и свет.

И вот он в круг свой жизненный вступил,
Всегда в труде, едва ль он счастлив был.

Не вздумай ты в жестокости своей
Сказать: палач, возьми его, убей! —

Нуждой на преступленье увлечен,
Вреда тебе чинить не думал он.

От жадности, чье семя в душах всех,
И от нужды с ним стрясся этот грех.

Не волком в стаде будь, а пастухом,
Что думает о стаде лишь своем.

Ведь тот, кто волею твоей умрет,
Оставил дома брошенных сирот.

И хоть над ним твой суд был справедлив,
Пусть он в тюрьме останется, но жив.

А если ты преступника простишь,—
Навек его ты сердце победишь.

И коль светильник божий в нем зажжен,
От злодеяний отвратится он.

Эмир, души величие яви
И молви обреченному — живи!

Ты пощади его; он будет жить,
Чтоб за добро тебе добром служить.

Будь у него сто жизней, он без слов
Их будет за тебя отдать готов.

И пусть неблагодарность явит **он** —
В веках ты будешь славой озарен.

Вот так, добра исполнен, Искандар
Во всем являл великодушья дар.

Да будет новым Искандаром тот,
Кто свет великодушия несет.

Кто в мир величье духа изольет,
Тот мир великий духа обретет.

Рассказ о купце, который разорился, расставшись со своим сыном. И лицо его обагрилось кровью его сердца. На оставшиеся в кармане деньги он выкупил приговоренного к казни и спасенный оказался его сыном. Он вновь обрел и сына и богатство

В Аравии купец богатый жил;
Дела торговли мудро он вершил.

Был сын достойный у того купца —
Надежда, утешение отца.

Однажды в города соседних стран
Повел купец богатый караван.

Исполнен многих мыслей и забот,
Ночами совершал он переход.

И в некий день лишился он всего —
Разбойники напали на него.

Погонщики увидели — беда! —
И в страхе разбежались кто куда.

Погнал людей неодолимый страх,
И вмиг они рассеялись в песках.

Купец, опомнясь, видит — брошен он
В степи один и с сыном разлучен.

Людей и каравана след пропал,
Но он о сыне только горевал.

Из сердца испустив горящий вздох,
Сказал он: «Мне одна опора — бог.

Что на стезе осталось мне земной?
Скитаться буду я, как вихрь степной.

Как прах, клубимый ветром, я пойду,
Пока в пустыне мертвый не паду...»

Носил с собою в странствиях своих
Он тысячу динаров золотых,

Искусно скрытых в поясе своем;
Нашел он деньги, дух воспрянул в нем.

И стал надеждой сердце он ласкать
В краю безвестном сына разыскать.

Томимый неизвестностью вдвойне,
Он брел, как нищий, по чужой стране.

Стеная, по горам и долам шел,
Как тень, по городам и селам шел.

Вступил он в город шумный и большой,
Увидел площадь, полную толпой.

Помост для казни видит, а на нем—
Несчастный узник и палач с мечом.

Он был в пролитьи крови обвинен,
От казни откупиться мог бы он

За тысячу динаров золотых,
Но, всем чужой, достать не мог он их.

Едва условье то купец узнал,
Он пояс с золотыми развязал,

Полн состраданья, выкуп заплатил
И узника того освободил.

И видит: узник этот — милый сын,
Вновь обретенный свет его седин.

И слезы он кровавые излил.
Кровь смыл он кровью, сердце исцелил.

Сказал: «Ты жив благодаря судьбе.
Что испытать, мой сын, пришлось тебе?»

Сын рассказал: «Когда я в плен попал,
Я думал — мой последний час настал.

Они собрались уж меня убить,
А погодя, решили пощадить.

Сказали: «Полно, не убьем тебя,
В содружество свое берем тебя».

И вопреки желаниям своим,
Неволею служить я начал им.

Как набралось их сотни человек,
Они на город сделали набег.

Отпор увидев, сгинули во мрак,
Но в свалке был убит один бедняк.

Я сдался в плен. Но — не злодей, не тать —
Я жертвою за кровь был должен стать.

И на помост для казни возведен,
Тобою был от гибели спасен.

Меня спасла, отец, рука твоя,
Хоть ты и сам не знал, что это я».

И горожане шаху донесли,
Как сын с отцом друг друга обрели.

Купцу правитель выкуп возвратил,
Казной своей его обогатил.

Купец все отдал, жизнь живую спас;
Нашел же больше во сто тысяч раз.

Когда великодушья дождь пройдет,
Простор пустынь тюльпанами цветет.

Искандар, словно солнце, вышедшее из мрака ночи и вошедшее в полуденное сияние дня, вышел из территории Хинда и вошел в страну Чин, и Хакан Чина, услышав о приближении с быстротой солнца завоевателя мира с мечом, собрал для выступления против него бесчисленное, как песок, войско, послал для переговоров с ним посла, получил неудовлетворительный ответ и потому возмутил воинов, по числу подобных песку, как облако песка, и сам не оставил предпринятого дела без своего ничтожного внимания

Чертога мыслей воздвигая свод,
Повествователь снова речь ведет.

Казалось, Искандар отвоевал,
Когда он в Индии зазимовал.

То он у раджи во дворце гостит,
То раджа на пиру его сидит.

Когда зенит жарою полыхал,
Румиец в банях царских отдыхал,

А на закате шел он во дворец,
Где на пиру певца сменял певец.

То выезжал за город славный шах
Охотиться в долинах и горах;

А то в челне узорном под луной
Он на излуке пировал речной.

Серебряную рыбу на крючки
Ловил и засыпал под плеск реки,

То — схожий сам с золотогривым львом —
Он на привал вставал в лесу ночном.

Там дичи много было для стрелка
В чащобах сахарного тростника.

То солнцем, по эклиптике своей,
Шел на гору, где сладкий тек ручей.

И на горе, подъемом утомлен,
В ручье медвяном радость черпал он.

Порою, по обычаям Дары,
В шатре своем он задавал пиры.

Встречал за чашей солнечный восход
В шатре высоком, словно небосвод.

Сходились мудрецы в шатер к нему;
Их речи он предпочитал всему.

Тянулся он к познанью. Так цветок,
Встречая утро, смотрит на восток.

В беседах с мудрецами, в чтеньи книг
Он пребывал, как верный ученик.

И вот весна цветущая пришла,
В созвездье Славы солнце подняла.

И, как Джемшид, воспрянул юный шах,
Как солнце мира в пламенных лучах.

Устроил праздник войску властелин,
Сказал: «Пора! Идем в поход на Чин».

Клич издали ряды румийских сил —
Тот клич могучий небо оглушил.

Карнаи грянули, пошли слоны,
Неся литавры гулкие войны.

Власть утвердив над Индиею всей,
Пошел к пределам Чина царь царей.

Покинув благодатный Индустан,
Он шел, листая книгу новых стран.

И каждый город на его пути
Спешил ему покорность принести.

Порой ягачей за сто пятьдесят
Посольство выслать города спешат.

Напишет Искандар, мол, я иду —
И каждый шах, чтоб отвратить беду,
С посильным даром представал пред ним
И в прах корону полагал пред ним.

Но Искандар был истинно велик.
Покорных он не унижал владык.

Не разорял он страны. Шел вперед,
И вторгся в Чин, расторг его оплот.

Хакан узнал: плотину снес поток,
Неудержим в разливе и жесток.

Собрал он, снарядил на бой войска
Бесчисленней пустынного песка.

«Но,— думал он,— далеко до беды.
Не ищет Искандар путей вражды.

Сперва пошлет посла. Мы поглядим,
По-дружески мы обойдемся с ним.

Но если кротким бесполезно быть
И той скалы железной не смягчить,

То я — Хакан! Пошлет моя рука
Навстречу Руму грозные войска!»

На этой мысли утвердился он,
Но испытать врага решился он.

Отправил он бывалого посла
Туда, где рать Румийца залегла.

Доверием Хакан его облек
И в путь послал, как по морю челнок.

Посол увидел царственный шатер,
Что полы, словно небо, распростер.

Увидел — обступили кругозор
Войска, покрыли степь и склоны гор.

Он видел: воинств за сто лет не счесть;
Удары этих воинств — не отвесть.

Шатер царя царей — как я сказал —
Парчовый свод к зениту подымал.

Златым серпом купаясь в облаках,
Стоял он на незыблемых столпах.

В шатре не сотни — тысячи людей
Садились в круге избранных гостей.

Когда посла к престолу привели,
Пылинкой он в подножной пал пыли.

Вазиры и дабиры встречь его
Сошли, уразумели речь его.

И принял царь его, величья полн.
Так прибыл к цели этот утлый чёлн.

Гонец, в посольских опытный делах,
Пред Искандаром пал лицом во прах.

Шах пред собой посланца усадил
И с приближенными заговорил,

Не обращая взгляда на него,
Чтобы утих смятенный дух его.

Увидев — успокоился гонец —
К нему он обратился, наконец:

«Я слушаю!» Тот, в искреннем пылу,
Сперва владыке произнес хвалу,

Потом слова Хакана изложил:
«О ты, великий вождь румийских сил!

Как солнце утра на небесный свод
Восходит, так для Чина — твой приход.

А пыль, что поднята твоим конем,
Мы светоносным облаком зовем.

Но есть неясность: ты поведай сам,
С какою мыслью ты явился к нам.

Суть дружбы — благом мы зовем ее!
Но дружба ли — вторжение твое?

Все скажут, что задумал ты войну,
С огромным войском к нам войдя в страну.

Война — народу горше нет беды!
В чем ты нашел причину для вражды?

Был горд с Хаканом, дерзок твой посол,
Но с миром он, живой от нас ушел.

Твои реченья объявил нам он:
«Дара, мол, умер,— я взошел на трон.

Платите дань!» Хакан же отвечал:
«Коль Искандар Дарою новым стал,

Пусть вспомнит он, что царь царей Дара
Был к нам исполнен мира и добра.

Меж нами розни не было ни дня
И дани он не требовал с меня.

И если справедливости звезда
И дружба привели тебя сюда,

То знай: и мы раздора не хотим,
Единства мы основы утвердим.

А если алчность к нам тебя ведет,
То пусть наш спор решит небесный свод.

Я тверд в своем решеньи, и поверь,
Как мыслил прежде, мыслю и теперь.

Слов у меня с тобою нет других;
Я никогда не отрекусь от них.

Коль ты согласен с миром отступить,
Я лишь о мире буду говорить.

Но если ты упорствуешь и впредь
К нам будешь только злобою гореть,

То мне ли перед Румом отступать?
Ведь мы умеем тоже воевать.

Несметно войско Чина, и у нас
Неистощим оружия запас.

Мои мужи бесстрашно в бой пойдут
И с радостью за край родной падут.

Но не известно ни тебе, ни мне,
Кто победит из нас в такой войне.

Грядущее скрывается во мгле
И жребий не начертан на челе.

Так пусть благоразумья вещий глас
К добру и миру призывает нас».

Так речь Хакана изложил посол
И смолк, и вежды опустил посол.

И улыбнулся шах, и отвечал,
Как будто крупный жемчуг рассыпал:

«Когда Хакан, прославленный умом,
В величии, в могуществе своем

Меня решает сравнивать с Дарой —
Ошибкой это станет роковой.

Кто знающ и разумен, тот поймет —
Дара со мной в сравненье не идет.

Владения Дары удвоил я,
Простерлась над полмиром власть моя.

О доблести ли будем говорить —
Хакан премудрый вспомнит, может быть,

Когда Дара в поход пошел на нас,
Имел я войска меньше в десять раз.

Против десятерых мужей его
Я выставить сумел лишь одного.

И был Дара воинственный разбит,
Погиб... О нем душа моя скорбит.

И пал Иран, и власть мою признал.
Предвечный мне победу даровал.

Пусть ваш владыка покорится мне,
Пусть не замедлит поклониться мне,

И почести ему я окажу.
Его с собою рядом посажу.

А если он готовит мне отпор,
Пускай оружье разрешит наш спор.

Все, что сказал я, передай царю,
И знай: я только правду говорю.

Лишь правду говорить — обычай мой.
А ты спеши, как вихрь, скачи домой.

Я сразу по следам твоим приду,
Войска свои неспешно поведу.

Скажи царю: «Коль добрый дашь ответ,
То будет также добрым наш ответ.

Когда ж Хакан на дружбу не пойдет,
Пусть вынет жребий нам предвечный свод!»

Посол, отдав положенный поклон,
Пустился в путь, глубоко огорчен.

Не видя, где начало, где конец
В узле судьбы, вступил он во дворец.

В смущеньи пред Хаканом он предстал
И о своем посольстве рассказал,

Как мудр, велик и светел Искандар
И что ему ответил Искандар.

И понял тут Хакан: румийский лев
Неукротимым будет, впав во гнев.

И понял он: придется воевать,
Гонцов же бесполезно посылать.

И веря в справедливую судьбу,
Встал, препоясался он на борьбу.

Из всех семидесяти областей
Могучих он созвал богатырей.

Число их — звезд число на небесах,
Число песка летучего в степях.

Там было тысяч девятьсот стрелков,
Метавших стрелы выше облаков.

Рой этих стрел, как град железный, бил,
Как молнии небесные, разил.

Был позолочен вороной булат
Несокрушимых их туранских лат.

И красовались кони тех стрелков
В парче золототканых чапраков.

Был каждый муж, как медная стена,
Как пальма, станом, ликом, как луна.

С таким-то войском избранным своим
Не с войском — с бурным морем грозовым,

Отвагою и гневом обуян,
Врагу навстречу выступил Хакан.

Великую он мудрость проявил;
Расставил на холмах громады сил.

И рвы копать вокруг он приказал,
Воздвиг над рвами неприступный вал.

Оглядывая с высоты простор,
Готовил Искандару он отпор.

В пятнадцать ягачей окружность рва,
А вал,— бессильны высказать слова,

Как этот вал был мощен и высок,
Как этот ров глубок был и широк.

Составив тесно тысячи подвод,
Он стан свой укрепил, как небосвод.

Телеги те цепями он сковал;
Их круг два горизонта обнимал.

К телегам он велел прибить щиты,
Крюками он велел скрепить щиты;

За ними — духом тверды и крепки —
Скрывались Чина славные стрелки.

А перед рвом велел он колья вбить,
Меж них и волк не мог бы проскочить.

И конница по ним бы не прошла,
И смерть бы там прохода не нашла.

Так прозорливый властелин Хакан
Несокрушимо утвердил свой стан.

Но через горы, реки и пески
Вел Искандар летучие полки.

Он к стану воинств Чина подступил,
Едва Хакан свой лагерь укрепил.

Увидел вала синюю черту
И чинских войск увидел черноту.

Грозою рать румийцев подошла,
Позором ей была бы похвала.

Настолько выше были похвалы
Юнана величавые орлы.

Из их грудей исторгся мощный крик,
Не крик — ста тысяч львов громовый рык.

Услышав этот крик и бранный гром,
Хакан смутился духом и умом.

Так Искандар внезапно налетел,
Что страх войсками Чина овладел.

Меж тем померк закат — туманно-ал,
Всем поневоле отдых предстоял.

Светило дня от мира и людей
Укрылось в медной крепости своей.

И сонмы звезд над сумраком земли,
Как стражи ночи, на небо взошли.

Дозорных выслал в степь румийский стан,
Своих дозорных выслал и Хакан.

Такие лучники пошли в дозор,
Что попадали стрелами в Алькор [23].

Не спал Румиец: чуть блеснет восход,
Он войско в бой, как звезды, поведет.

Он, не склоняясь к ложу головой,
Обдумывал порядок боевой,

Как в обороне Чина брешь пробить,
Акулой море Чина возмутить.

Он верил,— близкий день, грядущий бой
Над Чином грянет судною трубой.

Но мудрецы в его шатер сошлись
И отговаривать его взялись:

«Веление созвездий таково,
Что осторожность нам нужней всего.

Нам не победу завтра — бездну бед
Сулит расположение планет.

Взгляни: Кейван зловещий и Бахрам
Теперь добра не обещают нам.

Пусть шах два дня в покое проведет,
И сменит гнев на милость небосвод.

Когда — даст бог — Хакана разгромим,
И чудеса поистине узрим.

Хоть, может быть, и есть у нас просчет,
Пусть шах два дня спокойно переждет,

На третий день надежда светит нам —
Тогда вставай и бой давай врагам!»

Внял Искандар учителям своим,
Беспрекословно покорился им...

Но видел — ропщет у него народ —
Хакан, блистающий как небосвод.

«Конец нам!» — люди Чина говорят.
«Беда настала!» — витязи твердят.

Всех охватил их беспричинный страх,
Тревога и смятенье в их сердцах.

«Сильнее мы! — Хакан им говорил —
Стыдитесь!» — Но людей не ободрил.

Дошло смятенье войска до того,
Что воины не слушали его.

Сбивались шумно в толпы, говоря:
«Что пользы нам от нашего царя!

Вот лев могучий — вождь румийских сил!
Он без труда полмира покорил.

Доныне, что хотел он, то и брал,
Куда бы длань свою ни простирал.

В какой бы край ни устремлялся он,
Там полновластно воцарялся он.

И на кого б аркан он ни метал,
Любой в петлю аркана попадал.

С Дарой, как капля с морем, шел он в бой.
И нет Дары, погиб, убит судьбой.

Дару он ратной мудростью разбил,
Чужого счастья ветви обрубил.

Нет столько войск, как у Дары, у нас,
А Искандар сильней нас в десять раз.

Он молод, счастлив, он судьбой любим,
Он вечными светилами храним.

Звезда победы над его челом.
Безумье — воевать с таким царем!

Мы в битве с ним не выстоим и дня.
Тягаться с ним — пустая болтовня.

Пусть наш Хакан пошлет к нему послов,
Поладит миром с ним без лишних слов.

Против Румийца нет у нас щита.
Хакан наш Искандару не чета.

Да, обнажить против Румийца меч,
Ведь это — гибели себя обречь.

Но ведь не только сам себя убьет —
Страну Хакан погубит и народ.

Пусть покорится! Лучше дань платить,
Но в мире жить, престол свой сохранить.

Маллу злосчастный был — как тень пропал,
Фируз — величьем новым засиял.

Раджа был мудр, отверг он путь войны
И украшеньем стал своей страны.

И если наш Хакан на мир пойдет,
Свою корону вновь он обретет.

Когда Румийцу покорится он,
Венца и власти не лишится он.

Упорством он погасит счастья свет,
А в поздних сожаленьях пользы нет!»

Так толковали люди меж собой,
То здесь, то там сбиваясь толпой.

Был преданный Хакану человек,
Разумный муж, проживший долгий век.

В шатер Хакана ночью он вступил,
Наедине беседы попросил.

Сказал в слезах: «Беда пришла, мой шах!
Смятение, волнение в войсках!»

И без утайки все поведал он,
Что стан кипит, тревогой всполошен.

Потом промолвил: «О владыка мой,
Да будешь ты всегда храним судьбой!

Все рассказал тебе, что слышал я.
Моя защита — преданность моя.

А коль не веришь ты моим словам,
То походи средь войск,— послушай сам».

Хакан молчал, в раздумье погружен,
Все мудро взвесил он, и понял он,

Уверясь, что с начала до конца,
Правдива речь седого мудреца.

Он в размышленьи долго пребывал,
И долго, тщетно выхода искал.

Он понимал: народ нельзя винить,
Нельзя его судить, нельзя казнить.

Он знал — фарфор рассыплется, разбит,
Когда с фарфором встретится гранит.

В расчетах трезв, он понимал вполне,
Что Чин великий не готов к войне.

Он понимал — упорство во вражде
Его и войско приведет к беде.

От этих мыслей он в угрюмость впал,
Всю ночь, томимый думами, не спал.

И в мыслях тверд, в решении суров,
Он с девственницы тайны снял покров.

Как истый прозорливец и мудрец,
Решение он принял наконец.

Он вновь призвал советника того,
Испытанного друга своего.

Сказал он: «Страже прочь уйти вели,
Всех от шатра вазиров удали.

Всем прикажи им поодаль стоять,
Скажи: «Хакан не будет принимать».

У входа сам весь день на страже стой,
Как бы оберегая мой покой.

А я пойду... И коль вернусь я в ночь,
Все опасенья мы откинем прочь.

А не вернусь, что ж — покорись судьбе
И сам тогда подумай о себе.

Но сутки ты меня спокойно жди,
У входа стой с мечом — не отходи!

Вели мне тайно привести коня.
Где буду я — не спрашивай меня».

И внял наперсник царственный приказ.
Что велено. исполнил в тот же час.

Венец и багряницу снял Хакан,
Надел простого всадника чапан.

Сказал он другу: «Приведи коня;
Да так, чтобы не видели меня».

Тот побежал проворно за конем;
Привел его, поставил за шатром.

«Ну, друг, прощай и жди!» — Хакан сказал,
Сел на коня и в сумрак ускакал.

Как Луна-путешественница приближается к Солнцу, Хакан приезжает к Искандару под видом посла, и поскольку это приближение привело к согласию, он, подобно Луне, наполняется светом и блаженством

В рассветной мгле он лагерь миновал,
Не узнанный к заставе подскакал,

И стражам показал значок посла,
Мол, пропустите: важные дела.

Он стражею своей пропущен был,
В степь выехал и вскачь коня пустил.

Степь пересек Хакан во весь опор,
Как тень, минуя вражеский дозор.

Скакал он, озабочен и угрюм,
Теснилось в нем — скажи — сто тысяч дум.

Когда рассвет, как Искандар велик,
Над миром поднял светозарный лик,

И звезды, как китайские войска,
Померкли, кроясь в мглу и облака,

К шатру владыки Рума, наконец,
Подъехал рысью царственный гонец.

Сказали шаху: «Встань, увидишь ты,
Гонец к нам прибыл — дивной красоты.

Он стар, но видом — дух небесный он,
Он разума сияньем озарен».

Царь молвил: «Пусть у входа он не ждет.
Такому гостю — место и почет.

Я задремал и видел дивный сон.
Не исполненье ль сна несет мне он?

Во сне блистал я солнцем над землей,
Второе солнце видя пред собой.

То солнце было старше, и оно
Передо мною было склонено.

Когда от сна недолгого я встал,
Я в книге предсказаний прочитал:

«Будь прозорлив и — волею небес —
Жди в эти дни явлений и чудес».

Быть может, в предсказаньях правда есть,
И вы посланцу окажите честь.

В шатре моем, близ трона моего
Сидение поставьте для него».

И был в шатер царя Хакан введен,
Обычаи его увидел он.

Владыке Рума отдал он поклон,
Величием его не ослеплен.

Был стар посол, но сила в нем цвела.
Встал Искандар и обнял он посла.

Потом сказал: «Садись передо мной!
Добро, что ты приехал — не иной.

Садись, о всадник, где сидят цари.
Все, что скрываешь в сердце, говори».

И сел Хакан, и молвил не спеша:
«Шатер твой — мир, а ты — его душа.

Тебе на службу повязал я стан,
Но Чина властелин — великий хан,

Чей ум достоин тысячи похвал,
Напутственное слово мне сказал,

Которое тебе лишь одному
Я сообщу, и больше никому.

Всех приближенных, царь, ты отошли
И говорить тогда мне повели.

И я Хакана речь перескажу,
И помыслов его не искажу.

Такой наказ в посольстве есть моем:
«Лишь с глазу на глаз говори с царем,

А если нет, то поспеши назад.
Когда ж тебя в темницу заключат —

Молчи, крепись под пыткою любой.
Пожертвуй ради истины собой.

Когда же подозрения падут,
Что ты убийца — пусть железных пут

Не пожалеют, говори тогда.
Пусть будет мысль и речь твоя тверда».

Великий шах, вели связать меня,
Начни тогда и вопрошать меня».

И приближенным — всем, кто был кругом,
Шах приказал: «Оставьте нас вдвоем.

Не будем руки связывать послу;
Ведь низкий нрав удода чужд орлу».

Но свита воспротивилась ему,
И Арасту сказал: «Не быть сему!»

И руки величавого посла
Надежная веревка обвила.

Меч Искандару люди принесли
И чередою из шатра ушли.

И молвил шах: «Вот мы одни с тобой.
Теперь не бойся, тайну мне открой».

Посол сказал: «О светлый царь царей,
Владыка истинный подлунной всей!

Не думай, что перед тобой посол.
Я сам — Хакан, и я к тебе пришел.

Я безоружный, в прахе пред тобой.
Я связан, но с открытою душой.

Я пленник твой; покорствуя судьбе,
О помощи просить пришел к тебе.

Ну, а причин прихода моего
Так много, что не выскажешь всего».

Шах онемел сначала. Кто поймет
Деянья, что свершает небосвод?

Потом сказал: «О мудрый властелин,
Для безрассудств подобных нет причин!

Как может царь такой большой страны
Прийти к врагу и сдаться без войны?

Ведь в плен тебя никто не захватил.
Ты сам, придя, связать себя просил.

Я изумлен до глубины души.
Ответь на все подробно, не спеши».

И так владыка Чина речь повел:
«О царь, весь мир подлунный — твой престол!

То бремя, что мне на́ плечи легло,
Меня теперь в шатер твой привело.

Доверием к тебе исполнен я,
И в том неколебима мысль моя,

Что дар тебе всеведения дан,
Что ты — великодушья океан,

Что чист и благороден ты душой,
Убийство пленных — не обычай твой.

А те, что не признали власть твою
И спор пытались разрешить в бою,

Все позже падали к ногам твоим;
И только милость оказал ты им.

На мне перед тобою нет вины,
Я сам с тобой не начинал войны.

Во мне перед тобою страха нет,
Я верю: ты мне добрый дашь ответ.

Когда я тут связать себя просил,
Повергся пред тобой, лишенный сил,

По воле уподобился рабу
И жаловался на свою судьбу,—

Не верил я, не ждал я и не жду,
Что огорченным от тебя уйду.

И ясно мне, как солнце в вышине,
Что справедливость ты окажешь мне!»

И несказанно изумлялся шах,
Внимая доброй вести в тех словах.

Сказал: «Ты мыслью истинно велик,
И ныне ты желанного достиг.

Все, что еще скрываешь, не таи,
Открой, о царь, мне помыслы твои.

Тебе в оковах быть нехорошо,
И так нам говорить — нехорошо!»

И величавый, словно океан,
Так Искандару отвечал Хакан:

«Пресветлый властелин вселенной всей!
Взываю я о помощи твоей.

Все выскажу тебе, стремясь к добру,
Как волос к волосу переберу.

Приехал твой посол, сказал мне: «Встань,
Явись к царю и собери всю дань!»

Ответил я отказом, но потом
Раскаялся в ответе я своем.

И если ты ответ мой не простишь —
Ты будешь прав, когда меня казнишь.

И если меч решил ты обнажить —
За кровь не будешь выкупа платить.

Простишь — я милости не удивлюсь,
Хоть сердцем и душою обновлюсь!»

Ответил Искандар: «Премудрый шах,
Сияет истина в твоих словах!

Пряма и мужественна речь твоя;
Я слышу — дружественна речь твоя.

Предвестье было издревле дано,
Что покорить весь мир мне суждено.

И я весь мир завоевать решил,
И в некий срок в страну твою вступил.

Я на тебя врасплох напасть бы мог;
Для этого нашел бы я предлог.

И стал бы я виновником войны,
И не было бы на тебе вины.

Пришел ты, мудро спор наш разрешил,
Открыл мне правду, гнев мой потушил».

И произнес Хакан ему хвалу,
И слово в цель направил, как стрелу:

«Ты благороден, ты могуч и смел!
Стать властелином мира — твой удел.

Но ведь куда б ни шел ты — никогда
Не покорял ты землю без труда.

Не отдыхал, ночами ты не спал,
Пока в своих походах размышлял.

Ты знаешь сам, что был Маллу — злодей,
Колдун коварный, черный чародей.

С какой опасностью, с каким трудом
Ты совершил твердынь его разгром.

Ты был бы прав, когда б Маллу казнил,
Но ты, о шах, великодушен был.

Колдун Маллу Фирузу был отец
И ты Фирузу передал венец.

Ты под звездой счастливой к нам пришел.
Предвечный охраняет твой престол.

Ты помышлял, что я дышу враждой?
Пришел я сам, склонился пред тобой.

А о такой покорности вовек
Не слышал ни единый человек.

Но тот возвышен, кто перед тобой
Склонился — так ты вознесен судьбой.

Исполню все, что ты ни скажешь мне,
И знаю — милость ты окажешь мне».

Ответил Искандар: «О властелин,
Утешься! Ты — отец, а я — твой сын.

Вели — и я к ногам твоим паду.
Вели — и на престол свой возведу.

Ты так подобен моему отцу,
Что восклицаю я: «Хвала творцу!

Сиди, суди народы, правь землей.
Я буду только полководец твой.

Коль власть тебе над миром не нужна,
Скажи мне — чем душа твоя полна?
Что кроешь ты в сердечной глубине,—
Я все исполню, что посильно мне!»

Любимец пери счастья, муж Хакан
В слезах сказал: «Хвала тебе, Яздан!»

Он — мужественный — слез сдержать не мог
И пал челом в пыли у шахских ног,

Сказав: «Что солнце в щедрости своей,
Когда ты сам вступаешь в апогей?

Повелевай вселенной — только ты,
Как небо неизменный — только ты!

Не только ханы и цари, как я,
И степь — раба покорная твоя.

Какая мыслей высота в тебе!
Какая сердца чистота в тебе!

Ты так духовно богом одарен,
Что мал тебе вселенной этой трон.

Хоть и не тесно в этих двух мирах —
Будь десять их,— ты всюду стал бы шах.

И я не в силах отблагодарить
За милость, что решил ты мне явить.

Не в силах понимать и слышать я,
Что предлагает щедрость мне твоя.

Но ты о миролюбии своем
Мне говорил, назвав меня отцом.

Не ждал, сюда приехав, я, что ждет
Меня такая честь, такой почет.

Нет, мне такого сына не дано,
Хоть, может, это говорить грешно.

Но редкая жемчужина ценна,
Хоть раковиной бедной рождена.

Прости! Пусть ясной станет мысль моя,
Хоть ты и перл, не раковина — я.

Тебе откроюсь, дух твой возлюбя:
Ты — перл, и хоть не ниже я тебя,

Ты помыслов своих не утаи,
Исполню все желания твои.

Ты только тайны сей не нарушай.
Кто я — ни перед кем не разглашай.

День, как посла, держи меня в чести,
А только ночь настанет — отпусти.

Скажи войскам: «Гонец Хакана был —
И нам он мир и дружбу предложил.

А через день посла в мой стан пошли
И почести мне оказать вели,

Чтобы к тебе он в гости звал меня,
И я приеду, не промедлю дня.

Как равного, меня ты сам встречай
И всенародно мне поклон отдай.

Тысячелетье с лишком протекло
С тех пор, как древо наше возросло.

С тех пор, как во вселенной Чин стоит,
Престол хаканов нам принадлежит.

Ты списки древние пересмотри,
Мои отцы — все ханы и цари.

Не заставляй меня чело склонять
И землю пред тобою целовать.

Чтоб я великим был у всех в глазах,
Как истинный хакан и шахиншах,

Пред всем народом мне почет яви,
Меня отцом и старшим назови.

А спорить нам о дани нет причин,
И данником от века не был Чин.

О дани больше мне не говори
И слово «дань» из памяти сотри,

Коль означает дань — взимать с врага,
Брать золото, рубины, жемчуга.

Ты знай — моим богатствам сметы нет,
Моей казны не счесть за сотни лет.

Будь у меня прекрасный сын такой,
Как ты, зачем мне дорожить казной?

Я так рассыплю золото, что рать
Румийская устанет подбирать.

Когда ты почести окажешь мне,
Сам будешь гостем у меня в стране.

И я устрою царственный прием,
Тебя встречая во дворце своем.

И сколько б ты ни пожелал, мой шах,
Ты будешь пировать в моих садах.

Когда надумаешь ты уезжать,
Сам соберусь тебя я провожать.

С тобой поеду рядом, много дней
Любуясь светлой красотой твоей.

Ты скрой от всех, что здесь я говорил,
Ты скрой от всех, что сам послом я был».

Ответил Искандар: «Как ты велишь —
Я скрою, если сам не разгласишь».

Хакан ответил: «Тайна и печать,—
Об этом буду вечно я молчать».

И молвил Искандар: «Быть посему!»
И все исполнить поклялся ему.

Встал Искандар, призвал людей своих
В шатер и так оповестил он их:

«Муж этот, да продлится век его,
Суть изложил посольства своего.

С него снимите путы поскорей,
Освободите ноги от цепей.

Он стар и мудр, светла его глава,
И он принес счастливые слова.

Как твердь и море в равновесьи сил,
Хакан мне мир и дружбу предложил.

Гонцу одежду с моего плеча
Я жалую. Ему к лицу парча».

И вновь гонца в шатер царя ввели,
И царь, подобный солнцу всей земли,

Сказал: «Здесь до заката отдыхай,
А ночью в путь обратный поспешай».

И благо пожелав царю царей,
Хакан пошел в покои для гостей.

Весь день он пробыл в глубине дворца
И покрывала не снимал с лица.

Обычай старый Чина был таков,
Чтобы лицо посла скрывал покров.

Когда гонец луны по облакам
Поплыл, светя пустыням и горам,

Как месяц, поднялся гонец-Хакан,
Сел на коня и поскакал в свой стан.

Наперсника, который ждал его,
Он встретил, обнял друга своего.

Коня, что вихрем пересек простор,
Вручив ему, Хакан вошел в шатер,

И отдохнув с дороги, осенен
Удачей, государь воссел на трон.

Да, он неслыханное совершил,
Пред чем другой бы в страхе отступил!

Когда поднявшись из морских пучин,
На трон воссело солнце-властелин,—

На троне Рума Искандар воссел
И все войска свои собрать велел.

Сошлись полки, доспехами горя,
Все взоры обратились на царя.

И светозарный вождь румийских сил
Торжественно вазиру возгласил:

«Послом поедешь ты в Хаканов стан,
Как облако весеннее в Оман.

Царя хвалой достойною почти,
И о добре его оповести.

Скажи: «В ножны оружье убери,
Ворота миролюбья отвори.

Мы плохи ль, хороши ль — судить не мне,
Но гости нынче мы в твоей стране.

Мы враждовать вовек не будем впредь.
Приди, хотим тебя улицезреть.

То — речи Искандара, внемли им.
Будь гостем Искандара дорогим!»

Умолк владыка Рума. В путь вазир
Отправился, понес добро и мир.

Пред станом Чина стражам он сказал,
Как будто нитку перлов развязал:

Он знаки предъявил, что он гонец —
Да примут и да пустят во дворец.

Хакану стражи донесли о нем.
Хакан послал немедля за гонцом;

Как солнце мира, на престол воссел
И всех вельмож своих созвать велел.

Посла ввели, Хакан спросил его:
«Открой нам цель прибытья твоего».

Посланец шаха мысль в слова облек
И красноречья распустил клубок.

Хакан, с весельем в сердце, речь гонца
Прослушал от начала до конца.

Когда гонец румийский замолчал,
Он, засияв улыбкой, отвечал:

«Когда, как громоносный небосвод,
Шах Искандар пошел на нас в поход

И руку к нам грозящую простер,—
Собрал я войско, чтобы дать отпор.

Ну, а теперь, внемля твоим словам,
Я вижу, он — доброжелатель нам.

Явлюсь на зов владыки твоего,
Когда ты впрямь доверенный его».

Гонец в ответ: «Я передал в словах
Лишь то, что поручил великий шах.

Вот — грамота. И как бы я посмел
Переступить указанный предел?»

И встал Хакан, велел коня седлать,
Не захотел поездки отлагать.

Возликовали чинские войска,
Рассеялись тревоги облака.

И дружно, вслед Хакана своего
Поехала вся конница его.

Войска пошли, как будто потекли,
Распавшись, глыбы матерой земли.

И обернулся к ним, смеясь, Хакан,
Сказал: «Останьтесь. Возвращайтесь в стан».

Но все же сотню избранных мужей
И сотен девять знатных и князей

Пришлось Хакану свитой взять своей,
По древнему обычаю царей.

Навстречу Искандар, завидев их,
Послал князей и мудрецов своих.

Князья в парче, на головах венцы,
В простой одежде белой — мудрецы.

И по обычаям минувших дней
Перед Хаканом все сошли с коней.

Вся степь была встречающих полна.
Шли толпы их, как за волной волна.

Когда пришло посольство в царский стан,
С коня проворно сам сошел Хакан.

И не князья в кулахе перед ним —
Парчу стелили шахи перед ним.

А Искандар, что ждал его с утра,
Ему навстречу вышел из шатра.

И вот сошлись великие цари,
Как Солнце и Луна, как две зари.

И властелина обнял властелин
Как будто обнялись отец и сын.

Восток и Запад, скажешь ты, сошлись,
Два лучезарных мира обнялись.

Враги сошлись на дружественный пир:
В том — целый мир, и в этом — целый мир.

И гостю руку Искандар простер
И ввел его в просторный свой шатер.

Почтительно туда его повел,
Где возвышался золотой престол.

Когда Хакан из скромности отстал,
Румийский шах его под локоть взял.

И на престоле посадил своем,
И сам, как младший, рядом сел потом.

И уважение явил ему,
И поклонение явил ему.

С ним ласково и мягко говорил,
Речами, будто жемчугом, дарил.

Сказал, расположенья не тая,
Что он ему годится в сыновья.

При каждом слове руку пожимал...
И радостно Хакан ему внимал.

Вот стольник, расстилатель скатертей
Раскинул дастарханы для гостей.

На скатерть хлебы солнцами легли,
Вином пунцовым чаши расцвели.

И много блюд явилось — и всего,
Что услаждает наше естество.

Такой Хакану был устроен пир,
Какого, может быть, не помнит мир.

И так хозяин — величавый шах —
Сказал: «Пусть твой народ откинет страх!

Скажи народу и войскам своим,
Что мир меж нами — тверд и нерушим!»

От этих слов Хакан возликовал,
И встал, и много высказал похвал.

Румиец, проводив его домой,
В шатер вернулся — к чаше золотой.

* * *

О кравчий, чашу Чина мне налей,
Чтоб истина жила в сердцах людей!

Чтоб каждый чашу полную испил
И, охмелев, печали позабыл.

Певец, в ладу Хиджаза иль Наво,
Спой мне под струны саза своего.

Томимому смятеньем и тоской,
На тюркском языке мне бейты спой!

О Навои! Открой диван, гадай,
Жемчужины и лалы рассыпай!

Напевам новым обучи певца,
Дабы дарил надеждою сердца!

Восхваление правдивости и прямоты, которые являются лучшими образцами кипарисоподобных красавиц в плодовом саду мира; и восхваление искреннего слова, являющегося избраннейшим среди чистых веяний утра в царстве ночи неба и о следах достойной награды стремлений, которые, подобно солнцу, украшающему мир, постепенным движением озаряют всю Землю, и о полезностях правдивых речей, которые малым словом приносят много доброго для жителей мира

Того в подлунной счастье озарит,
Кто неуклонно правду говорит.

Кто исполняет все, что обещал,
Тот обретает все, что пожелал.

Будь верен клятве, помня в час любой
Завет творца: «Обет исполни свой!»

Ты слово дал — так сохрани его,
Как заповедь пророка самого.

Долг неисполненный — источник мук —
Он весом — волос, а гнетет, как вьюк.

Лжецу не верят, что б он ни сказал,
Хотя б слова корана повторял.

И как высоко лжец ни возведен,
Доверия ни в ком не встретит он.

Жил некий лжец. Беда пришла к нему —
Пожар случился у него в дому.

Кричал он, звал на помощь... а народ
Негодовал: «Смотрите, как он врет!»

Сгорело обиталище лжеца;
И услыхал он слово мудреца.

«Кто лжет во всем, забывши божий страх,
То ведь и правда — ложь в его устах.

Ты лгал всю жизнь, судьбу свою губя...
Так жалуйся на самого себя!»

Дом строили царю одной страны;
Был нужен ровный столб — без кривизны.

И дерево пригодное нашли
У бедной бабки — на клочке земли.

Но дерево она не отдала —
Ни на какую сделку не пошла.

И золота верховный казначей
По весу дерева отсыпал ей.

И поваливши древо, и забрав,
Поставили, умело обтесав,

Опорой дома царского всего;
И оковали золотом его.

Тогда старуха в царский дом пришла
И, дерево обняв, произнесла:

«За то, что бог твой ствол прямым взрастил,
Меня ты и себя озолотил!»

Где справедливый утвержден закон,
Там бедствовать народ не принужден.

Коль честным человека воспитать,
Не может он кривить душой и лгать.

Особенно царю претить должна
В делах его и мыслях кривизна.

Ты помни, чтобы в бездне не пропасть,
Что правда выше, чем венец и власть.

Кому дано на троне восседать
И слово знаком перстня утверждать,

Тот прямоты и честности держись,
А лживым от геенны не спастись.

Коль верен человек своим словам,
То значит он и по природе прям.

Кто прав и в правоте уверен, тот
В день испытанья тьму врагов побьет.

Пред кличем правдолюбца боевым
Враг побежит, смятением гоним.

И птицы неба захотят слететь
В разумно им расставленную сеть.

Но как врага ты в друга превратишь,
Не веря сам тому, что говоришь?

Терпенье, размышленье превратят
В усладу сердца кислый виноград.

Рассказывал мне старый чудодей
О заклинателях индийских змей —

Как зорко заклинатель за змеей
Следит и обезвредит в миг любой.

Когда красноречивый говорит,
Народ, как зачарованный, молчит.

Так, внемля наю в глубине лесной,
Змея сама становится ручной.

А человек — змеи не хуже он,
Ведь он умом и сердцем наделен.

Бывалый водолаз в пучине вод
Из пасти у акулы перл возьмет.

За жемчугом, подолгу не дыша,
Ныряет он — бесстрашная душа.

Так сладкоуст, когда он говорит,
Внимающим жемчужины дарит.

А даром речи каждый наделен;
Разумной речи только скот лишен.

Но речь рождается в сердцах людей,
Добро живет и зло таится в ней.

Живого можно словом погубить
И мертвого из гроба воскресить.

Коль слово служит разуму, вовек
Не скажет злого слова человек.

Коль мудрый человек красноречив,
Он будет и в делах своих правдив.

Коль правду добромыслящий гласит,
Бог по его желаньям совершит.

Рассказ о том, как Ардашир был не в силах отразить врага мечом и разрешил это трудное дело разумными действиями и мечом языка

Великий Ардашир — Сасана сын [24] —
Был храбрый воин, мудрый властелин.

Когда на Ардавана [25] он восстал,
С огромным войском тот его догнал.

И понял Ардашир, что этот бой
Неравным будет, как борьба с судьбой...

Но ревность к делу царства ни на пядь
Ему не позволяла отступать.

И в мыслях Ардашир искал пути,
Как от разгрома верного уйти.

Мир предлагать ходил к врагам посол,
Но Ардаван на это не пошел.

У Ардашира некий муж служил,
А это вражий соглядатай был.

Был Ардашир о том оповещен,
Но соглядатая не трогал он.

Был Ардаван на расстояньи дня.
Он Ардашира окружал, тесня

Но Ардашир был истинно велик,—
Такой в нем дивный замысел возник:

Он всех созвал соратников своих;
Был и разведчик вражий среди них.

И Ардашир сказал им: «Враг силен,
Но он сегодня будет истреблен.

Нам силы вечного благоволят.
Я бесконечной радостью объят.

Теперь внимайте слову моему,
Его не разглашайте никому!»

Все поклялись молчание хранить,
И радостно он начал говорить:

«У Ардавана есть богатыри —
Опора войска. Их — десятка три;

По именам известный нам народ,
Решающий сражения исход.

Но их, по скупости, обидел шах;
И гнев и недовольство в их сердцах.

Мне тайное письмо принесено
От этих пахлаванов. Вот оно:

«Когда назавтра, с утренней зарей
Пойдут войска в долине — строй на строй,

Мы шаха Ардавана окружим
И учиним возмездие над ним.

Главу его мы принесем тебе
И все на службу перейдем к тебе».

Вот что измыслить Ардашир сумел!
Дух воинов окреп и осмелел.

А соглядатай, что в совете был,
Все Ардавану тут же сообщил.

Внял вести Ардаван — надменный шах,
И овладел им беспредельный страх.

Так этим страхом сокрушился он,
Что выйти в битву не решился он.

Хоть сила больше у него была,
Он принял мир, дабы избегнуть зла.

И Ардашир, благодаря уму,
Открыл дорогу счастью своему.

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает у Арасту, какова причина того, что здравый ум принимает верные решения, но иногда все же впадает в ошибку, и выслушивает его ответ

И так спросил однажды Искандар:
«О, муж, хранящий постиженья дар,

Все люди от Адама рождены,
Все одинаково сотворены;

Но этот светлым наделен умом,
А тот неверно судит обо всем.

Но все же удивительно одно:
И тот, кому разумное дано

Сужденье обо всех земных вещах,
Все ж ошибается в своих делах.

Ведь если нет в сужденьи кривизны,
То и решенья верны быть должны».

Мудрец, идущий знания стезей,
Подумав, дал царю ответ такой:

«Хоть люди по природе все равны,
Но качества им разные даны.

Ведь в каждом человеке лишь одно
Из многих свойств творца воплощено.

Нет равных двух листов на ветви сей,
Нет в мире одинаковых людей.

В одном — светильник разума зажжен,
Другой же — этой помощи лишен.

И тот, кто здраво судит обо всем,
В сужденьи ошибается своем.

Все изменяется, всему пора,
Сегодня не похоже на вчера.

Коль все не изменялось бы кругом,
Нам был бы разум истинным вождем,

Увы, он в мире тайны, как слепой,
Грядущего не видит пред собой.

Но разум,— хоть не может знать всего,—
Он лучше, чем отсутствие его.

А самоослепление ума
Страшнее, чем безумие и тьма.

Мысль искушает гордые сердца
О соучастии в делах творца.

Но смертным совершенными не быть
И совершенства тайны не вместить».

Доволен царь ответом был его —
Наставника и друга своего.

Хакан, учредив пиршество для Искандара, просит его пожаловать в Чин; в восхваление того царского пиршества и гостеприимства и перо, описывающее редкостные явления, рассыпает жемчужины; в описании порядка преподнесения подарков и редкостных вещей совершенная натура рассыпает драгоценности; в подсчете приношений исписываются страницы девяти небес; в истолковании радующих сердце пиршеств глаза мудрости отвергают чудеса восьми райских садов

Художник, что когда-то в Чине жил,
Так это на шелку изобразил:

Хакан, загородив пути войны,
Устроил праздник для своей страны.

Страх и усталость от людей ушли
И радость и веселье расцвели.

Дела счастливым завершив концом,
Хакан явился во дворце своем.

Созвал мужей совета и сказал:
«Вот я у Искандара побывал.

Величественный, словно небосвод,
Мне предстоял воитель дивный тот,

Который в несказанно краткий срок
Завоевал и Запад и Восток.

Всех, кто арканом небу угрожал,
Царей — он заарканил и связал.

Могла ль возникнуть прежде мысль у нас,
Что гостем к нам придет он — в добрый час,

Забыв вражду, благословляя мир,
К нам явится на дружественный пир?

Не думал я, что буду встречен им,
С великим уважением таким,

Что на престоле усадив своем,
Он назовет меня своим отцом!

Известно — мы могли б войну начать,
Пыль боевую до́ неба поднять,

Пришел бы он — и милость позабыл,
И всех нас, вырвав с корнем, истребил.

Но понял я, его увидев: он
На путь благодеянья устремлен.

Сидящие перед лицом моим!
Вы все — рабы, отпущенные им.

Я сам — хоть сыном мне назвался он —
Его великодушьем пристыжен.

Должны мы, этого не избежать,
Ему приязнь и дружбу доказать.

Как это сделать — подскажите мне,
Своим советом помогите мне!»

Когда закончил речь владыка стран,
Кому и Чин подвластен и Хотан,

Столпы державы молвили ему:
«Все сделаем по слову твоему!

Тому, кто гостем явится в твой дом,
Мы наши души в жертву принесем.

Скажи — не пожалеем ничего
Мы для тебя и гостя твоего.

Что ты замыслишь — войско и народ
Исполнит сразу, радостью сочтет.

Что делать — сам ты знаешь лучше нас,
А мы исполним твой любой приказ.

Да и откуда нам, ничтожным, знать —
О чем ты, мудрый, можешь помышлять.

Когда сойдутся солнце и луна,
То суетня пылинок не видна.

Когда встают два солнца в двух мирах
Кто будет говорить о муравьях?

И что тебе мы можем подсказать,
Как Искандара нужно принимать?

Любой из нас в сравнении с тобой,
Как пальма перед деревом тубой.

Но тут ясна для всех нас мысль одна:
Как ни полна, Хакан, твоя казна,

Сокровищницу должен ты открыть,
И по-хозяйски гостя одарить!»

От этих слов возликовал Хакан
Душою мощный, словно океан.

Сказал: «Великодушием своим
Мы за великодушье воздадим.

А за год заплатить его войскам,
Я думаю, нетрудно будет нам.

Еще я за год из казны моей
Отсыплю на прокорм его людей.

Коль вы не будете мне возражать,
Согласие сочту за благодать».

И все на том решении сошлись,
В согласии за дело принялись.

Ты скажешь — через каменный порог
В казну струился золотой поток.

Как будто бы морская глубина
Открылась, чистым жемчугом полна.

Хакан собрал Румийцу дар такой,
Что мир, в смятеньи, потерял покой.

Сначала вспомню тысячу коней —
Онагров в беге легче и сильней.

От пыли, что табун их подымал,
В пустынном поле ветер отставал.

Когда бегут — как облако, летят,
Их сбруи, словно молнии, блестят.

Подковы золотые их звонки,
На спинах золотые чапраки;

И золотые паперси на них,
И гривы их в подвесках дорогих.

И тысяча верблюдов мне видна
На той картине; каждый — в рост слона.

Хоть их горбы, как горы, но взгляни —
По нраву, словно ангелы, они.

И все подобны птицам в быстроте,
Не птицам — звездам в вечной высоте.

Попоны их из золотой парчи,
Дрожа, переливаются в ночи.

Их сбруя — шелк; мерцают их глаза,
На длинных шеях — бусы, бирюза.

За ними мулов тысяча идет,
Как непокладистый небесный свод.

На них — бегущих в ряд или гуськом —
Отрадно путешествовать верхом.

Все мулы, по обычаям страны,
Богато и роскошно убраны.

И девять тысяч припасли тюков
Ковров, оружья, дорогих шелков.

Гора тюков, как сад в цвету, пестра,
А весом, как тяжелая гора.

И тысячу из яшмы чаш и блюд,
Чтоб изваять их, нужен долгий труд.

И утвари и редкостных картин
Собрал без счета чинский властелин;

И тысячу — для царского дворца —
Рабынь, воспламеняющих сердца.

От их, подобных дягилю, волос
Благоуханье мускуса лилось.

Как кипарисы, все они стройны,
Смеющиеся розами весны.

Коль я теперь о главном не скажу,
То ничего о славном не скажу:

И зеркало, во-первых, талисман;
«Зерцалом Чина» звал его Хакан.

Оно, как солнце, озаряло мир,
Как чаша Джама, отражало мир.

У зеркала, как солнце и луна,
Блистали та и эта сторона.

Ложь в стороне одной была видна,
Другая тоже не была мутна.

Волшебник зеркалу сумел придать
Двоякую способность отражать.

И вот в чем тайна стороны одной:
Когда кого-либо перед судьей

В злодействе или краже обвинят,
А тот взывает: «Я не виноват!»

Пусть поглядится в зеркало истец.
Коль отразится в зеркале истец,

Он прав; когда ж не отразится он,
За клевету да будет осужден.

Другая талисмана сторона
У шаха на пирах блистать должна,

Чтоб севшие за винное питье
В ней отраженье видели свое.

Кто сдержан и достойно пить привык,
Благообразным свой увидит лик.

А кто впадает в буйство, опьянев,
Тот, в талисман зеркальный поглядев,

Ужасную увидит рожу в нем
Уже не схожую с людским лицом.

И эта рожа то в длину растет,
То сплющиваться, морщиться начнет.

Тут он трезвеет и бросает пить,
Чтоб для людей посмешищем не быть.

И дар второй Хакан таил в тиши,
Красавицу — погибель для души.

Ты скажешь: эта чинская луна
От гурии и пери рождена.

Но гурия и пери высоты —
Лишь две служанки этой красоты.

На Чин ее глаза чинят набег,
А локоны покой смутят навек.

Два мускусных аркана — две косы —
Струят дыханье амбровой росы.

Затмился полумесяц перед ней,
Увидев полумесяцы бровей.

Аллах, что дуги-брови наводил,
Ей на ланиту каплю уронил;

И в восхищеньи «родинкой» зовет
Ту мускусную каплю небосвод.

Раскосые глаза, как два меча,
Как два до крови жадных палача.

И не от жажды ль той истома в них,
Что вытянулись, словно два больных?

Подобен солнцу круг ее лица,
Очерченного циркулем творца.

Центр круга — рот. Незрима точка та,
Покамест дева не откроет рта.

А подбородок — это малый круг,
Для круга бытия источник мук.

На подбородке ямочка у ней —
Зиндан пленения множества людей.

Как кипарис в движенье, тонкий стан;
Как плавно выступающий фазан,

Красавица: где тот фазан пройдет,
Он сам в неволю кречетов берет.

И вся она — от головы до ног —
Изменчивый, пленительный поток.

Все удивляло в ней. И на пирах
Она людей сражала и в боях.

Ее напевы на пиру могли
Испепелить иклимы[26] всей земли.

Поет ли нежным голосом своим —
Немеет голос разума пред ним.

Когда рукой по струнам проведет,
Все струны душ влюбленных оборвет.

Когда газель заводит под барбат,
Те звуки и убьют и оживят...

Нагрянет ли, бывало, враг любой,
Та пери первая летела в бой.

Ее с мечом увидев, на коне,
Никто не мог остаться в стороне.

Пусть даже враг, как небо, шел могуч,
Она аркан метала выше туч.

Что ей броня? Она скалу с плеча
Раскалывала молнией меча!

Навылет стену крепости могла
Пронзить ее звенящая стрела.

Когда копье брала наперевес,
В смятеньи убегал дракон небес.

Когда коня кидала на врагов,
Как буря, налетала на врагов,

То это были — ужас и беда,
Неслыханные в древние года!

Вот о каких подарках шел рассказ,
Которые старик Хакан припас.

Тогда устроить пир на целый Чин
Решил для Искандара властелин.

Приготовленья к празднику тому
Непостижимы нашему уму.

К Румийцу он вельмож послал, просить
Приехать, сделать милость — погостить.

Вот Искандару, пав на лик земли,
Гонцы письмо Хакана поднесли,

Приехать согласился царь царей,
И тут же в путь пустился царь царей.

В ягаче от дворца стоял Хакан,
Как солнце, сам царя встречал Хакан.

Румиец ехал по шелкам цветным,
Вся степь цвела шелками перед ним.

И жемчуг под ноги его коня
Бросал Хакан, обычаи храня.

Велел разбрызгать мускус на пути,
Чтобы коням по мускусу идти.

Вот перед гостем — в дымке заревой
Открылся город, как эдем земной.

«И не было подобного!» — о нем
Гласит аят [27] в писании святом,

Его садам конца и края нет,
Ему подобья, кроме рая, нет.

Там убраны и стены и дворы
В шелка и драгоценные ковры.

Был этот город — сказка без прикрас —
Усладой сердца и отрадой глаз.

Шах Искандар взошел на тот айван,
Где днем обычно восседал Хакан.

Дворец огромный открывался там,
Подобный бирюзовым небесам.

Когда же гость в чертоги был введен,
Мир удивительный увидел он:

Сад, как небесный свод, сказал бы ты,
Где, словно звезды, на ветвях цветы.

Четыре арки, четверо ворот
В сад обаянья охраняли вход.

И выше золотых семи небес
Деревья там сплетали свой навес.

На куполе надмирной синевы
Темнел ковер узорный их листвы.

По вечерам, в густых ветвях дерёв
Блестели звезды россыпью плодов.

А под деревьями — зеленый луг,
Цветут жасмины белые вокруг.

Фиалки, предаваясь забытью,
Как синий полог, склонены к ручью.

Нет, то не сад, а небо. И оно
В волшебном зеркале отражено.

И нет числа и нет названий там
Струящим благовоние цветам.

Из глаз нарцисса катится слеза,
Иль у него воспалены глаза?

На снег жасмина долго он смотрел,
И вот — светобоязнью заболел.

Я луг тюльпанов назову ковром,
Что лепестков осыпан серебром,

Сравню с цветным блистающим стеклом,
И тайна неба отразилась в нем.

На том лугу, что широко открыт,
Постройка величавая стоит.

Со стражем, что хранит ее ключи,
Звезда Кейван беседует в ночи.

Низ башни той по высоте таков,
Что арки свода выше облаков.

Дожди и грозы, под его пятой,
Проходят ниже кровли золотой.

Все это здание светлей зари
Лучится позолотой изнутри.

Полы цветные дивного дворца
В восьмиугольных плитах изразца.

Не плиты камня покрывают двор,
А драгоценный расписной фарфор.

Весь в живописи — из конца в конец —
Огромный тот фарфоровый дворец.

Горят огнями дорогих камней
Столпы и створы золотых дверей.

Украсили дворец в былые дни
Художники, подобные Мани.

Изображенья там охот, боев,
Зверей и птиц, и царственных пиров.

Как сад эдема, росписи палат
Дух умиляли, восхищали взгляд.

Среди чертога возвышался тахт,
Царю царей предназначался тахт.

С почетом гостя славного возвел
Хакан на тот блистающий престол.

А гость, благословляемый судьбой,
Хакана рядом усадил с собой.

Они воссели, как отец и сын.
И пир открыл китайский властелин.

Всем по достоинству явил он честь,
Всем званым по чинам велел он сесть.

Сперва он усадил вельмож больших,
Отважных полководцев — после них;

А выше всех — ученых череду;
В числе их Афлатун и Арасту.

Уж на столы гостям принесено
Несмешанное чистое вино.

В пиру друзей, отрадою дыша,
К китайской чаше тянется душа.

И тот, что в зависть гурий повергал,
Прекрасный виночерпий чашу взял.

Отпив глоток, как издревле велось,
Кавсара влагу шаху он поднес.

И часть достойно царь времен испил
И чашу ту с Хаканом разделил.

Три круга чаша мира обошла,
Сердцам людей веселье принесла.

И как гуденье пчел, в широкий хор
Сливались шутки, смех и разговор.

Вот струн и флейт звучанье раздалось
И сладостное пенье полилось.

А кравчие скользили меж гостей,
Чаруя души мускусом кудрей.

Кто трезв, тот вел беседу чередой,
А пьяные певцам кричали: «Хой!»

На тахте царственном шла речь своя;
Расположенья сердца не тая,

Как братья, обнимались два царя,
Друг другу открывались два царя.

Хакан Румийцу предлагал весь Чин,
Мир отдавал румийский властелин.

В тот вечер укрепилась дружба их,
Сердечно утвердилась дружба их.

Дабы о пире том понятье дать,
Я трапезу хотел бы описать.

Но о закусках сохранилась весть,
Что все их невозможно перечесть.

На том пиру учились небеса,
Как расставлять закусок пояса.

Убранство трапезы и обиход
Заимствовал высокий небосвод.

Вот унесли закуски, и тогда
Была гостям предложена еда.

Скажи: покрыла скатерть лик земли,
И сотни блюд прекрасных принесли.

Так угощал он — чинский властелин:
Там было девять тысяч конских спин.

Барашкам жирным не было числа,
Слыхал я — сотня тысяч их была.

Под всякой мелкой дичью стол исчез,
Так что кружилась голова небес.

Когда же угощением таким,
Что подобает ангелам самим,

Насытились и знатный и простой,
Встал тут Хакан в короне золотой

И слугам приказал нести дары
К подножию наследника Дары.

Столпы державы встали и пошли
И снова все подарки перечли.

Дающий дар колени преклонил
И Искандар колени преклонил.

И девять тысяч принесли тюков,
Что были по́лны избранных даров.

Румиец был глубоко восхищен,
Когда все редкости увидел он.

И он Хакана поблагодарил
И два подарка главных отличил:

Красавицу, что в Чине рождена,
И зеркало, как солнце и луна.

Хакан подходит, зеркало несет,
Хотанскую красавицу ведет.

Вручил он шаху зеркало и ту,
Чью не опишешь словом красоту.

Сев рядом с гостем, рассказал Хакан,
Чем дивен был зеркальный талисман.

Румиец, чудом поражен таким,
Не расставался с зеркалом своим.

Его показывал он мудрецам,
И, как дитя, в него гляделся сам.

Он зеркала из рук не выпускал,
А о красавице не вспоминал.

Напрасно разгадать пытался он,
Как талисман чудесный сотворен.

Когда же скрылось зеркало небес
И кругозор земной во тьме исчез,

Встал гость, вина не трогал больше он;
Царь мудрый да не будет опьянен.

Сел на коня и в стан поехал свой,
Так солнце дня идет к черте земной.

Хакан поехал с ним проводником,
Хранителем и другом, и отцом.

И проводив, назад погнал коня,
Спеша домой до наступленья дня.

А Искандар, вернувшись в свой шатер,
Вел с мудрецами долгий разговор.

Все с восхищеньем вспоминали пир,
Каких до той поры не помнил мир.

* * *

Саки [28]! Зерцало Чина принеси,
Мой дух усталый муском ороси!

Тоскует обоняние о нем.
Тоску мою лечи твоим вином.

Певец! Напев свой звонкий зачинай,
С ним согласуй барбат и чанг, и най!

Меня в сады отрады уведи,
От помыслов мирских освободи.

Пей, Навои, придя на этот пир,
Но помни — вероломен этот мир.

Пусть грозный свод Хакана истребил,
Румийца тоже он не пощадил!

О благородных людях, подобных кипарисам в саду гостеприимства, которые, крепко повязав пояс услужения, с открытым, как роза, лицом, всегда держат разостланной скатерть щедрости; и их гости, пусть они будут попугаи или соловьи, в соответствии со своим желанием находят усладу на этой скатерти; и они свободны от принуждения и излишнего поглощения пищи

Счастлив мудрец, исполненный щедрот,
Коль не имеет он других забот.

Он в мире — гость. И всех, кто в мир пришли,
Он назовет гостями сей земли.

И если гость у входа постучит,
От всей души к нему он поспешит.

От гостя не бежит, роняя честь;
Без гостя он не сядет пить и есть.

Как ни была бы трапеза вкусна,
Без гостя и безвкусна, и пресна.

А с добрым гостем даже хлеб сухой,
Как солнце дня на скатерти простой.

От сердца гостю прояви приязнь
И пусть твой беден дом, откинь боязнь.

Когда пред гостем розой расцветешь —
И скатерть, словно розу, развернешь.

Смеется роза сотней лепестков,
Сияет скатерть солнцами хлебов.

Коль гость коснется яства твоего,
Ты от души благодари его.

Кто мудр, тот все сперва подаст гостям,
А после будет насыщаться сам.

Царь или нищий за твоим столом —
Они равны перед твоим лицом.

Нельзя царю всем, чем богат, служить,
А нищему объедки положить.

И пусть различье меж гостями есть,
Пусть без различья всем им будет честь.

Они неравны волею судьбы,
Но все они — предвечного рабы.

Согбенного несчастьем и нуждой
Увидишь ты,— на нем чапан худой,—

Но если тайны сердца знает он
И царством сердца управляет он —

Ты знай, что он достиг таких высот,
Отколь ему подвластен небосвод.

И царь упал бы под ноги его,
Познав величье нищего того.

Как может человек повергнуть в прах
Того, кого возвысил сам Аллах?

Всех выше тот средь сведущих людей,
Кто с гостем тайной делится своей.

В обличьях разных люди предстоят;
Их сути распознать не может взгляд.

Но дух приязни, светом глубины
Исполненный, увидит: все равны!

Тот, кто подобным солнцу может стать,
Всем людям будет поровну сиять.

Равно — на хижину и на чертог
Он изольет лучей своих поток.

Не как свеча, миганьем огонька
Сжигающая крылья мотылька.

Возмездием за это у свечи
Главу срезают ножницы-мечи.

Будь щедрым, словно облако весной,
Что льет щедроты над любой страной.

Когда осыплет дождиком апрель,
Как жемчугом, земную колыбель,

И солончак пустынь и свежий сад
За благостыню дождь благодарят.

Не будь, как ветер, что несет пески
И тучи пыли, тяжелей тоски;

Заносит караванные пути,
Посевам ранним не дает взойти.

Видать, за это суждено ветрам
Кружиться вечно — от дверей к дверям.

О пожелавший щедрость проявить,
Ты помни: щедрость разной может быть.

Во-первых, если гость к тебе придет,
Окажет дому твоему почет,

Гостеприимства выполняй обряд
Не ради славы, спеси иль наград.

Один ли гость, иль десять — всех встречай
И для стола барана убивай.

Но непрерывно гостя угощать,
Чуть съест кусок — подкладывать опять.

Глазами гостя неотступно есть,
Прося: «Покушай! Окажи мне честь!»,

Хоть гость от объяденья, может быть,
Не в силах и рукой пошевелить,—

Жестокость это, мука для гостей
И это не для избранных людей.

Ведь не мазар Лукмана он — твой дом,
Не шейх мазара за твоим столом.

Достойно ли безумцам подражать,
Зря достоянье божье расточать?

Ты гостя насмерть окормить решил,—
В чем он перед тобою согрешил?

Кто счет теряет съеденным кускам,
Свое здоровье повреждает сам.

Такое угощение давно
Разумными людьми осуждено.

А во-вторых,— коль гость к тебе придет,
Но на столе ни корки не найдет,

Хоть голод мучит гостя все лютей,
Но нет предела скупости твоей,

Ты знай, что гостя трапезы лишать
Еще постыднее, чем расточать.

Обычай добрый гостелюбья в том,
Что кто бы ни был за твоим столом,

Расположи его, будь ласков с ним,
Не расточай, но и не будь скупым.

И трапезу достойную ему
Поставь, но по достатку своему.

Все, чем богат, радушно принеси,
Услуг не требуй, платы не проси.

И будет от людей тебе хвала
И счастье озарит твои дела.

Блюди всегда завещанное нам
Радушье, уважение к гостям!

Таких хозяев мало. Если есть
Один такой — поклон ему и честь.

Рассказ о Бахрам-Гуре, который был гостем у трех обладателей домов; двое из-за крайности и чрезмерности были отвергнуты и порицаемы, а третий по справедливости (признан) Коруном

Теперь преданье расскажу я вам,
Как в некий день охотился Бахрам.

Погоней за онагром увлечен,
Один в пустыне очутился он;

Отстала свита. Шах в глуши степной,
Три хижины увидел пред собой.

Он утомлен был, очень есть хотел,
Припаса же с собою не имел.

Там рос чинар. В тени его ветвей
Сел измеряющий простор полей [29].

«Вот я сегодня гость ваш!» — молвил шах
Безвестным людям, жившим в тех домах.

«Заветы гостелюбия храня,
Вы накормите чем-нибудь меня!»

Один из них богат, но жаден был;
Он перед гостем дверь свою закрыл.

Второй был гостю бесконечно рад
И расточителен, хоть не богат.

Он всех баранов поспешил убить,
Казан подвесил, чтобы их сварить.

Но пар мясной — голодному беда,
Коль только завтра сварится еда.

Был третий — муж разумный. Только тот
Счастлив, кто светом разума живет.

И он, Бахрама приведя в свой дом,
Лепешку подал с кислым молоком.

Бахрам, едой насытившись простой,
Избыл усталость и обрел покой.

Хозяину без меры денег дал,
Скупца же крепко за уши надрал.

И расточителя он разбранил,
Но стоимость баранов возместил.

Его правленье было таково
И поведенье было таково.

Хозяин, будь таким, как третий тот,
Пусть даже сам Бахрам к тебе придет.

Мудрецы изготовляют для Искандара астролябию и зеркало для постижения тайн неба и земли...

Художник, что Мани подобен был,
Картину на шелку изобразил:

Когда Хакан Румийцу другом стал,
Чин пребыванием Искандар избрал.

Зима в ту пору на землю пришла,
Все перевалы снегом занесла.

Хакан же беспредельно сам желал,
Чтоб Искандар у них зазимовал.

Чтоб с ним, покамест не придет весна,
Дни коротать за чашею вина.

Он Искандару просьбу изъявил,
И тот Хакана поблагодарил.

В согласии с душевной прямотой
Зимовки местом он избрал Ал-Хтой.

Как солнце дня и месяц, на пиру
Они беседовали ввечеру.

А поутру, охотой увлечен,
В горах, в лесах ловил оленей он.

И возвращаясь в город отдыхать,
При звуках флейт он пировал опять.

Но чаще средь ученых пребывал,
В речах их тайну знания впивал.

Загадкой был зеркальный талисман,
Который подарил ему Хакан.

Бывало иногда — к нему на суд
За правдой двое с тяжбою придут.

Он зеркало пред ними открывал
И сразу ложь и правду узнавал.

Но ни один из мудрецов его
Не понял тайны зеркала того.

Тот талисман зеркальный на пирах
Перед гостями ставил славный шах.

И каждый, кто в застольи опьянел,
Трезвел, когда в то зеркало глядел.

Тем чудо-зеркалом был изумлен
И очарован властелин времен.

Его недоумение росло
И в дали размышления вело.

«Вот зеркало! — он думал,— ведь оно
Руками смертного сотворено.

Но одаряет разумом людей
Небесный царь по милости своей.

И волею небес, в конце концов,
Мне служат сотни славных мудрецов.

Даны миры живого знанья им,
Открыта книга мирозданья им.

А зеркало подобное луне
Рождает мысль отважную во мне:

Ведь если б мудрецы моей земли
Всю мощь пытливой мысли напрягли,

То мне, загадки этой сняв печать,
Сильнейший талисман могли б создать!»

И тайно мудрецов он пригласил
И свой великий замысел открыл.

И отвечали знания мужи:
«О царь вселенной! Слово нам скажи,

Все, даже невозможное для нас,
Мы совершим, исполним твой приказ!

Разгадку талисмана мы найдем
И чудо Чина делом превзойдем».

Тут разделились на две стороны,
Посовещавшись, мудрецы страны:

Налево стали Афлатун, Сократ,
Направо — Арасту и Гиппократ.

И были средь ученых тех людей
Гермес и Архимед и Птоломей.

Направо стали двести мудрецов,
Налево стали двести мудрецов.

И так они по двести разошлись
И неким тайным делом занялись.

И правильное, наконец, нашли
Изображенье Неба и Земли.

Один чертил круги земных широт,
Другой же изучал небесный свод.

Измеривши длину земной дуги
И рассчитавши звездные круги,

Они, познав вселенной естество,
Явили мощь искусства своего.

Металлы в тигле сплавив,— ты взгляни,—
Два талисмана сделали они.

Был первый — астролябия, другой
Изображал собою шар земной.

Был первый — бронзовый и золотой.
Из чистой светлой стали был другой.

Тот шар стальной, что мир изображал,
Зеркальною поверхностью блистал.

А Искандар, хоть их не торопил,
От мудрецов на шаг не отходил.

Те, видя нетерпение царя,
Спешили, нетерпением горя,

Великое для мира совершить —
Две сферы удивительных отлить.

Два дивных талисмана, наконец,
Доставили в фарфоровый дворец.

Являлось людям в первом из шаров
Движенье сфер астральных и кругов.

Все отражалось в зеркале стальном,
Что в мире совершается земном.

В одном — небес являлась глубина,
В другом же — вся земля была видна.

В одном Зенит был виден и Надир[30],
В другом — весь нижний необъятный мир.

Когда же солнце, бле́ща, как стекло,
На башню равноденствия взошло,

Горя, как золотой зеркальный шар,
Что создал величавый Искандар,

Царь мира сел на троне золотом,
Как солнце в равноденствии своем.

И с ним Хакан. И множество царей
Внизу сидело — сонмище гостей.

Весна настала, обновлялся мир.
И в честь весны пошел великий пир.

И подошли к престолу мудрецы,
Двух талисманов славные творцы.

Как высший разум, души их ясны.
От бренного они отрешены.

Царь встал пред ними, оказал им честь,
На возвышенье пригласил их сесть.

Когда они уселись на коврах,
Вдруг охватил гостей невольный страх.

В чертоге, где лился поток вина,
Глубокая настала тишина.

И вот мужи мудрейшие земли
Две сферы ими созданных внесли.

И людям показали чудеса —
Весь необъятный мир и небеса.

Стал виден весь небесный свод в одном,
В другом — долина праха целиком.

И девять сфер надмирной вышины
И семь иклимов стали всем видны.

В безмолвии Хакан на них глядел,
Скажи — от изумленья онемел.

Потом великою воздал хвалой,
Склонясь перед Румийцем головой:

«Таких, как ты, не создавал творец!
Что без тебя престол? Зачем венец?

И старцы, что соседствуют тебе,
В величьи соответствуют тебе!

Да будет вечно слава их жива,
Коль их святая сущность такова!»

Я перечесть не в силах щедрый дар,
Которым наградил их Искандар.

Тем мудрецам — сокровищ океан
Он подарил, и дал в удел Юнан.

Хакан великий тоже щедрым был,
Он столько жемчуга им подарил,

Что солнцем заблистали,— ты скажи,—
Все эти — солнцам равные — мужи.

И радостью расцвел духовный свет
Царя, познавшего пути планет.

Тогда на пир ему позвать пришлось
Искусную чесальщицу волос,

Чтобы у пери кудри завила
И родинку искусно навела,

Чтоб насурьмила лук ее бровей
Разбив, как дымку, завитки кудрей.

Чтоб словно кипарис в раю земном
Предстала эта пери пред царем.

Раба, вступивши в брак с царем земным,
Она весь мир взяла, как свой калым.

Планетой Муштари, звездой времен,
Был договор их в небе утвержден.

Знаток светил великий был Сократ;
Пути светил в ночи следил Сократ.

Он все, что звездный небосвод сулил,
По астролябии определил:

Когда светила вечного восход
Определит космический расчет,

То шах, расставшись с чашею друзей,
С невестой сочетается своей,

С прекрасною царевной Раушанак,
Что блеском превращала свет во мрак;

О ней Дара пред смертью завещал,
Чтоб Искандар ее женой назвал.

Но в войнах год за годом проходил,
И властелин времен о ней забыл.

И дочь была Маллу, Наз-Михр краса,
Какой досель не помнят небеса.

Среди тревог походных и о ней
Не вспоминал великий царь царей,

Но вспомнив, пир велел он учредить,
Дабы весь мир в весельи утопить.

Когда осветит ярко Раушанак
Его опочивальни полумрак,

То и с Наз-Михр прекрасной он в тиши
Найдет покой и счастье для души.

Когда все это утвердилось в нем,
Призвал он многоопытных умом.

И что помыслил, все поведал им —
Учителям, наставникам своим.

Сказал: «Кто может миром овладеть,
Тот должен и наследника иметь.

Проходит солнце в небе голубом
В раздумьях о наследнике своем,

И, уходя в морскую глубину,
Зовет своим наместником луну.

И пусть не равен солнцу свет луны,
При ней ночные мраки не темны.

Коль древо падает, прожив свой век,
Оно оставит молодой побег,

Который пышным древом возрастет,
И пользу принесет, и тень, и плод!»

Когда с ним согласились мудрецы,
Велел он: «Кличьте клич во все концы,

Трубите сбор, чтоб все на пир пришли,
Чтоб это праздник был для всей земли!»

И за семь дней весь исполинский край,
Весь Чин украсился, как светлый рай.

Так весь украшен был подлунный свет,
Что если бы рассказывать сто лет,

До сотой доли мы бы не дошли,
О тысячной сказать бы не смогли.

И не было на славном том пиру
Учета золоту и серебру.

И пир настал великий, наконец,
Пора отрад и радости сердец.

Была весна, гремел в тени ветвей
Перед невестой-розой соловей.

В те дни весны на улице любой
Шумел, не умолкая, брачный той.

* * *

Налей мне, кравчий, чашу до краев
В день радости, веселья и цветов!

В день равноденствия заварим пир,
Чтоб ликовал и радовался мир.

Певец, на лад весенний чанг настрой
И пой мне песню, возглашая: «Хой!»

Коль скажешь: «Брат мой! О мой друг! Яр! Яр!»
Отвечу: «Дух мой полон мук! Яр! Яр!»

Коль в дальнем Чине жить мне предстоит,
Пусть чанг твой песней Чина зазвенит.

Пой мне: «Яр! Яр!». А я, под песнь твою,
В глухом изгнаньи молча слезы лью.

О приятности весны юности и радостях сердечных в пору юности и весны; прославление ее, подобное песне соловья, в тысяче мелодий восхваляющего столепестковую розу. Дети цветника насыщаются грудью кормилицы облаков, вместо молока — соком души и вместо воды — живительной влагой и обретают зелень одухотворенности

Прекрасный мира сад меня влечет.
Прекрасен утра юности восход.

Дни юности, как воды с крутизны,
Свергаются, но радости полны.

Весною к голубым лугам Овна
Идут пастись и солнце и луна.

И обрастают молодой листвой
Нагие ветви с новою весной.

Гремящие громады облаков
Идут, как стадо боевых слонов.

То, низвергая брызги вдалеке,
Смотри,— слоны купаются в реке!

И капли падают из темных туч,
Как с каменных боков слоновых круч.

Не капли — струи, бурная река!
Весенние несутся облака,

Не капли рассыпая — жемчуга
На синие моря и на луга.

Трава открыла кровь глубинных жил
И красный свой фиал тюльпан раскрыл.

Но в чашечке тюльпана чернота,
Дурная у него в крови черта.

Отгонный луг, цветением объят,
Перепоясал шелком свой халат.

Такие расцвели цветы в саду,
Что равных им я в Чине не найду.

Вкруг кипариса, красно-золотой,
Как волос, вьется дягиль молодой.

И дягиля высокие цветы,
Как амбровые кудри, завиты.

Фиалка к говорливому ручью
Склонила томно голову свою;

Она хмельна, хоть из ручья пила,
Недаром полы риз подобрала.

И у нарцисса день за днем пиры,
А пьет он из лимонной кожуры.

И набекрень колпак напялив свой,
Он в полудреме никнет головой.

Цвет лилии белеет невдали,
Иль то Меджун тоскует о Лейли?

Или душой от мира он ушел
И радость в отрешенности обрел?

Пылает роза, пламени красней;
Над ней, как саламандра, соловей.

Но роза не гнездо его сожгла,
А само существо его сожгла.

Несется по полям гонец ветров,
Стеля шелка стоцветные ковров.

Как фонари, тюльпаны зажжены,
Но чернью их сердца заклеймены...

И ветерок, когда о том узнал,
Их лепестки по степи разметал.

А роза белая, полна красы,
Отяжелела в серебре росы.

И на рассвете инеем блестит
Роса, что цвет весенний тяготит.

В ту пору расцветает аргуван,
Весь в пурпуре — блистает аргуван,

И восхищает он сердца людей
Багряною одеждою своей.

Из тучи капли падают, блестя,
Круги на влаге циркулем чертя.

Нет, ты взгляни: без циркуля они
Круги и кольца чертят, как Мани.

Блистая станом дивной красоты,
Подвесил тополь серьгами цветы.

И, как Эдем, цветет весенний луг,
Где кипарисы стали в полукруг.

И дождиком на рощи и луга
Апрель свои рассыпал жемчуга.

Несутся грозовые облака,
Раскатывая гром издалека.

И львиным ревом содрогают степь,
И синих молний разрывают цепь.

Живую воду мы сравним с дождем,
Нить ливня нитью жизни назовем.

Идут — за водоносом водонос —
Над степью тучи в полыханьи гроз.

И воплощается душа травы
В ростки, цветы и яркий блеск листвы.

А в том, кого не радует весна,
Жизнь не жива, душа омрачена.

В том человеческого сердца нет,
Кого весны не опьянит расцвет.

Вот распустилась роза, и над ней
Поет, гремит, стенает соловей.

Но тот под сени сада не придет,
Кто встречи с другом избранным не ждет.

А мы за Искандаром в сад сойдем,
Осыпанный сверкающим дождем.

РАССКАЗ О СОЛОВЬЕ

В одном саду порой цветенья роз
Пел соловей — живой источник слез.

Ворона, что в саду гнездо свила,
Бранить певца ночного начала:

«Одиннадцать ты месяцев молчишь,
Понурый и нахохленный сидишь.

А что ж теперь гремишь, свистишь, поешь,
Покоя прочим птицам не даешь?

В своих поступках очень странен ты,
Во всех делах непостоянен ты!»

«Несчастная,— ответил соловей,—
Молчи! Не знаешь тайны ты моей.

Я месяцев одиннадцать в году
Томлюсь тоской — явленья розы жду;

И жизнь моя тогда, как ты, черна...
Но лишь повеет теплая весна

И роза вновь, под ветерком дрожа,
Бутон раскроет, мускусом дыша,

Как я — восторга полный — умолчу,
Когда рыдать от радости хочу!

Динар иль грош — цена лужайки всей,
А не запеть не может соловей.

Но гаснет пламень розы огневой —
И вновь я над остывшею золой.

Что каркаешь ты на своем суку,
Подобная навозному жуку?

Как чудо розы можешь ты понять?
И лучше мне тебя совсем не знать!»

Когда сказал все это соловей,
Ворона сделалась еще черней,

И улетела, скрылась за листвой,
Угрюмая, как соловей зимой.

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает Арасту, почему естество человека как бы возрождается в пору цветения весенних роз; и ответ Арасту, подобный дыханию ветерка из сада мудрости

И снова величайший из владык
Спросил того, кто вечное постиг:

«Когда приходит в мир пора весны,
То все, кто в мир для жизни рождены,

Испытывают радость, и спешат
На вольный воздух — в поле, в степь и сад,

И сердце раскрывается весной,
Как почка, набухавшая зимой.

В чем радости причина? Почему
Весна мила живущему всему?»

И Арасту ответ облек в слова:
«О ты, чья речь — дыханье божества,

Об этом много слов говорено,
И это все нам ведомо давно,

Что радуясь весне, после зимы
На воздух, на простор стремимся мы.

Но мысль вопроса тонкая не в том,
И мы его основу разберем.

Четыре свойства сути мировой
Даны природе мертвой и живой.

Земля, Вода, Огонь и Воздух — вот,
Что зиждет мир земной и небосвод.

Теплы и сухи, влажны, холодны
Те свойства, что всему и всем даны.

И все явления и свойства их —
От смеси элементов основных.

Есть строй вещей — горячий и сухой,
Холодный, склонный к влажности — другой.

И годовых времен круговорот
Из тех стихий природа создает.

А время года лучшее — весна,
Жарка ее основа и влажна.

В трех временах же года остальных
Три качества заложено иных:

В них свойство желтой желчи видишь ты,
И черной желчи суть, и мокроты.

Но духа вечной жизни торжество —
В весне, в расцвете сущего всего.

А свету жизни рады все сердца
И все, что живо милостью творца.

В чем тайна мира? Где найдем ответ?
Но в строе мировом изъяна нет.

Душе природы и душе людей
Весна — добро, и дух стремится к ней.

Помимо воли льются струи вод,
Помимо воли мир весной цветет».

Внял откровению державный слух
И в слушателе обновился дух.

Искандар, покидая страну Чин, направляется в земли Магриба

Чи вновь он мудрости броню надел
И на престоле разума воссел.

Он знал, что не владыка мира он,
Пока Магриб ему не подчинен.

Награду дал он воинам сперва,
О том до наших дней звучит молва.

Потом, когда войска он наградил,
Приказ о выступленьи объявил.

А коль по нраву вождь своим войскам,
Он нанесет урон любым врагам.

И если царь народ свой не гнетет,
То за него народ стеной пойдет.

Храни Аллах! Любой погибнет шах,
Коль недовольство у него в войсках.

Нет, щедрость людям царская нужна,
А строгость — там, где правильна она.

А Искандар — он царь счастливый был
И полководец справедливый был.

Полкам в поход велел сбираться он,
С владыкой Чина стал прощаться он.

И, кроме Чина, западный Ал-Хтой
Вручив, сказал: «Прими подарок мой!»

И вот из Чина вывел он войска...
Скажи: на запад хлынула река.

Сопутствовать ему Хакан решил,
Но Искандар его отговорил.

И тайны многие открыв ему,
Вернул Хакана к дому своему.

Шел к югу... Чудо сущего всего —
Направо Хинд остался от него.

Ждал Раджа Хинда на его пути
С войсками, чтобы с ним в поход идти.

Но Раджу он обратно отослал,
И вдаль к Магрибу скакуна погнал.

И войск поток, блестя булатом лат,
Прошел без боя землю Худжарат.

Вот, наконец, войска пришли в Оман,
Увидели Индийский океан.

В Омане все владельцы кораблей
С готовностью пришли к царю царей.

И он под парусами тех судов
Ходил к пределам дальних островов.

Порой на быстроходном корабле
Он приплывал к неведомой земле.

И много городов завоевал,
И много новых, славных, основал.

На кораблях он море переплыл
И диких гор хребты перевалил,

Безмерностью пространства изумлен,
Шел с войском по степям безлюдным он.

Здесь это описать мы не смогли б,
Как Искандар завоевал Магриб.

И там, всегда добро творить готов,
Он много взял прекрасных городов.

Магриб ведь величайшей был страной
Средь всех, что украшают мир земной.

Магрибский царь пощады стал просить,
Любую дань пообещал платить.

Шах Искандар объехал склоны гор,
Холмы, долины и степной простор.

Но где бы он ни разбивал шатер,
И чем бы он ни утешал свой взор,

Но не переставал он тосковать
О Родине, о Руме вспоминать...

И было много в той стране чудес,—
Там подымались горы до небес,

А за горами — тайна. Полон дум
Откладывал он возвращенье в Рум.

И вот с отрядом всадников он сам
Пошел через пустыню к тем горам.

И некого селения достиг,
Деревья там росли, журчал родник.

А дальше к югу земли шли — ничьи,
Огромные там жили муравьи;

Вернее — псы в обличьи муравьев,
Чудовища, страшней пустынных львов.

На всех, кто в их владенья попадал,
Рой муравьев внезапно нападал;

И разрывал, со всех сторон тесня,
Мгновенно человека и коня,

Да так, что от несчастного того,
Скажи, не оставалось ничего.

Царь молвил: «Тайну этой стороны
Разведать осторожно мы должны!»

И о повадках муравьев-зверей
Расспрашивал у тамошних людей.

Сказали: «Рыскают они кругом,
И в постоянном страхе мы живем.

Знай: истребят в степи войска твои
Чудовищные эти муравьи.

Коль невредим сквозь муравьев пройдешь,
Страну, как сад Ирема, там найдешь.

Но великаны страшные стоят
На страже у дороги в этот сад.

И это — ужас! Весь их род заклят,
Сокровища Земли они хранят.

По виду — люди; но из них любой
Не с человеко́м схож, а со скало́й.

Сто воинов не справятся с одним...
А муравьи степные служат им.

Их речь слышна порою вдалеке
На непонятном людям языке.

Коль этот путь пройдешь, храним судьбой,
Откроется долина пред тобой,

Но вход в долину заградит отвес
Двух гор, царапающих свод небес.

И золотая вся — одна гора,
Другая — целиком из серебра.

Та — золотая — солнцем взгляд слепит,
Серебряная — месяцем блестит.

Они бесценней всех богатств земных,
А великаны охраняют их.

Тем великанам-сторожам дана
Необычайная потребность сна.

Они свой срок на страже отстоят,
А как уснут, то десять суток спят.

И к службе возвращаются своей,
Как только выспятся за десять дней.

И десять суток бодрствуют опять,
Покамест не настанет время спать.

Лишь в пору их очередного сна
Их сила может быть истреблена.

Но муравьи огромные хранят
Их сон, покуда великаны спят.

Чудовищные эти муравьи
Ни часа не бывают в забытьи.

Те муравьи-чудовища хранят
Гигантов, что сокровища хранят».

Шах Искандар был этим удивлен
И свет ума призвал на помощь он.

Сказал, созвавши мудрых на совет:
«Как быть — решайте! Нам возврата нет».

Молчал совет. Но были все сердца
Потрясены величием творца.

И понял разум, как пред божеством
Ничтожен он в неведеньи своем.

Круг мудрецов, безмолвствуя, сидел;
Язык их в изумленьи онемел.

* * *

Дай чашу, кравчий, из ключа души,
Несовершенный разум оглуши!

Меня ума величье не спасло,
Мне изумленье душу потрясло!

Певец! На лад Магриба песню спой,
В Магрибе я шатер поставил свой.

Я золото Магриба, словно прах,
На темя сыплю здесь — в иных песках.

О Навои, о родине своей,
Не вспоминай, не сетуй, не жалей.

Восток в себе и запад совмести
Весь мир сумей в самом себе найти!

О людях, которые глазами, озаренными светом знания, взирая на миротворение, воздают хвалу зиждителю...

Духовным человеком только тот
Будь назван, кто сокрытое прочтет,

Кто чувствует в явлении любом
Творца в его величии живом;

Кто видит, славя мира красоту,
Во всем — неповторимую черту;

Кто в полноте творения всего
Увидит отражение его.

Но тот несчастлив, кто не устремлен
К тому, которым сам он сотворен.

На синей тверди виден звезд чертеж;
Что в них, коль ты их чисел не прочтешь?

На девяти столах небесных сфер
Пир бесконечный — людям не в пример.

Что тысячи небесных скатертей,
Что брашна их — для страждущих людей.

Но тот, кто в этот сад на миг придет,
И дар духовный зренья обретет,

Увидя пальмы, розы и кусты,
Создателю всей этой красоты —

Садовнику — воздаст он похвалой,
За блеск и чудо красоты земной.

Цветеньем розы вешней изумлен,
В ней тайны мира открывает он...

А эту землю не окинет взор;
Над нею синий вознесен шатер.

И он не рухнет до скончанья лет,
Хоть у него столбов опорных нет.

Ты не страшись, на этот свод глядя,
Шатровых ребер в нем не находя.

Ведь этой юрты темно-синий щит
На бечевах невидимых висит.

Пусть будет просветлен твой взгляд земной
Всеведения жаждой, как сурьмой.

Ты все круги вселенной облетишь,
Но в поисках лишь сердце истомишь.

Тому, кто хочет истину познать,
Нет нужды далеко ее искать.

Она — с тобою всюду. Нет причин,
Идти за нею в отдаленный Чин,

В Магрибе изнурение терпеть,
А в Хинде унижение терпеть.

Животная основа, суть одна —
У страуса, павлина и слона.

Смотри глазами духа твоего
И ты увидишь: сам ты — суть всего!

Добро, когда свои познаешь ты
И внешние и скрытые черты.

Увидишь — смысл высокий заключен
В сей образ, что предвечным сотворен.

Хочу мгновенной кистью очертить
Твой образ, смысл и дух его раскрыть:

Ты — перл, родившийся в морях щедрот;
Не перл, ты — кипарис в садах щедрот.

Твой лоб — в лучах халифского венца;
В венце — рубины кротости творца.

А брови, как достоинства печать.
Власть — все познать и всем повелевать.

Как мускус, эти волосы черны,
Как «верных вервие» заплетены.

Лучи величия в твоих глазах
И чудо откровения — в словах.

Так думал тот, когда он, полон сил
Состав твой, словно тесто замесил,

И форму дав тебе, привел на пир
И красотой твоей украсил мир.

Он создал тело — твой прекрасный стан,
Не тело — совершенный талисман.

И много в этот талисман вложил
Он поперечных и продольных жил.

Особый мир он заключил в тебе
И светоч истины сокрыл в тебе.

Ты явным видом тайны должен быть,
В конечном бесконечность отразить.

Откуда ж вечный наш самообман?
Была, как совершенный талисман,

Природа человека создана.
«Сокровищница тайн» заключена,

Как скрытый в глубине горы алмаз,
В любом из нас, неведомый для нас.

А кто открыл сокровища свои,
Того «царем вселенной» назови!

Морей глубоких обладатель — он!
Небес высоких обитатель — он!

Велик Аллах, создавший солнце нам,
Движенье давший вечным небесам!

Ведь в каждой малой звездочке, горя,
Бушуют бури, плещутся моря.

Нигде ты больших не найдешь чудес,
Чем в созерцаньи пристальном небес.

И тот, кто хочет смысл найти во всем,
Найдет ответ на все в себе самом.

Ища познанья — по миру блуждай,
Но чтобы все познать — себя познай!

Искандар приводит в порядок свои войска для охоты на сонмище муравьеподобных, и то стадо дивоподобных. обезумев, появляется и выстраивается напротив его войска, и из них один—разрушитель рядов—выступает впереди войска и побеждает богатырей Искандара; и та чинская газель, как львица, выходит на майдан и охотится за драконом. Искандар избирает ее газелью своего гарема, его пленница пленяет еще раз своей милостью, и он — вместе с побежденными им — возвращается к царственному собранию

Так молнией калама своего
Писал свидетель бывшего всего:

В степь Искандар повел ряды полков,
Где шум вставал над войском муравьев.

Когда тот шум далекий услыхал,
Он всем остановиться приказал,

И спешась перед той долиной бед,
Созвал мужей мудрейших на совет.

Все к одному решению пришли:
«Пусть войско покорителя земли,

В котором столько славных удальцов,
Что им и счета нет в конце концов,

Пусть это войско, как перед врагом,
Построившись в порядке боевом,

На муравьев чудовищных пойдет,
И всем им пораженье нанесет.

Хоть нет числа в пустыне муравьям,
Хоть эти муравьи подобны львам,

Не устоят ни львы, ни муравьи,
Когда ударят воины твои.

Как уничтожим муравьев, потом
К горам на великанов мы пойдем.

И будем бой вести, презревши страх,
Пока победу не пошлет Аллах!»

И день погас. И темен свод миров
Стал, словно сонмы черных муравьев.

Там Искандар заночевать решил,
Но стражу выставить не позабыл.

Чтоб не очнуться им в своей крови
Когда проснутся эти муравьи,

Дабы добычей хищников не стать,
И нападению противостать.

Когда в сияньи заревых знамен,
Воссело солнце на крылатый трон,

Тот, чья была бестрепетна рука,
Повел на муравьев свои войска.

И так призыв литавр загрохотал,
Что с треском свод небесный разорвал.

Здесь нападенье — устрашить врага.
Здесь отступленье — заманить врага.

Стан муравьев был ужасом объят;
Решили: «Наступает кыямат!»

И броненосных чудищ череда
Пошла туда, где гибель и беда.

Все выбежали, ужаса полны,
Как мошкарой гонимые слоны.

И увидали: темен лик земли
От войск, идущих тучами вдали.

Но тут от сна очнулся их оплот,
Тот великанов дремлющий народ.

Как дивы, страшны обликом они;
Как гули, вьются облаком они.

Сильны, как носороги и слоны,
Как Ахриман, обличием страшны.

Глаза их, словно неба глубина,
А волосы — белее волокна.

Из шкур онагров — одеянье их;
Онагры дикие — питанье их.

Шли эти исполины, сея страх,
С огромными дубинами в руках.

На тех дубинах тяжких для войны
Железные крюки укреплены.

Чудовища с крюками в бой идут
И пришлых, как баграми, в плен берут.

Когда их стая с воем в бой пошла,
Я слышал, там их тысяча была.

Вот перед строем выступил один
Из вражеского стана исполин.

Противоборца звал он на майдан,
Все проклинал — нечестьем обуян.

И вот несокрушимый, как гранит,
Румийский витязь на него летит.

Пыль подымающий до облаков,
Повергший в пыль бесчисленных врагов,

Противника достойный своего,
Превосходящий славою его.

Слону подобен всадник, конь под ним,
Как носорог, в бою неуязвим.

«Гром» имя всадника. В смятеньи сеч,
Как молния, его блистает меч.

И вышел на поле без страха он,
Как лев, а перед ним не враг — дракон.

Как две горы, отторгшись от земли,
Они кружиться по полю пошли.

Хоть звонко искры падали с клиников,
Удары отражала сталь щитов.

Но тут подобный дивам страж степей
Взмахнул дубиной страшною своей,

Железным крюком крепко зацепил
Румийца и с коня его стащил,

Как будто рыбу на крючок поймал,
Арканом по рукам его связал.

И пленника он уволок в свой стан,
И вышел вновь на боевой майдан,

И стал единоборца вызывать,
Играть мечом и палицей махать.

Вот из румийских вылетел рядов
Отважный удалец средь удальцов.

Подобный вихрю, он летел, как дым;
Конь, как скала летящая, под ним.

Грозе на круче гор подобен он.
Он — на скале клубящийся дракон.

Тот богатырь огромный, как гора,
Свирепый нравом, звался Какара.

Когда на исполина он пошел,
Тот Ахриман и бровью не повел.

Ведь конь его свирепый был таким,
Что содрогалось небо перед ним.

Вступили в бой, пошли петлять они,
Друг друга стали обегать они.

И сталкиваясь вдруг лицом к лицу,
Хотели схватку привести к концу.

Но вот дикарь, собравшись с силой вдруг,
Румийцу на плечи закинул крюк.

Рванул, и рухнул наземь Какара.
Погибели его пришла пора!

И вот на смену павшему другой
Румийский витязь выехал на бой.

И тоже был закручен и упал
И, скрученный арканом, в плен попал.

Так пленниками диких тех людей
Тринадцать сделались богатырей.

Тот исполин своим крюком валил
Любого, кто на битву выходил.

И снова он на поле выезжал
И на единоборство вызывал.

И содрогалось храбрых естество
От голоса ужасного его.

И устрашились сильные сердца,
Не видя этой гибели конца.

А Искандар? В душе своей не страх,
А состраданье обнаружил шах.

Не мог он верных воинов губить.
Он видел, что врага не победить.

А тот дикарь смеялся: «Кто со мной
Теперь еще решится выйти в бой?»

Царь думал: «Коль таков один из них,
То как я справлюсь с полчищами их?»

Тревогою преисполнялся он,
Но твердо мудрости держался он.

Смеясь, сомненья сердца он гасил,
Но смех его отравлен горем был.

Неисчислимы были дикари,
Румийский строй теснили дикари.

И вдруг румиец некий вышел в бой,
Закрыв лицо индийской кисеей.

С высоким шишаком на голове,
Как огненное солнце в синеве,

В железе синем с головы до ног,
Он, словно ртутный клокотал поток.

Китайская попона на коне,
Вся в золоте, как в заревом огне.

Витой аркан в руках богатыря,
Индийский меч в ножнах богатыря.

Как молния, играя, он летел,
Как молния, он сбруею блестел.

Тот воин, что лицо свое скрывал,
Два круга по майдану описал.

И честь отдав величию царя,
Как ярый тюрк, напал на дикаря.

А воина того никто не знал
И каждый, на него глядя, вздыхал:

«Увы! Такой красивый молодец
На смерть идет! Конец ему, конец!»

Но тот, как одержимый, мчался в бой,
Как вихрь, клубясь китайской епанчой.

Близ Ахримана вихрем он кружил,
Дух Ахримана злобный устрашил.

Летал, вздымая пыли облака,
Недостижим для вражьего крюка.

Вкруг дикаря, что неподвижен был,
Как циркуль, круг за кругом он чертил.

И, раскрутив аркан, его метнул
И шею дива туго захлестнул;

Того, чья сила столь была грозна,
Он бросил под копыта скакуна.

Врага, лишенного последних сил,
Он на аркане по полю влачил.

А враг — его глаза в кровавой мгле —
Влачился, задыхаясь, по земле.

В свой стан его Румиец приволок,
Он бросил пленника у царских ног.

И спешась, в торока его скрутил,
И голову перед царем склонил.

А Искандар безмерно счастлив был,
Он разом пыль страданий с сердца смыл.

И к воинам поворотился шах,
Дух укрепляя в радостных войсках.

А войско окопалось рвом таким,
Что небо власти не нашло б над ним.

И спешась, царь, не отирая слез,
Молитву благодарности вознес.

Лицо омывши пылью боевой,
Он, как Джемшид, в шатер явился свой.

И тут же звать велел богатыря,
Который заарканил дикаря.

И возгласов заздравных грянул хор,
Когда воитель тот вошел в шатер.

Царь обнял славного, благодаря,
А тот, склонясь, припал к ногам царя.

Его из праха поднял царь царей,
Осыпав ливнем щедрости своей.

Сказал: «Эй, друг, чья верная рука
На шее вражьей, как аркан, крепка,

Как звать тебя? Откуда ты такой?
Лицо свое немедля нам открой!»

Когда ж воитель тот лицо открыл,
Сонм избранных он солнцем ослепил.

Тот богатырь не «он» был, а «она» —
Блистающая чинская луна,

Что Искандару подарил Хакан
И говорил: «Ей чужд любой изъян!

Светла, как солнце голубых высот,
Она прекрасно, как Зухра, поет.

Но если враг внезапно налетит,
Она врага любого поразит!»

Но без вниманья принял этот дар,
Забыл о ней в походе Искандар.

И над ее воинственностью он
Смеялся, пеньем пери упоен.

Но втайне времени она ждала,
Пока беда большая не пришла,

Дабы без страха, жертвуя собой,
В последний срок пойти на смертный бой.

И поняла, что день ее приспел,
Когда дикарь свирепый осмелел;

И в час, как сила Рума пасть могла,
Она врага арканом в плен взяла.

Когда увидел Искандар, что он
Луною той от гибели спасен,

Он слово благодарности вознес,
Тому, чья мощь — незыблемый утес,

Сказал: «Закончен солнца путь дневной,
И ты от всех лицо, как солнце, скрой!

Иди, блистай, как светлая заря,
В заветных сенях твоего царя!»

И та луна, ресницы ниц клоня,
Ушла во мглу завес, как солнце дня.

И вспомнил шах обычаи пиров,
Что учредил когда-то Кей Хосров.

Он полководцев звать велел в шатер
И руку к чаше радости простер.

И пламень брани укротился в нем
И светлый дух возвеселился в нем.

Он исполина пленного того
Велел ввести, чтоб допросить его.

В оковах привели его, в цепях,
Как Ахримана, сеющего страх.

Тревогу он в сердцах людей рождал,
Участия ни в ком не вызывал.

Ввели могучего, как два слона,
Чью мощь сломила юная луна.

И милость шах ему решил явить
И от цепей велел освободить.

Пал пленник на землю перед царем,
Но поднят был, усажен за столом.

И пищи много подали мясной,
Чтоб утолил он лютый голод свой.

И золотую чашу поднесли,
Как чашу моря посреди земли.

Когда ту чашу пленник осушил,
Налить другую кравчий поспешил.

И пленник, благодарностью горя,
Скажи — вскипел от милостей царя.

Вот так великий шах пленил его
Арканом милосердья своего.

Так он величием души своей
Сковал его надежнее цепей.

Ведь пленник шел на казнь, пришел на пир,
Вкусил благодеяние и мир.

Вот третью чашу выпил он, и пал
Перед царем вселенной, и сказал:

«Кто я такой? — Дикарь в глуши степей,
Рожденный средь таких же дикарей.

К словам хвалы и лести не привык
Воинственный и грубый мой язык.

Но некой тонкой тайною одной
Хотел бы поделиться я с тобой».

И царь сказал: «Открой, что знаешь ты!
Чего ты просишь, что желаешь ты?»

А пленник тот как одержимый был,
Ведь с непривычки он без меры пил.

Сказал: «Меня решил ты пощадить,
А чем тебе смогу я отплатить?

Но договор такой мы утвердим,
Что буду я всю жизнь слугой твоим;

Судьбу свою свяжу с твоей судьбой
И хоть на край земли пойду с тобой!

Но должен ты узнать, кто я таков:
Я — хан улуса этих степняков.

Когда пришли в наш край войска твои
Бесчисленные, словно муравьи,

Чтоб свой народ от гибели спасти,
Я сам за всех на бой решил пойти.

Не буду я рассказывать о том,
Что видел ты на поле боевом,

Тут солнце счастья моего зашло,
Но счастье в этот час мне помогло.

Ты меч благодеянья обнажил,
Меня на месте смерти не убил.

Я не мечом повержен боевым,
Сражен великодушием твоим.

Ты отпусти меня в мой стан. Клянусь,
Что я сюда в короткий срок вернусь.

Ведь стон и вопли в племени степном,
Там плачут о пленении моем.

Я о тебе всю правду им скажу,
От горя их сердца освобожу!»

Идти ему велел великий царь.
Пал перед шахом радостный дикарь,

Поцеловал его подножье он
И встал, ушел, как опьяненный слон.

Дивились, ничего не говоря,
Советники румийского царя.

Хоть слов для возраженья не нашли,
Они одобрить это не могли.

Сединами склонились мудрецы,
Глубоко изумились мудрецы.

А царь был весел, улыбался он,
Над их сомненьями смеялся он.

Он верил знанью, мудрости, уму,
Но верил больше счастью своему!

Тревожное сомненье их росло.
И время уж немалое прошло.

Но шум раздался близ шатра. И вот,
Вошел дикарь слоноподобный тот.

И всех в неволю взятых им людей,
Румийских он привел богатырей.

«Вот дар мой! — Искандару он сказал,—
Вот все они, кого я в плен забрал!»

И к праху, в знак покорности, припал
И сам рабом царя себя назвал.

И радовались все таким делам,
Черед настал восторгам и хвалам.

И снова милость царь явил ему —
Степному повелителю тому.

Всех пленников, что он освободил,
Царь на пиру с собою усадил.

И радости невольной издал крик,—
Один из пленных был Бербер-Барик.

Ликуя сердцем, обнял царь его —
Отважного Барика своего.

* * *

О кравчий, полный кубок поднеси,
Мой скорбный дух весельем ороси!

Я горе сердца заглушу вином,
На срок забудусь благодатным сном.

Приди певец, о встрече с другом пой!
В разлуке истомился я душой.

Да обрету я в дальней стороне
Желанное, обещанное мне!

О Навои, надеждою живи,
День встречи «вечной жизнью» назови.

Пусть встреча с другом — миг, но вечность в нем!
И мир, и свет, и бесконечность в нем!

Описание тьмы ночи разлуки; дым ада несчастья по сравнению с ней мог бы быть гиацинтом рая радости; трудности положения тех, чья жизнь омрачена такой ночью, и их глаза не освещаются рассветом свидания, особенно — трудность положения того, кто очернил лицо этой страницы. Только ночное светило жемчужины свидания озарит мир, но оно редкостно, как встреча с жемчужиной ночного светила

Тот счастлив,— будь в разлуке он сто лет,—
Пред кем желанной встречи вспыхнул свет.

Пусть перенес он муки ста смертей,
Но встретился с возлюбленной своей,

В той встрече — искупленье мук его,
В той встрече — вечной жизни торжество.

Пусть утром, после пира, муж любой
Порою тяготится сам собой,

Но если чашу выпьет ввечеру,
Забудет все на новом том пиру.

Разлука с другом так трудна для нас,
Что смерть любая легче во сто раз!

А миг слиянья с милой — этот миг,
Как счастье бесконечное, велик.

Но если дни разлуки тьмы темней,
То безнадежна тьма ее ночей.

О ночь разлуки! — с этой грозной тьмой
Сравним лишь ужас гибели самой!

Томление разлуки — черный день,
Чья безнадежна тягостная тень.

Не будь разлуки, не было б средь нас
Роняющих, как слезы, кровь из глаз.

Там, за морем разлуки, грозный суд,
Провидит он, где слезы не спасут...

Рассвет, в тоске по солнцу — без надежд,
Не разрывал бы воротник одежд.

Не потому ль, что розы далеки,
Тюльпаны рвут свой пурпур на куски.

И небосвод, когда б не тосковал
О солнце, туч кошму б не надевал.

И туча, разлученная с луной,
Рыдает над пустынею степной.

А перстень — что без Сулеймана он,
Хотя и талисманом наделен?

Что без души Фархада Бисутун [31]
Что степь, когда навек ушел Меджнун?

Гора в разлуке стоны издает,
Глухая степь ушедшего зовет.

Тоской о розе соловей спален,
Не потому ли цвета пепла он?

Он серым стал от горя, как зола;
Упала молния и сад сожгла.

Кто разлучен с любимой, только тот
И понял, как огонь разлуки жжет.

Ты у того, кто плачет, сна лишен,
Спроси — и все тебе откроет он.

Но скорбь скрывают тайную одну
Все, кто, как я, в разлуке и в плену.

Я плакать кровью сердца обречен,
С тех пор, как с милой сердцу разлучен.

Пусть в этом истребляющем огне
Никто не мучится подобно мне!

Лишь встреча может муки утишить,
Негаснущее пламя потушить.

Но стала бесконечной для меня
Разлуки нашей ночь. Дождусь ли дня?

Я так страданья книгу изучил,
Что все страданий виды различил:

С богатством разлученье — это, знай,
Беда для тех, кто в бренном видит рай.

Отторженность от милых, от друзей —
Для сердца благородного больней.

Разлука с близкими, с семьей своей
Еще ужасней, нет ее страшней.

Как пережить разлуку, коль в крови,
Коль в существе твоем — болезнь любви?

Неравны тягостью рода разлук,
Но всякая из них — источник мук.

Тягчайшая из них — когда пути
Не смог ты сердцем к Истине найти.

Все — кроме первого — рода разлук
Я испытал, и стал горнилом мук.

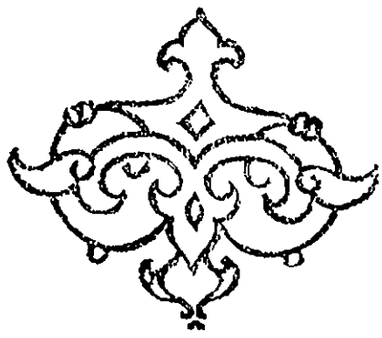
Но человек, пускай всего лишен,
Коль сердцем тверд, не ослабеет он.

Пускай в душе предела мукам нет,
Тогда надежда свой подъемлет свет,

И мы к устам тот кубок поднесем,
Наполненный слияния вином.

Зови его «напитком бытия».
Навек в нем возродится жизнь твоя.

О боже, Новой Жизни весть яви!
Надежду дай страдальцу Навои!

Когда, после завоевания Магриба, Искандар направлялся в Рум, народ страны Кирван пожаловался ему на притеснения яджуджей. И он, чтобы закрыть дорогу этому бедствию, строит стену; и строители, подобные ученым геометрам, и каменщики, подобные звездочетам, шнуром наметили место стены. И литейщики, по мысли Утарида, и кузнецы, по знаку Зухаля, заливая гипс расплавленной бронзой, а известь — блестящей сталью, возвели стену до небесного купола

Тот, кто события века записал,
Так мускусом по амбре начертал.

Когда правитель Рума, скажешь ты,
Дошел до крайней западной черты,

На западе увидел племя он,
Чьей злобой род людской был изнурен.

Хан из улуса к Искандару в плен
Попал; и милость получил взамен.

Он, покорясь румийскому ярму,
Привел все племя в подданство ему.

Им Искандар сказал: «Вы все со мной,
Чтоб верность доказать, пойдете в бой,

Чтоб муравьев огромных истребить,
Мир от опасности освободить!»

«О царь! — сказало войско дикарей,—
Опора мира и вселенной всей!

Коль этих муравьев мы перебьем,
Мы — великаны — сами пропадем.

Когда мы десять суток спим подряд,
В ту пору муравьи нас сторожат.

Мы десять суток бодрствуем; потом
Мы десять суток спим глубоким сном.

В ту пору к нам враги не подойдут,
Врага любого муравьи убьют!»

В ответ им шах ни слова не сказал,
Всем муравьям помилованье дал.

Сказал: «А где из золота гора?
И где еще гора из серебра?»

Тот исполин, себя ударив в грудь,
Сказал: «О них и думать позабудь!

Нельзя пойти по этому пути,
А кто пошел — того нельзя спасти.

Отсюда, где стоим, от степи сей
До этих гор дорога — в десять дней.

Но мы их не видали никогда,
Хоть и недальний путь ведет туда.

На той дороге бедствий и вреда
Подстерегает путника беда.

Там воды смертоносные текут,
Деревья ядовитые растут.

Там, жаждой разрушенья обуян,
Свирепствует пустынный ураган.

Все на своем пути сжигает он,
Дракона в воздух подымает он.

Те, кто, минуя этот смерч, пройдут,
Без счета на дороге змей найдут.

Там кобры и очковые кишат,
И каждая хранит старинный клад.

А змей число, как старцы говорят,
Тьмы тысяч, а вернее — мириад.

И воздух напоен над степью всей
Дыханьем ядовитым этих змей.

И аспиды, чей убивает взгляд,
На том пути к сокровищам стоят.

Ты не ходи к пределам той земли,
К которой мы и сами не дошли!»

Ответил Искандар ему: «Ты прав!
Рассказ твой необычный услыхав,

Куда хотел пойти, я не пойду,
Войска в обитель бед не поведу,

Зачем нам золото и серебро,
Когда от них беда, а не добро?

Несовместимо с нашим естеством,
Идя за золотом и серебром,

Войска в пути беспечно истребить,
Богатство жизни вечной погубить!»

За золотом и серебром в поход
Он не пошел; освободил народ —

Суровых этих диких степняков —
От рабства, лихоимства и оков.

И отпустил их, поручив судьбе.
Но нескольких оставил при себе;

Из-за ужасного обличья их
Поставил среди избранных своих.

Когда Магриб им завоеван был,
Он взгляд опять на Север обратил.

И кручи снежных гор перевалил,
И голубое море переплыл.

Пока корабль его, как колыбель,
Качали волны, чинская газель,

Чья в бедствии рука его спасла,
Кудрей арканом в плен его взяла.

Взяла его в глубокий плен утех,
Для Искандара став желанней всех.

С утра была, как кравчий на пиру,
Зухрой ему сияла ввечеру.

Вот близ Фаранга [32] корабли царя
Пристали, опустили якоря.

Пред ним лежала хмурая страна,
Меж Западом и Севером она.

Там, где зима свирепая грозна,
Разрозненные жили племена.

И приступали к шаху: «В добрый час,
Бери свой меч и заступись за нас!

Там, где порядок свой построил ты,
Судьбу людей благоустроил ты,

А мы, твоей защиты лишены,
Угнетены врагом, разорены!»

А царь: «Какие к вам враги пришли,
Рассыпали вас по лицу земли?»

Ответили: «Из неизвестных стран
Они идут через страну Кирван,

Где солнце от захода до утра
Скрывается, там высится гора.

К нам из-за той горы беда идет,
Оттуда — ужас и оттуда — гнет.

Предел вселенной — той горы хребет
Дневного солнца заслоняет свет.

В горах — ущелье; по тому пути
Нельзя сквозь горы никому пройти,

Яджуджи злобные гнездятся там,
Подобные чудовищным зверям.

Оттуда вихри бедствий к нам летят.
Их нападенье — сущий кыямат.

Видать, их породил Аллах святой,
Разгневавшись на грешный род людской.

За чью вину мы — жертва мести их?
В словах не описать нечестья их!

Как дивов тьма, бесчисленны они,
Как бездны тьма, немыслимы они.

На их макушках волосы — копной,
Торчат их космы — в семь пядей длиной,

Ничем не одеваются они,
Ушами укрываются они.

Страшны их лица — желты и черны,
Их бороды, как ржавчина, красны.

У них глаза свирепых обезьян;
Их темный разум злобой обуян.

Даны еще, как печи, ноздри им,—
Они их чистят языком своим.

Так чистит городская беднота
Лопатами отхожие места.

Они клыками, словно кабаны,
Изрыли землю нашей стороны.

Там, где яджудж, как злой кабан, пройдет,
Не то что злак, былинка не взрастет.

Самцы они иль самки, но подряд
У всех две груди длинные висят.

С тех пор, как существует этот свет,
Их сквернословию сравненья нет,

А круча этих гор так высока,
Что у ее подножий — облака.

Цепь этих круч, в сединах снежных глав,
Зовется издревле горою Каф.

Из горных нор своих два раза в год
На мир яджуджи движутся в поход

И все живое губят на пути.
Как нам спастись? Куда от них уйти?

И вот покинули мы навсегда,
Поля свои, сады и города.

Скитаемся мы по пескам степей,
Оторванные от своих корней.

Все города великой сей страны
В развалины врагом превращены.

А эти изверги зверей лютей,
Поверишь ли — они едят людей!

Овец, коров, коней — забрали все,
К себе угнали и пожрали все.

Здесь ни зерна нет в закромах пустых.
Все съели! Только смерть насытит их.

Вот все сказали мы тебе! Прости!
Народ наш можешь только ты спасти!»

Шах Искандар спросил: «Когда же тут
На вас яджуджи злобные идут?

Умеете ли срок вы узнавать,
Когда вам от яджуджей отступать?»

Ответили ему: «Два раза в год,
Идет на нас народ свирепый тот.

Тогда — клубясь, как туча, пыль встает,
Зеркальный затмевая небосвод.

Пыль, омрачающая блеск небес,
Предозначает нам, что мир исчез».

И царь спросил: «Когда вы ждете их?»
Сказали: «По примеру лет былых,

Жить нам в покое — месяц или два».
Запали в сердце шаха те слова.

И войску станом там он стать велел,
Стан войска валом окопать велел.

Но возроптали толпы бедняков,
Рассеянные сонмы степняков.

И молвили царю: «До коих пор
Терпеть нам это горе и позор?

Нас от врага не можешь ты спасти...
И просим мы тебя от нас уйти!

В тот день, когда чудовища придут,
Твоих румийцев воинства падут.

Вы все погибнете! А нам тогда
В стократ настанет худшая беда!»

Царь им ответил: «Не пугайтесь вы!
Но все же здесь не оставайтесь вы.

До нитки все забрав, что есть у вас,
Подальше откочуйте — в добрый час!

Спешите! Бог — свидетель, я не лгу,—
Надеюсь — помогу вам, как смогу!

Ушли они... Но там остался сам
Шах Искандар, подобный небесам.

Сказал он: и к ущелью, словно львы,
Пришли мужи, и выкопали рвы.

И клич он кликнул лучшим мастерам,
Прислали их Рус, Рум, Фаранг и Шам,

Постигших числа Мира и расчет
Движенья, где река светил течет;

Нет, не литейщиков, не кузнецов,
Созвал он мироздания творцов,

Чтоб мир стеною вечной защитить,
Навек дорогу бедствий преградить.

Медь, олово и сталь со всей земли
На тысячах верблюдов привезли.

Печей плавильных тысячи зажгли,
И реки огненные потекли.

А Искандар — при первом свете дня,
Встав раньше всех, садился на коня;

И объезжал подошву Кафских гор,
Стеной загородивших кругозор.

А там — скалу валили за скалой,
И камень резали стальной пилой.

Но увидали, дел не завершив,
Что пыль встает, полнеба омрачив.

Яджуджи шли,— скажи: за дивом див!
Неудержим, как сель, был их порыв...

Когда пожрал все, что пожрать успел,
Свирепый род яджуджей ослабел.

И ринулся в ущелье, наутек,
Как вспять внезапно хлынувший поток.

Бегущих Искандар велел рубить,
Чтоб навсегда их память истребить.

Так воля добрая и сильный ум
Заставили умолкнуть этот шум.

Вот приступили, знанием сильны,
Румийцы к возведению стены.

Меж двух отвесных исполинских гор
Могучий стали воздвигать затвор.

Определил строитель-звездочет
Счастливый час начала всех работ.

И начертили место на земле,
Где ставить стену — от скалы к скале.

Над чем-то колдовали мудрецы,
Все строго рассчитали мудрецы.

Вновь к небесам поднялся голубым
От тысячи печей плавильных дым.

Опору всей твердыни основав,
Не гипс — семи металлов лили сплав.

На сплав горячий клали глыбы плит,
Сперва их обтесав, как надлежит.

Во всей работе слушались они
Великого строителя Бани.

Так плотно клали каменный оплот,
Что между плит и волос не пройдет.

Пятьсот локтей — вот ширина стены
И тысяч за десять длина стены.

Десятки тысяч каменщиков там
Повиновались мудрым мастерам.

Полгода, ночи напролет и дни,
Без отдыха работали они.

И наконец твердыню возвели,—
Скажи: восьмое чудо всей земли.

А высота стены громадой всей,
Как говорят, была в пятьсот локтей.

На верх стены две лестницы вели,
Чтоб восходить дозорные могли.

Сторожевая башня на стене
Блестела синей сталью в вышине.

Укрытие для стражи было там,
Запас камней — метать их по врагам.

И печи, чтоб котлы разогревать,
Врага смолой кипящей обливать.

И были там дозор нести должны
Бессменно сотни стражей той страны.

Шах, видя завершение трудов,
Вознес хвалу строителю миров.

Он видел, как могуча и крепка
Стена, построенная на века...

Но вот померкли небеса в пыли,
Ордой к стене яджуджи подошли.

Но что поделать их клыки могли
С твердыней величайшею земли!

Тут Искандар сказал сторожевым:
«Бросайте камни на головы им!»

И тысячи проворных сторожей
Низвергли на чудовищ град камней,

Свинцом кипящим обливали их,
Горящей серой обжигали их.

Яджуджи, подымая страшный вой,
Вспять понеслись ревущею толпой.

Вот так, за все содеянное зло,
На них теперь возмездие сошло.

И вновь пришли, и встретили отпор,
И перестали нападать с тех пор.

Так Искандар несчастных защитил
И от яджуджей мир освободил.

И, как поток блистающей реки,
В обратный путь повел свои полки.

Овеян славой, полон морем дум,
В объятья матери вернулся в Рум.

* * *

Дай, кравчий, мне отчаянья фиал!
Я по родной стране затосковал!

Так долго я блуждал в чужих краях,
Что мнилось: мир земной распался в прах.

Певец! Я вновь теперь в краю родном...
Спой мне теперь забытый мной маком!

В слезах, внемля стенания твои,
Забуду я скитания свои!

Я — Навои — предела своего
Достиг, но нет мне пользы от того.

Ведь все, кого любил когда-то я,
Исчезли за пределом бытия!

Искандар, как солнце, овладев миром, ради открытия неведомых морей садится в корабль желания и подымает ветрила страсти; и согласно совету ученых, на берегу Румийского моря собирает искуснейших судостроителей мира и приказывает строить корабли. И когда были спущены на воду три тысячи кораблей, из которых каждый был подобен юной луне, они устремились, как стрелы, выпущенные из напряженного лука, и Искандар на этих кораблях в письменах волн читает поэму завоевания океанов

Из моря этого жемчуголов,
Ныряя в бездну, вынес жемчуг слов.

Вернувшись из похода, Искандар
Родной стране принес полмира в дар.

Он отдых утомленным дал войскам
И новой силы набирался сам.

И розой счастье Рума расцвело,
Как солнце, что к зениту подошло.

И радовались люди всей земли,
Которые свободу обрели.

И ликовал не только весь народ,
Весь ликовал девятисферный свод.

Четвертый свод гордится от того,
Что солнце ходит по кругам его.

Был Искандар в дому своем счастлив,
Из кубка мира жажду утолив.

И начал час за часом, день за днем
Он о походе вспоминать своем:

«Вот — все пределы суши матерой
Я обошел, руководим судьбой.

И все, что удивительного есть
Я видел. А земных чудес не счесть.

Я видел много на стезе своей
Растений необычных и зверей.

И все изведать было мне дано,
Что на земле под солнцем рождено.

Но только моря я не переплыл,
Завесы тайн его не приоткрыл.

Хоть много есть чудес на берегах,
Но больше есть чудес на островах.

Морская необъятна пелена,
Неизмерима моря глубина.

Огромный этот круглый шар земной
Со всех своих сторон покрыт водой.

А суша — часть десятая всего,
Не более, поверхности его.

Доныне плавать приходилось нам
Вдоль берегов — по внутренним морям.

Миротворенья непостижна суть,
Познанья тайны бесконечен путь.

Десятой доли мира человек
Не может изучить за долгий век.

Не можем мы рукой до звезд достать,
Не можем их загадки разгадать.

Лишь части мира постигает ум,
Но целого не обнимает ум.

Вершится волей неизвестных сил
Движенье сфер небесных и светил.

Прошли мы по неведомым путям
И мир подлунный покорился нам.

Нам знанье и могущество дано,
Но наше дело не завершено.

Коль наложу запрет я и печать
На вечное стремленье все познать,
Я сам веленье духа обману,
В неведении жалком утону.

Кругом я должен море переплыть,
Неведомые земли посетить.

Прошел я с Хызром мудрым по земле,
С Ильясом поплыву на корабле».

Страсть эта Искандара обняла
И снова в путь неведомый звала.

Коль эта страсть исхода не найдет,
Она разрушит разума оплот.

Владела мысль одна его умом,
И страх безумья появился в нем.

И он созвал ученых, мудрецов,
Чтоб рассказать им все в конце концов.

С достойными он долго говорил
И замысел свой тайный им открыл.

Поведал цель великую свою,
Что стала оправданьем бытию.

И поняли ученые, что он
Душой к морям безвестным устремлен.

Один из них пытался возражать,
Но принужден был вскоре замолчать.

И средь ученых мира большинство
Одобрило желание его.

Так им повелевали долг и честь,
А спорить было неуместно здесь.

Сказали старцы, покорясь судьбе:
«Мысль эта свыше внушена тебе.

Пусть тот, кто держит мир и небосвод,
Даст силу нам свершить морской поход!»

Когда согласье старцев получил,
Румиец тут же к делу приступил.

Созвал он из приморских городов
Искусных корабельных мастеров.

И поручил им, для своих людей,
Три тысячи построить кораблей.

На тысяче он сам был должен плыть
И все, кто с ним в дороге должен быть.

Ученые — на тысяче другой,
Помощники в правлении страной.

На восьмистах — отважные бойцы,
А на двухстах — бывалые купцы.

Все корабли надежны быть должны,
Как крепости, против любой волны.

Не корабли, а город поплывет,
Где человек все нужное найдет.

Дома и башни, словно на земле,
Подымутся на каждом корабле.

И заложили триста кораблей,
Вмещающих по тысяче людей.

Так, чтобы всем просторно было им
С оружьем, снаряженьем боевым.

А двести кораблей должны везти
Припас еды на восемь лет пути.

И был еще на сотне кораблей
Запас цепей, канатов, якорей.

И кони, и верблюды на двустах
Для высадки на дальних островах.

Как солнце, будут все суда блестеть,
Одеты в пурпур, золото и медь.

Чуть Искандар успел отдать приказ,
Немедля стали выполнять приказ.

И много тысяч плотников пришло,
Орудья их — топор, бурав, тесло.

В лесах деревья стали вырубать,
Рекой к морскому берегу сплавлять.

Строители по берегам реки
Вставали шумным станом, как полки.

Везде по склонам этих берегов
Трудились над постройкою судов

Пятнадцать тысяч столяров одних
И много тысяч мастеров иных.

Там с утренней и до ночной поры
Звенели пилы, пели топоры,

Гремели кузницы. Огонь печей
Плавильных полыхал во тьме ночей.

Три долгих года стук, и гул, и гром
Строительный не умолкал кругом.

И закачались на волнах зыбей
Три тысячи могучих кораблей.

И мореходов тысячи пришли
И поднялись на эти корабли.

Грузить взялись проворно в тот же час
Необходимый в плаваньи припас.

И журавлиным клином встали в строй
Суда, приняв порядок боевой.

А Искандар — кипел он, как река
Иль как несущиеся облака.

Со всем народом попрощался он,
Прийти с победой обещался он.

И с милой матерью своей простясь,
И от оков любви освободясь,

Сел на коня и поскакал в свой стан,
Где море делит Рум и Франгистан.

Его скакун широкой шел юргой [33],
Сравнимый с вешней мчащейся рекой.

Вот Искандар на палубу шагнул,
Поводья дальних странствий натянул.

И высоту светил определив,
Решил он — час отплытия счастлив.

И он с кормы высокой корабля
Сказал, пока не отошла земля:

«Прощайте! Честно вы служили мне,
В трудах моих, как братья, были мне!

Надолго с вами разлучаюсь я,
На вашу верность полагаюсь я.

Я должен плыть. Не волен я в себе,
И мы не в силах дать отпор судьбе.

Друзья, я счастьем вашим дорожу,
Запомните же то, что я скажу:

Во всем, что каждому из нас дано
И что заране определено,

Разумный, твердый сохраняйте строй,
Не нарушайте распорядок мой.

Примите сердцем этот мой наказ,
И счастье ваше не уйдет от вас.

Вы пожеланья блага шлите нам,
Хоть этой службой послужите нам!»

Когда сказал все это славный шах,
Великий плач возник на берегах.

У провожавших слезы полились
И возгласы стоусто раздались:

«В морях безвестных, где бы ты ни плыл,
Хотя бы ты у антиподов был,

Мы здесь в печали будем без тебя,
Не будет счастья людям без тебя!

Пусть, видя мир вселенской красоты,
Душой в пути возрадуешься ты!

Мы сохранить сумеем твой наказ,
Иных не будет помыслов у нас.

Пусть вечный промысел тебя хранит
Средь бурь морских, как нерушимый щит!»

Когда румийцы говорили так,
Дозорный подал отправленья знак.

И главный кормчий высоту светил
По астролябии определил.

В тот день входило солнце в знак Овна,
И синева небес была ясна.

Хоть было небо зеркала светлей,
Шел бесконечный дождь из глаз людей.

Вот выбрали, усердием горя,
Окованные цепью якоря.

И киноварью лопастей своих
Блеснули весла — крылья птиц морских.

Вот кормчий в рог свой медный затрубил,
Строй кораблей в морской простор поплыл.

Покрылась пеной водяная гладь,
И волны в берег начали плескать.

То плыл огромный город по воде,
Какого не увидите нигде.

То двигалась дубовая река,
Все паруса раскрыв, как облака.

Так с воинством могучих кораблей
Стал Искандар владыкою морей.

В безвестных далях пролагал он путь,
Седого океана вспенив грудь.

Смиряя бури, с волн гоня туман,
Его как гостя принял океан.

На волнах пена, словно облака,
Пучина непомерно глубока.

Водоворотами возмущена
Выбрасывала перлы глубина.

И открывала тайны бездн морских
В просторах неоглядно голубых.

А верный, если гость придет такой,
Не жемчугом пожертвует — душой...

* * *

Дай, кравчий, чашу — как морской залив!
Пусть на мгновенье буду я счастлив.

Дай мне отраду влажного огня —
Как берег, сухи губы у меня.

Певец, настрой свой чанг, запой, играй,
Печаль души с мелодией смешай!

Чтоб слезы, словно жемчуг, я ронял,
Чтоб, как весенний облак, зарыдал.

О Навои, нет верности нигде
В сем мире, что построен на воде!

Не возлагай надежд на этот дом —
Неверный, схожий с водным пузырем.

НАЗИДАНИЕ

Искандар спрашивает мудрецов о строении моря, и Сократ объясняет, как вода окружает сушу, и, выделив вокруг океана семь морей, волнующихся, как семь голубых небес, рассказывает о двенадцати тысячах островов, помимо множества других, и описанием морей поражает слушателей

В тот день как вышел в море Искандар,
В грудь океана устремив удар,

Всех мудрецов на корабле своем
Созвал он на совет в шатре своем.

Спросил их: «Что есть море? Чем оно
Отлично, и на чем утверждено?»

Ответили: «О том, что хочешь знать,
Один Сократ достоин рассказать.

Старейший он учитель наш и твой,
В нем средоточье мудрости земной».

И всяк внимал, волнением объят,
Тому, что древний рассказал Сократ.

«Мир этот — шар. Таким он сотворен
По воле бога, на заре времен.

Водою этот шар покрыт кругом,
А что открыто — сушей мы зовем.

Издревле эту часть мы нарекли
Пределом обитаемой земли.

Но все великих семь материков
Окружены водой. Наш мир таков.

А в твердь земную, вечное творя,
Заливами вторгаются моря;

Их — семь. А океан великий сам
Подобен необъятным небесам.

Те семь больших морей в земной простор
Вливаются среди долин и гор.

И есть шестнадцать внутренних морей,
Что для бывалых ведомы людей.

И есть на суше сто великих рек,
Чью пользу знает каждый человек.

А лучшие из них — Кухек, Хират [34]
И Нил и славная река Евфрат.

От них благоустроена земля,
Водою их питаются поля.

А реки те полны от родников,
От ливней и от таянья снегов.

И все сто рек вливаются в моря,
Их влагой наполняются моря.

На славных же семи морях больших
Есть острова и города на них.

Ты на чертеж земных морей взгляни,
Следи, как расположены они.

Громаду вод, покрывших мир кругом,
Великим Океаном мы зовем.

А здесь нам море Рума предстоит;
Плывешь ты в этом море, словно кит.

Оно, средь процветающих земель,
Родное море — жизни колыбель.

Здесь островов бывалый мореход
Сочтет гораздо больше пятисот.

Магриба море назови вторым,
Бушуют бури вечные над ним.

Там тысяча известна островов
И тысяча богатых городов.

А третье море — Занга. Все оно
Свирепыми бурунами полно.

Там тысяча и триста островов,
Лесов там много, пажитей, садов.

Четвертым назову я море Хинд,
А в море то река впадает Синд.

Две тысячи и триста мы смогли
Счесть островов на море той земли.

И есть еще там озеро Кулзум,
На нем, как на море,— волна и шум.

А пятым море Чина назовем,
Там малых островов не перечтем.

Больших же островов средь чинских вод
Считаем мы три тысячи семьсот.

Дувонга море назову шестым,
Покой и мир всегда царят над ним.

Между его прекрасных островов
Снует все время множество судов.

Седьмым же морем ты считай Машрик,
В нем солнце моет поутру свой лик.

И в нем двенадцать тысяч островов;
Чтоб описать их, не хватает слов.

Я о Хазарском море помяну,
Там смерчи грозно роют глубину.

Там нет числа прекрасным островам,
Нет описания их чудесам.

Но все моря от вечной глубины
Земного Океана рождены.

И все земные воды слиты с ним,
Как с древним прародителем своим.

Коль небосвод на Океан падет,
Потонет в этой бездне небосвод.

А по природе Океан таков,
Что нет на нем ни скал, ни островов.

Но в нем таится много всяких чуд,
В нем существа огромные живут.

Чудовища огромней, чем киты,
Всплывают там из водной темноты.

Я все, что знал, о море рассказал,
Где вход в него, где выход — указал.

А чтобы все подробности узнать,
Все это сам ты должен увидать.

Шах Искандар, дослушав до конца,
Был поражен рассказом мудреца.

Все семь морей решил он посетить,
А после к центру Океана плыть.

Пусть благороден муж в душе своей,
Но в нем его неведенье сильней.

И никнет страсть и доблести молчат,
Когда нам в жилы смерть вдохнет свой чад.

Искандар, захватив семь морей и двенадцать тысяч городов на островах, очертил, как циркулем, круг водных просторов и направился к центру океана, и в этом походе его деревянные кони двигались на парусах, как на крыльях, под ветром; а равнина вод казалась небом, и на этой равнине он много трудов перенес, и на этом пути ты много найдешь примет — как капля долбит камень. Искандар, достигнув центра океана и превратив его в гидравлическое колесо, возвращается в Искандарию

Искатель перлов в этом море слов
Так плыл на парусах в просторе слов:

Когда Сократ великий рассказал,
Все, что о природе моря знал,

Шах, вечной жаждой знанья обуян,
Решил поплыть в безвестный Океан.

И так он обратился к мудрецу,
Что предстоял творенью и творцу:

«Отец — да буду разумом твоим
В пути далеком я руководим!

И не противоборствовать тебе —
Нет! Будут все покорствовать тебе.

Все это войско за тобой везде
Пойдет теперь по суше и воде.

Ты мыслью мощной, знаньем нам свети
На дальнем, на незнаемом пути!».

И дал Сократ согласье стать главой —
Вести поход неслыханный морской.

Навел порядок он и чин, и страх
На всех ему подвластных кораблях.

Он знанием владел. Но в трудный час
Ему на помощь приходил Ильяс.

И корабли, как стан морских жилищ,
Помчались клином деревянных птиц.

И посетил великий шах сперва
Все Рума и Фаранга острова.

Все населенье островов сошлось,
Без боя войску славному сдалось.

Поплыли вдаль. Над ними — небеса,
Под ними — бездны водной чудеса.

Как город, плыли по морю суда,
Земные открывая города.

Отдельным Искандаровым полкам
Сократ идти велел по берегам.

А впереди армады корабли
Дозорные и днем и ночью шли.

Вздымались волны, подымая мысль,
На славный подвиг подвигая мысль.

А те, что двигались на берегах,
Вычерчивали, как велел им шах,

Изгибы и заливы островов,
Расположенье гор, долин, холмов.

Чтоб не рассеяться в пути морском
Корабль соединен был с кораблем.

Канатами чудовищной длины
Суда их были соединены.

Покамест Искандар свершал поход,
Ученые его вели свой счет.

Когда же утро прогоняло тьму,
Всходили на высокую корму.

И все, что было нового у них,
Все описанья рыб и чуд морских,

Явившихся из глубины зыбей,
Привязывали к лапкам голубей,

Которых взяли из родной земли,
Дабы до Рума вести донесли.

Так семь морей гремящих, семь убийц,
Не семь морей — семь жадных кровопийц

Прошли на окрыленных кораблях,
Как на плавучих мощных крепостях.

Грозу и бурю дерзко поборав,
Незнаемого много увидав,

Двенадцать тысяч взяли островов;
Чтоб их воспеть, мне не хватает слов.

И совершили описанья их,
И начертили очертанья их.

Так Искандар с громадой кораблей
Прошел и изучил все семь морей.

И лег пред ним, волненьем обуян,
Неведомый великий океан.

Был обойден семи морей предел
И голубь-письмоносец улетел.

А шах, Фаранг вниманием даря,
Пристал на отдых, бросил якоря.

Прошло уже двенадцать лет с тех пор,
Как начал пенить он морской простор.

Возликовали моряков сердца,
Что в плаваньи достигнули конца,

Что кончен их страдной тяжелый труд,
Что в скорости на родину придут.

Но не достигнут был пути предел,
Что муж Сократ свершить им повелел.

Все описания морских широт,
И островов, и чуд безвестных вод

Хранились на одном из кораблей
Под наблюденьем знающих людей.

Все свитки описаний моряки
В особые слагали сундуки.

На эти сундуки легла смола,
Чтобы вода проникнуть не могла.

Корабль, что нес запас бумажных вех
Увиденного, был громадней всех.

И сундуки со свитками достать
Шах приказал, и все — перелистать.

Морская влага не коснулась их
И царь велел: «Хоть много свитков сих,

Пусть счетчики пересчитают их,
Пусть мудрецы перечитают их!»

Но их бы не исчислил человек,
И сонм ученых к алгебре прибег.

И все пределы знаемой земли
Они в числе едином изрекли.

И в том числе святом увидел шах
Все, что на дальних повстречал морях.

Он стал размеры мира исчислять,
Сам Афлатун был должен помогать.

И всю измерили поверхность вод
По долготе, по поясам широт.

По долготе и широте частей
Исчислили размер планеты всей.

Тот океан, что омывает мир,
Подобно чаше обнимает мир.

Хоть необъятен этот водоем,
Они измерили его объем.

Тем, для кого мир этот — божий рай,
Доступен мирозданья дальний край.

Узнав строенье мира и морей,
Так молвил сонм всезнающих мужей:

Когда корабль крылатый девять лет
И семь, быть может, месяцев вослед

Под парусами океан пройдет,
Вновь к месту отправленья приплывет.

Коль он уйдет на солнечный восход,
То с запада обратно приплывет.

И рассчитав экватора длину,
И вымерив морскую ширину,

Решили — к центру океана им
Пути три года будет с небольшим.

Коль плыть, не уклоняясь, то скорей
Они увидят пуп вселенной всей.

А коль попутный ветер будет дуть,
Они в два года свой закончат путь.

Да и обратно столько же идти
По дальнему, безвестному пути.

Вновь Искандар велел суда снастить
И нужным всем припасом снарядить.

Собрав достойных, Искандар сказал:
«Великий вожделенный день настал!

И пусть мое решение народ
Незрелым, недостойным назовет.

Но страсть мою переполняет грудь —
Плыть в предуказанный мне богом путь!

Я не могу противостать тому,
Кто есть начало сущему всему,

Я знаю — воинство утомлено,
В морских походах мучилось оно.

И якоря я здесь отдать решил,
Усталым людям отдых дать решил.

Я преданных не буду понуждать,
Коль не хотят меня сопровождать.

Но у меня желанье не пройдет
Опять в далекий двинуться поход.

Двенадцать лет волну семи морей
Я пенил с войском преданных мужей.

Я плавал, жаждой знанья обуян,
Но цель пути — всемирный океан.

В захвате мира не было мне нужд,
Завоеваний жажды стал я чужд.

Нет, цель моя была — не слабых бить,
А к центру моря вечного доплыть.

И мы, коль помощь нам пошлет Аллах,
Четыре года будем на судах.

Два года плыть к востоку и назад
Два года, коль не будет нам преград.

Кто в мире сокровенное познал?
Таких людей досель я не встречал.

Мы дело необычное теперь
Задумали, не убоясь потерь.

Пусть трудности похода не страшат
Товарищей! Я много дам наград.

И пусть, кто не боится смерти, тот
Со мной в безвестный океан плывет.

А если муж устал, страшится он,
Пускай в отчизну возвратится он».

Когда сказал такое слово шах,
Великий шум возник на кораблях:

«В чем провинились мы перед тобой?
Везде с тобой пойдем, как за судьбой!

Зачем домой нас отсылаешь ты?
За что достойных обижаешь ты?

Одна с тобой нам радость и печаль,
А за тебя и жизни нам не жаль!

Мы у порога твоего умрем,
Когда предел, сужденный нам, пройдем.

За что теперь ты отчуждаешь нас?
И в чем наш грех, что отвергаешь нас?

Как быть нам без тебя? Куда пойдем
В плену разлуки со своим вождем?

Как за тобой досель мы всюду шли,
Пойдем и дальше хоть на край земли.

Не разлучимся мы с тобою впредь,
А без тебя нам легче умереть!»

С восторгом шах на воинов глядел,
Он понял: войска дух не ослабел.

Он видел — все хотят служить ему,
Все жаждут спутниками быть ему.

Соратников он поблагодарил
И всех за службу щедро одарил.

Сказал: «Незабываем этот час,
О братья, испытать хотел я вас.

В походах дальних вы утомлены —
И вы свою судьбу решать должны.

И ваша верность, дух ваш боевой
Сравнимы с нерушимою стеной.

Вы те же, что и прежде. В день войны
Мы, как и прежде, будем сплочены.

Душою с вами буду я всегда
О вас не позабуду никогда!»

И воины за шаха вознесли
Молитву богу неба и земли.

Все Искандар обдумал и решил:
Он от плавучей силы отделил

Две тысячи тяжелых кораблей
С двумя мильонами своих людей.

Седых служак, израненных в боях,
Он поместил на этих кораблях.

Сказал: «Не нужно много войска мне.
Плывите с миром к отчей стороне!

Все возвращайтесь в Рум, без лишних слов,
И передайте весть, что я здоров.

Весть передайте о семи морях
И о прекрасных дальних островах,

Что взяли мы, зыбей пройдя купель,
Двенадцать тысяч островных земель.

Центр океана — ныне цель моя.
Там в сильном войске не нуждаюсь я.

Хочу пройти великий океан,
А это — не завоеванье стран.

Поэтому я отправляю вас
На родину. Плывите в добрый час!»

Так проводив часть бóльшую людей,
Он отделил семь сотен кораблей.

И молвил морякам: «Вам — здесь стоять.
Державы нашей берег охранять.

Здесь стойте стражами морских ворот!
Сюда вернусь я на четвертый год.

Старайтесь, чтоб с моей столицей связь —
На суше ль, на море ль — не прервалась;

Чтоб наготове был всегда у вас
Бальзамов мной указанных припас.

Они понадобятся, может быть,
Чтоб силы нам свои восстановить.

Через четыре года я вернусь
И с вами в Рум на отдых устремлюсь.

Но если небеса нам явят гнев,
И волю добрую преодолев,

Все сделают по-своему, и мне
Смерть суждена в безвестной глубине,

И если, виром бездны увлечен,
Акулами я буду поглощен,

И все поймете вы, что никогда
Из моря тьмы я не вернусь сюда,

Тогда проститесь вы с царем своим
И возвращайтесь к берегам родным».

Три сотни быстрых выбрал он судов,
Как триста лунных молодых серпов.

И всех своих ученых взял с собой,
Чтоб со стихией спорить, как с судьбой.

И на четыре года взял припас
Всего, что нужно в море в трудный час.

И опытных в вождении судов,
Надежных отобрал он моряков,

Бестрепетных и твердых, как один,
Перед кипеньем яростных пучин.

Повеяли попутные ветра,
Настала отправления пора.

Под покровительством небесных сил
От берега Румиец отвалил.

И лили слез поток, сказать могу,
Все, кто остались там — на берегу.

Суда, на сотнях полотняных крыл,
Неслись по указаниям светил.

А в том просторе буйственном, морском
Ни ночью людям отдыха, ни днем.

Там берегов не видит мореход,
Там только даль необозримых вод.

Туман ли встанет в утреннюю рань,
Небес и вод неразличима грань.

Две бездны голубых... и морякам
Казалось, что плывут по небесам.

Высоко солнце шло над головой,
Купаясь ночью в глубине морской.

Оно скрывалось в синеве пучин
И возрождалось в синеве пучин.

Когда оно на западе зайдет —
Просвечивает сквозь завесу вод.

И медленно к востоку проходя,
Сквозит из бездны, жемчугом блестя.

И, как фонарь сияет от свечи,
От солнца море светится в ночи.

Блестит, не погружается во мрак
Его небесно-голубой колпак.

Когда проходит солнце под водой,
Блистает небо дивной красотой.

Прекрасное творенье вечных сил —
Сияет астролябия светил.

И отраженья ль звезд в волнах ночных
Иль тьмы существ светящихся, живых?

В одеждах драгоценных существа
Снуют, блестят; волна от них жива.

Сияют их глаза в ночных волнах,
Как звезды в темно-синих небесах.

И любо, знать, сбегаться к кораблям
Всем этим светоносным существам.

Пучина светится от их лучей,
Как от несметных трепетных свечей.

Сперва страшились души моряков,
Что загорится дерево судов.

Но кораблям тот не грозил огонь,
Прохладный это, влажный был огонь.

Страх проникал в сердца людей живых
От непонятного свеченья их.

Таинственная то сияла жуть,
От страха у людей взмокала грудь.

И чуда новые из глубины
Являлись на поверхности волны.

Кругом опасности являлись там
Качающимся грузным кораблям.

Душа сто раз к гортани подойдет
От страха за ночь, средь безвестных вод.

Вот солнцем осветился океан
И поднялся от волн густой туман.

Померкли звезды неба, и вослед
Морские звезды погасили свет.

И вот, в безветрии, средь тихих вод
Возник чудовищный водоворот.

Казалось — то бездонный кладезь был,
Что солнце, как Юсуфа, поглотил.

То был средь вод колодец без воды...
Не видели пловцы такой страды.

А вкруг водоворота, к тучам ввысь,
Как минареты, смерчи поднялись.

И корабли кружились среди них,
Как листья в зимних вихрях ледяных.

Корабль за кораблем, как желтый лист,
Плясали там под гул и гром и свист.

Суда то подымались в высоту,
То падали, все в пене, в темноту.

Как будто небосвод и океан
Поссорились, поднялся ураган.

Как горы, волны яростные ввысь,
До облак пенной гривой поднялись.

Вставали волны наподобье гор,
Морской великий всколебав простор.

По звездам прежде шли, не наугад,
А тут настал, казалось, кыямат.

Открыло небо все врата ветрам,
Явился ужас моря морякам.

Из бездн акулы всплыли и киты,
И черепах чудовищных щиты.

Когда взмывал морской великий вал,
Скажи — он свод небесный омывал.

Корабль, взносимый до неба волной,
Соперничал с небесною стрелой.

Когда же разверзалась глубина,
Касался килем он морского дна.

Так всколебалась океана глыбь,
Что не было пристанища для рыб.

Китов, чудовищ и зверей морских
Бросала сила волн до туч седых.

На кораблях ни живы, ни мертвы
Все были, кроме шаха и главы.

Когда же круг волнения прошли,
Спокойно вновь поплыли корабли.

Но и отважнейших на кораблях,
Скажу, охватывал в ту пору страх.

Их жизнь зависела среди зыбей
От деревянных, парусных коней.

Сменилась буря тишью, так они
Все плавания миновали дни.

И год, и восемь месяцев прошло,
Когда пути исполнилось число,

Когда небесный дух принес им весть!
«О люди, средоточье мира здесь!

Открыли вы, что жаждали открыть,
А дальше вам теперь опасно плыть!»

И к Искандару в тот великий час,
Пришли Сократ великий и Ильяс.

Сказали: «Нами сделан был расчет,
Что мы достигли центра вечных вод».

Приняв слова их, как бесценный дар,
Возликовал душою Искандар.

Он приказал суда остановить
И якоря в пучину опустить.

Сказал он славным спутникам: «Друзья,
Сегодня с вами попрощаюсь я.

Вы стойте здесь. Задумал я давно
На океанское спуститься дно.

Сегодня долгожданный час настал —
Исполнить то, что я давно желал».

Об этом, в слоге краток и суров,
Поведал нам делийский муж Хосров,

Что у него припасена была
Литая сфера толстого стекла.

Что на канате в десять верст длиной
Была та сфера, залита смолой.

Шах Искандар в тот шар стеклянный сел
И в море опускать себя велел.

Ведь он не ведал, что такое страх,
Мирозавоеватель светлый шах.

Сто дней он пробыл в царстве водяном,
Увидел чудеса на дне морском.

Но, наконец, он телом ослабел,
И подымать наверх себя велел.

В подводной бездне истомился он,
Но светлый ум был знаньем просветлен.

Он молвил, встав на доски корабля:
«Окончен путь, и цель теперь — земля!»

Шах, озаренный подвигом своим,
Подобен стал пророкам и святым...

Все скрытое открылось перед ним,
Стал облачный ему прозрачен дым.

Увидел он на океанском дне
Незримое глядящему извне.

Он понял: суть во всем одна жива,
И все едины в мире существа.

Он видел, словно в зеркале, в воде,
Что никому не видимо нигде.

Ведь наблюдал он в глубине морской
Чудесный неизвестный мир иной.

Неведомых чудовищ видел он,
Пред кем любой бы умер, устрашен.

Животные, огромней, чем киты,
Живут в пучинах водной темноты.

При виде их акул объемлет страх;
Они едят огромных черепах.

Сам славный Искандар был потрясен
Тем, что на дне морском увидел он.

И вспыхнул свет пророческой звезды —
Он стал владыкой суши и воды.

Но небывалым светом озарен,
Желанья бытия утратил он.

Он людям счастье знанья возвестил,
Сердца их счастьем знанья осветил.

Возликовал, узнав, народ простой,
Что он — пророк, всеведец и святой.

Но все ж в сердцах людей таился страх,
Что вечен будет путь на кораблях.

Так шли суда на парусах косых,
Что отставали небеса от них.

Так быстро шла громада кораблей,
Что отставала тень в волнах зыбей.

Двухлетний путь он в год преодолел,
До срока к ожидающим приспел.

Здесь описать я радость не смогу
Войск, им оставленных на берегу,

Дав отдых краткий множеству людей,
Шах устремился к родине своей,

Проплыв на веслах море средь земли,
Войска счастливо на берег сошли.

И так спокойно было тело вод,
И так был ясен солнечный восход,

Что шах подумал: не пора ль ему
Уйти отсель в неведомую тьму.

Установив порядок войсковой
И весь закон правления страной,

Наместников своих он утвердил,
Хоть сам еще силен и молод был.

Правителей он на семь сотен лет
Таких назвал, чтоб шли ему вослед,

Чтобы колено за коленом шло,
Чтоб небо раздавить их не могло.

На этом успокоившись душой,
Он сел в седло и поскакал домой.

Гнал скакуна без передышки он,
Больного тела заглушая стон.

Он степи знойные пересекал;
Отряд его нукеров отставал.

А от жары вскипала кровь в сердцах.
Вода горячей стала в турсуках.

Так были солнца яростны лучи,
Что воздух стал палящим, как в печи.

На землю стань — нога обожжена...
Вся, как жаровня, степь раскалена.

Шах, сильный прежде, в обморок порой
Впадал в пути, измученный жарой.

Когда в глазах его затмился свет,
Поняв, что в теле сил бывалых нет,

Коня сдержал он, спешился и лег
На раскаленный огненный песок.

Как удушающий угарный дым,
Болезнь и мука овладели им.

Сойдя с коня, он думал полежать,
Передохнуть, но был не в силах встать.

Упавшую седельную луку
Он подложил подушкой под щеку.

Один из преданных ему людей
От исступленных солнечных лучей,

Как смог, в ту пору защитил его;
Он золотым щитом укрыл его.

И предсказанье смерти вспомнил шах,
Забытое в походах и в боях:

«Земля железом станет под тобой,
А свод небесный будет — золотой».

Так под щитом лежал он золотым,
Земля — железо жаркое под ним.

Из глаз безмолвно слезы потекли,
Он влагой их отмылся от земли.

* * *

Дай мне вина, как прежде подавал,
Дай, кравчий, мне прощания фиал!

Когда наполнят чашу небеса!
Жизнь эта испарится, как роса.

Приди певец! Свой звонкий чанг настрой,
Мне бедному напев прощальный спой!

А коль напевы горестны твои,
Пой бейты из дивана Навои.

О Навои! Пусть виночерпий твой
С луной навруза спорит красотой!

Будь пьяным! А не помнить ни о чем —
Условье, чтоб сегодня стать царем!

Решение нанизать на нить поэзии, с бережением, эти жемчуга повторений, и написать о доверии до конца, с твердостью этих сокровищниц волшебства, и поведать о перлах, таящихся в сердце светлого мыслями наставника майханы, и молвить о тайне приятия откровений великих поэтов чистыми духом, и о просьбе их помолиться за падишаха Ислама, и молитва о них этого просящего, по причине его просьбы

Фука, что путь указывала мне,
Ведет проверку этой пятерне.

«То не панджа,— сказал наставник мой,—
А твердый камень, монолит стальной!»

Я поднял пятерню, чтоб сильным стать,
Чтобы в пяти окрепли эти пять.

Пусть будут мощны, будут велики,
Но эта мощь не от моей руки.

Мой пир, когда дастаны прочитал,
«Пятью сокровищами» их назвал.

Пять книг, чьи перлы светозарней дня,
Дала мне высшей силы пятерня.

Что значит слабая моя рука,
Перед рукой, что, как судьба, крепка?

Как мог я, изнуренный и больной,
Соперничать с небесной пятерней?

Мне поединок сердце изнурил,
Персты мои лишил последних сил.

Но от борьбы не мог я прочь уйти,
Не мог оставить труд на полпути.

В тот час, когда надежду я терял,
Явился вестник счастья и сказал:

«Эй, слабый, тонущий в волнах нужды,
Не знающий, как выйти из беды!

Иди к порогу пира своего
И обратись к всезнанию его!

Пусть он — великой мудрости оплот —
К тебе с любовью сердца низойдет.

Ключи найдет для каждого замка,
Его благословенная рука!»

Вняв тем словам, пошел я в тот же час
К великому, живущему средь нас.

Когда ступил я на его порог,
Казалось, в райский я попал чертог,

Где кровля — движущийся небосвод,
Где ангелы, как стражи, у ворот.

В заветном том покое, в тишине,
Сомнения рассеялись во мне.

И я — надежды полон — ощутил,
В усталом сердце волны новых сил.

Хоть в дверь не мог я постучать рукой,
Но дверь сама открылась предо мной.

«Войди, просящий!» — тут я услыхал,
Как будто слову откровенья внял.

И не отшельник в снежной седине,
А сам Рухуламин [35] явился мне.

В его покое — свет и чистота,
В его речах и мыслях — высота.

Казалось, разум мира был вмещен,
Под кровлей той, где обитает он.

Когда шагнул я за его порог,
Как бы попал в сияющий чертог;

И к старцу в белоснежных сединах
Поплыл пылинкой в солнечных лучах.

Сам от себя освобождался я,
Верней — освобождалась суть моя.

И долго мыслей я не мог собрать,
Зачем пришел — не мог я рассказать.

Невольно речи он меня лишил
И, как Иса, со мной заговорил.

Все, что я скрыл в сердечной глубине,
Как свиток, он прочел и молвил мне:

«Созрела мысль твоя! Но надо сметь
Преграду немоты преодолеть!»

Как врач, заботящийся о больном,
В недуге разобрался он моем.

Все трудности мои он разрешил,
Распутал все узлы, и так решил:

«Все, что тобой задумано давно,
Должно быть сказано и свершено.

Час, предназначенный тебе, настал,
И срок, что дан тебе, не миновал.

Но хоть тебе и трудно, это твой
Пред богом и народом долг святой.

Великие богатства ты найдешь,
Сокровища вселенной обретешь.

Мы всматривались долго в этот мир,
Как дик он, и безграмотен, и сир.

Доныне в мире не было руки,
Чтобы писать на языке тюркй.

Не только тюркй, Персия прочтет,
И славный труд твой чудом назовет.

Мы знаем, что не меньше двух недель
Потребно, чтоб сложить одну газель.

Ты мастеров тончайших назови,
Что пишут песни мерой месневи.

Им десять лет потребно, может быть,
Чтобы двустиший тысячу сложить!

В наш век поверхность белую листа,
Сплошных писмен покрыла чернота.

И в этой черноте, как в тьме ночной,
Заблудится читающий любой.

Но в этом мраке нет живой воды,
Нет ни луны блестящей, ни звезды.

Ведь если небо мускусом покрыть,
Тьма эта может сердце омрачить.

Есть два свирепых льва в пустыне той,
Есть мощных два кита в пучине той.

Будь смелым львом, чтобы перейти черту,
Подобен стань могучему киту.

Сегодня в мыслях тонок только ты,
В словах могучих звонок только ты.

Прославленный на языке Дари,
Ты новые нам перлы подари.

Тебе присущи ясность, чистота,
Богатство речи, слога красота.

Великое внушил доверье нам,
Крылатый раздвоенный твой калам.

И столько он живой воды таит,
Что жажду всей вселенной утолит.

Свой замысел ты должен воплотить.
В тебя мы верим,— йначе не быть!

Иди и, как орел, пари всегда,
Стремись лишь к завершению труда.

Мы ждем! Спеши на подвиг — в добрый час,
Прими благословение от нас!».

Я вести жизни внял в его словах,
Душа вернулась в охладевший прах.

Когда дыханье жизни ощутил,
В речах моих он жизнь мне возвратил.

И новым вдохновеньем обуян,
Я ринулся в словесный океан.

Поцеловав наставника порог,
Вернулся я, светильник свой зажег.

Старательно калам свой заострил,
И ста желаньям двери отворил.

И завершив «Смятенье» наконец,
Им победил смятение сердец.

Когда я стал «Фархада» создавать,
Пришлось мне тоже скалы прорубать.

Когда в стихах «Меджнуна» свет померк,
То многих он в безумие поверг.

Когда «Семи» я покорил отвес,
Услышал похвалу семи небес.

К «Румийцу», словно огненный язык,
Повлекся я и «Стену» я воздвиг.

Дастан мой люди лучшие земли
«Стеною Искандара» нарекли.

Пять в мире лучезарных лун взошло,
Пять стройных кипарисов возросло.

Пять пальм в небесных выросло садах —
Дыхание Мессии в их ветвях,

Всегда зеленых, шумно-молодых;
И гурии живут под сенью их.

С пяти сокровищниц я снял печать,
Их все успел подробно описать.

И в переплет надежный заключил,
Листы, куда всю душу я вложил.

И сердцем потянулся вновь к нему,
К учителю и другу моему.

Он в поисках мой покровитель был,
Он в помыслах мой повелитель был.

Пошел к Джами. Ведь он один умел
Открыть мне тайну завершенья дел.

Но мучилась сомненьем мысль моя,
Что быстро это дело сделал я.

Ведь каждый живший до меня поэт,
Потратил для «Хамсы» десятки лет.

Великий наш учитель Низами,
Как он писал! С него пример возьми.

Он семя слов живое насадил,
Твердь языка живого сотворил;

Нашел, уйдя от низменных людей,
К пяти сокровищницам пять ключей,

В трудах полвека кровь свою глотал,
Покуда срок свершенья не настал;

Пока над ним вращались небеса,
Поистине творил он чудеса!

Храним вниманьем шахов и царей,
Он отдал тридцать лет «Хамсе» своей.

И тюрк с индийским прозвищем — Хосров
Мир покорил гремящим войском слов.

Но крепость взяв, потратив много сил,
Он древнее сказанье сократил.

Он очень долго размышлял о том,
Как повесть новым повести путем.

Слыхал,— не знаю, правда или нет,—
Что над «Хамсой» сидел он сорок лет.

Кто, как они, был с тем путем знаком?
Кого мы с ними равных назовем?

А ты, судьбою связанный своей,
Чем озабочен? Судьбами людей.

Весь день — о нуждах царства разговор,
Разбор докучных жалоб, тяжб и ссор...

И негде для ушей затычки взять,
Чтоб ропота людского не слыхать.

Но внял ты сердцем новые слова,
Мир небывалый создал года в два.

Калам твой к завершению спешит,
К великому свершению спешит.

Пусть придираться разум к нам начнет,
Века ему другой поставят счет.

Скажи им — полугодья не прошло
С тех пор, как солнце новое взошло.

Стихии воздвигали твой дастан!
Основа — тюркской речи океан...

И ты не слушай, что гласит молва,
Коль справедливы все твои слова!

Огрехи могут быть в любом стихе,
Но ты не думай о таком грехе.

Рожденное душой — прими его
Живою сутью духа своего —

Дитя и некрасивым может быть,
Но мать не может им не дорожить.

Сычата гадки, но сычиха мать
Не станет на павлинов их менять.

Хоть улетел пыльцы кенафа дым,
Он кипарисом кажется большим.

Как знать: по нраву ль каждый твой дастан
Придется мудрым людям многих стран?

Но важно, что о нем,— душа, пойми! —
Нам скажет проницательный Джами.

Я трудной шел тропой творцов былых;
Надела маски смерть на лица их...

Они теперь в сияющем раю,
Но открывают душу нам свою.

Не знаю я, что скажут обо мне
Они — блистающие в вышине.

Я верил: все мне скажет светлый пир
И утвердит в горящем сердце мир.

Сомненья может разрешить один
Наставник мой — вершина всех вершин.

Так я пришел к великому опять,
Чье имя не посмею повторять;

Его порога прах поцеловал
И к милосердью вечного воззвал.

Чуть из сафьяна я достать успел
Тетрадь дастанов — сердцем ослабел.

Рассыпал рукопись к его ногам,
Подобную индийским жемчугам.

Я в океан ветрила устремил,
И океан объятья мне открыл.

Он всю мою «Хамсу» перелистал,
За бейтом бейт с вниманьем прочитал.

И спрашивал меня; и просияв,
Как солнце, ликовал, ответу вняв.

Не ждал я сотой доли от него
Глубокого признания того.

Мудрец,— он в каждом слове был велик;
Он говорил, что цели я достиг.

И смысл глубинный мной рожденных слов,
Открылся мне, как чашечки цветов.

Учитель пел, как вешняя гроза,
А я кивал, потупивши глаза.

И труд мой одобряя горячо,
Он руку возложил мне на плечо.

Рукав одежд его был так широк,
Что осенил бы Запад и Восток.

Свернул бы, словно свиток, небосвод...
И я — под этим рукавом щедрот —

По-новому все начал понимать
И перестал себя воспринимать.

Сознанье я терял... И, как во сне,
Виденье в этот миг явилось мне.

Средь цветников я очутился вдруг,
В густом саду, что как бы плыл вокруг.

Тот сад был, как блистающий Эдем,
Которому завидовал Ирем.

Я садом шел, благословлял судьбу,
Обозревая эту Каабу.

Вдруг вижу их. Они, средь сада став,
Беседовали, круг образовав.

Тут обратился к малости моей
Один из горделивых тех мужей.

Он был прекрасен, строен, средних лет,
В глазах горел провидения свет.

Меня тот муж, как величавый князь,
Приветствовал, почтительно склонясь:

«Подобные пророкам и святым
Зовут тебя к себе! Приблизься к ним!»

И я пошел послáнному вослед,
Спросив: «Но кто они?» — и был ответ:

«Источниками счастья их зови!
Они — творцы бессмертных месневи.

И все они — создатели «Хамсы» —
Сокровищниц божественной красы.

Принять в свой круг тебя они хотят
И для тебя явились в этот сад.

О муж! Хасан мне имя. А народ
Меня «делийским» издревле зовет».

Ответ услыша, вновь я ощутил,
Волненье сердца, изнуренье сил.

Но волею и духом овладел,
И к славным, как на крыльях, полетел.

Тут мне Хасан назвал их имена
Прекрасные, как вечная весна.

Сказал: «На величавых, как цари,
На трех главенствующих посмотри!

И первый тот, чьи помыслы чисты,
Сей старец несказанной красоты.

Ты предстоишь пред Светлостью его —
Перед очами шейха твоего!

Направо — полководец войска слов,
Завоеватель стран — Эмир Хосров.

А слева старец — твой духовный пир,
Он звал тебя на этот светлый пир.

Коль эти люди — плоть, наставник твой
Пусть назовется их живой душой.

А коль душа нетленная — они,
Его со светом Истины сравни!

Ты видишь круг пирующих вдали?
Иди к ним, поклонись им до земли!

Они — великие! Ты это знай,
Пред ними блеска речи не являй!»

Я, вняв совету, устремился к ним,
К своим предтечам, ангелам земным.

И увидав меня за сто кары,
Они свои покинули ковры;

И встали, и навстречу мне пошли,
Как будто не касаясь земли.

С кем предстояла встреча впереди,
Я знал: то — Фирдоуси и Саади,

И вещий Санаи, и Унсури,
И дивный Хакани, и Анвари [36].

Коль все о них подробно говорить,
Рассказ я не успею завершить.

Пересказать я также не смогу,
Как очутился вдруг я в их кругу.

Тут подошел к нам Солнце трех веков —
Шейх Низами и рядом с ним Хосров,

И знаний океан — наставник мой.
И все пошли блистающей тропой.

Шейх впереди, как путеводный свет;
И я, несчастный, поспешил вослед.

Великий пир, явив свою любовь,
Всем избранным меня представил вновь.

С ресниц ронял я капельки дождя,
Припав к деснице моего вождя.

Тут, подхватив меня, Хосров, Джами
Поставили пред ликом Низами.

Раба печали с двух сторон храня,
Два мира взяли за руки меня.

Владели мной растерянность и страх,
Но я два мира ощутил в руках!..

Я, пав пред шейхом на златой песок,
Припал к стопам благословенных ног.

И девяти небес бегущий свод
Завидовал слезам, что смертный льет.

Рукой участия я поднят был,
Познанья свет стезю мне озарил.

Но, как река весенняя, светло
Все в том саду струилось и текло.

И в просьбе вновь склонился я пред ним —
Святым первоучителем моим.

Растаяли, как предрассветный мрак,
Сомнения, когда он подал знак.

Он сел и сесть мне рядом приказал.
А я опять пред ним на землю пал.

Но милостиво шейх, склонив свой взор,
Десницу, как опору, мне простер.

Спросил о состоянии моем,
И я в ответ склонился в прах лицом.

Он молвил: «Благодарен будь судьбе,
Хоть в мире нет сопутника тебе!

Ты, волей неба, слова властелин,
В веках неповторимый и один.

Ты областью газелей овладел,
И блеск других газелей потускнел.

Ты мир стихом завоевал в тиши,
Не мир земной, а высший мир души.

Теперь своим и море месневи
Жемчугоносным морем назови.

Ты в царстве слова подвиг совершил,
Величий ложных сонмы сокрушил.

В моей «Хамсе» могучий твой исток,
И обо всем просить меня ты мог.

А есть в моем твореньи стих такой:
«Тот, кто дерзнет соперничать со мной,

Падет бесславно! Голову ему
Мечом алмазным слова я сниму!»

И многие на то ристанье шли,
Но все на том ристаньи полегли.

Когда ж Хосров о милости просил,
Сокровищницу я ему открыл.

Удел свой получили — сам смотри —
После него несчастных два иль три.

Но ты, когда на этот путь ступил,
Мысль о себе ты первый истребил.

Хоть ты — гора, ты — прах низин степных
Перед громадой замыслов твоих.

Слезами просьб скрижаль души омой,
И начертаньем бренности покрой!

Премудрый пир, наставник твой Джами
Нашел опору в древнем Низами.

Он, взяв калам пречистою рукой,
Путь к Истине открыл перед тобой!

И по утрам за рукопись садясь,
Еще творцу миров не помолясь,

Обдумывая новый свой рассказ,
Ты помни с чувством искренним о нас,

Благословляя каждую зарю
Словами — с вашей помощью творю!

И знай — о чем бы нас ты ни просил —
Неисчерпаем ключ извечных сил!

Когда б тебе мы все не помогли,
«Хамсу» бы ты не создал, сын земли.

Как смог бы ты свой перл без нас добыть,
В полгода «Пятерицу» завершить?

Те пять сокровищ, что тебе даны,
От ограбления ограждены;

Пять ожерелий, где в замке — алмаз,
Надежно скрыты от враждебных глаз.

Твой труд свершен. Но сам не знаешь ты
Сокровищ, что в душе скрываешь ты.

Ты с чистой просьбой к нам пришел, любя,
И люди тайны приняли тебя;

Те, что вязать и разрешать вольны,
С тобой отныне — в помощи сильны.

Мы ведаем, что совершенен шах,
Что для него блаженства мира — прах;

Султан Гази, чей нерушимый щит,
На страже справедливости стоит.

На девяти высоких небесах
Благослови его святой Аллах

За то, что в век его явился ты
И что на подвиг свой решился ты!

Ты совершил свой труд. Века пройдут,
Но дум твоих плоды не опадут».

Услышав шейха, я из праха встал,
Благоговейно, но без страха встал.

И руки древний шейх горе вознес,
И так молитвословье произнес:

«Господь! Пока твой светлый мир цветет,
Пусть будет счастлив каждый в нем народ.

Да будет всем земля ковром услад,
Где радость, песни и плодовый сад!

Пусть на престоле мира сядет мир
И люди все придут к нему на пир,

И в радости, в веселье заживут,
Пока не призовет их божий суд.

Пусть в мире справедливость и покой
Воздвигнут совершенные душой!»

Как книгу, шейх сложил ладони рук.
Умолк словам его вторивший круг.

Моленье добрых слышно в небесах.
Моленью добрых внемлет сам Аллах.

И вновь о «Пятерице» я воззвал,
Страницу за страницей доставал.

И на землю слагал их, орося
Слезами, покровительства прося:

«Вот — порожденье сердца моего,
Росток, где новой речи торжество!

Великодушны были вы к нему,
К заветному творенью моему.

Пять книг моих... Перелистайте их
И благосклонно прочитайте их!

Пусть Ваши руки их благословят,
Пусть наши внуки их усыновят!»

И поднял шейх творение мое,
Живое откровение мое;

И молвил пиру: «Милость изъяви,
Сокровищницу слов благослови!

Просящий этот — нам, как младший сын,
Последний урожай моих долин.

Те, кто за ним пойдут тропою сей,
Нам будут сыновьями сыновей.

Благослови его, душой велик!
Он — верный твой мюрид и ученик».

Когда мой пир к молитве приступил,
Весь круг мужей ладони рук сложил.

Молитва та, звучавшая в тиши,
Была бальзамом для моей души.

Как кит, я выплыл к свету из пучин,
Когда они промолвили: «Омин!»

И тая, словно отблески зари,
Сказали мне: «Царя благодари».

При звуке этих слов очнулся я
Как бы от обаянья забытья.

Увидел вновь отшельничий покой
И старца, увенча́нного чалмой,

С лицом светлей небесного луча;
Тут снял он руку с моего плеча.

Я голову свою пред ним склонил,
Его стопы слезами оросил.

Меня коснувшись ласково рукой,
Участливо спросил он: «Что с тобой?»

Я отвечал ему: «О добрый друг!
Меня томит неведомый недуг!..»

И молвил он: «Был истинно велик
Прозренья твоего прекрасный миг.

Тот миг — тебя он спас, тебе помог!
Иди, молись! Твоя защита — Бог».

Припав к ногам духовного отца,
Я встал, покинул сень его дворца.

Я видел — цель достигнута моя,
Но пройдена долина бытия.

Свою «Хамсу» я завершить успел —
Но мир передо мною опустел...

Молюсь тому, кто вечен и велик,
Под чьей защитой цели я достиг,

Как будто у подножья трона Сил
Склонясь, страницы эти положил.

На лоно счастья ныне удалюсь,
Устрою пир, на час развеселюсь.

* * *

Эй, кравчий! Чашу счастья поднеси,
Мой мозг усталый ливнем ороси!

Чтоб ожил я, испивши чашу ту,
Как степь в благоухающем цвету!

Последним бейтам, мой певец, внемли,
Печаль души напевом утоли!

О Навои, ты все свершил, что мог,
Твои наво[37] тебе внушил твой бог.

Не спи! В сияньи утренней зари,
Дарующего свет благодари!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Юнан* — древняя Греция.

[2] *Файлакус* — Филипп Македонский.

[3] *Дихкан* — хранитель древних преданий.

[4] *Арасту* — Аристотель.

[5] *Пир* — старец, духовный наставник.

[6] *Кулах* — головной убор знатных людей.

[7] *Каламзан* — писец, сборщик.

[8] *Булинас* — древнегреческий философ Аполлоний Тианский.

[9] *Фарр* — ореол, знак царственности происхождения.

[10] *Хызр* — мудрец, сопровождавший Искандара в его походе за живой водой.

[11] *Ильяс* — пророк Илья, сопровождавший Искандара в морских плаваниях.

[12] *Онагр* — дикий осел.

[13] *Афлатун* — ученик Сократа; собеседник и врач Искандара.
Арашмидус (Архимидус) — древнегреческий ученый-математик из г. Сиракуз в Сицилии.

Кылинмун — Филемон, правитель Спарты.

Фарфурнус — Порфир — древнеарабский ученый из села Сур (Сирия), писал на греческом языке. Автор книг по логике, истории науки.

Волис — Фалес Милетский (VI—VII вв. до н. э.), ученый, философ.

Хурмус — древнегреческий ученый Гермес Трисмечист (VI в. до н. э.), по преданию основатель алхимии.

[14] *С Каюмарсовых времен* — Каюмарс — первый человек и первый правитель в древнеиранской мифологии.

[15] *Харадж* — поземельная подать.

Закят (закат) — религиозная очистительная «милостыня».

[16] *Табут* — носилки, на которых несут покойника.

[17] *Туба* — райское дерево.

[18] *Танап (танаб)* — принятая в Средней Азии мера земельной площади (от 626 до 2500 кв. м).

[19] *Кейван* — планета Сатурн.

Миррих — планета Марс.

[20] *Анджуман* — собрание, общество, компания.

[21] *Чаша Джама* — чаша Джемшида, в которой отражался весь мир.

[22] *Навруз* — праздник Весны.

[23] *Алькор* — звезда пятой величины из созвездия Большой Медведицы.

[24] *Ардашир — Сасана сын* — Ардашир был основателем династии Сасанидов, по легенде — сын пастуха Сасана.

[25] *Ардаван* — иранский шах, последний Аршакид, побежденный Ардаширом (III в. н. э.).

[26] *Иклимы* — континенты.

[27] *Аят* — стих корана.

[28] *Сакй* — кравчий, виночерпий.

[29] *Бахрам-Гур* — шах из династии Сасанидов, правил в 421—438 гг., герой многих поэм.

...Измеряющий простор полей — одно из прозвищ Бахрам-Гура.

[30] *Надир* — точка на небесной сфере, противостоящая зениту.

[31] *Бисутун* — огромная скала с надписями и барельефами древнеперсидского царя Дария I. Легенда приписывает эти барельефы Фархаду.

[32] *Фаранг* — Западная Европа.

[33] Юрга — иноходь.

[34] *Кухек* — река, на которой основан Самарканд, сейчас — Зарафшан.

Хират — река Герат.

[35] *Рухуламин* — архангел Джебраил (добрый вестник).

[36] *Фирдоуси, Саади, Санаи, Унсури, Хакани, Анвари* — т
персидские поэты-классики.

[37] *Наво* — напевы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История знает немало событий, оставивших неизгладимый след в памяти человечества, событий, оказавших глубокое влияние на жизнь и судьбы целых народов и поколений. Обстоятельства и закономерности, легшие в основу таких событий, отдельные яркие личности, оказавшиеся на гребне исторической волны и сыгравшие известную роль в их развитии, всегда привлекали пристальное внимание и истории, и литературы.

В последних веках первого тысячелетия до нашей эры в жизни народов Передней Азии, Ирана, Турана и других древних стран Азии таким событием явились походы Искандара — царя страны Рум. Приемный сын греческого царя, вассала императора Иранского государства, Файлакуса, Искандар, после восшествия на престол своей страны начал завоевательские войны и вскоре захватил почти все земли, известные в то время своей оседлой культурой. Границы его государства простирались с запада на восток от Северной Африки, Аравии, Малой Азии через Иран, Среднюю Азию до Китая; с севера на юг — от Южной России, через Грузию, Черкессию, на восток — до Кашмира и Индии, на юго-западе — до Абиссинии.

Сведения о походах Искандара содержатся в трудах греческих историков Страбона, Арриона (II в. н. э.), римских историков Квинта Курция Руфа (I в.), Плутарха (II в.), Юстина (II в.), Диодора Сицилийского (I в. до н. э.) и др. Много интересных записей оставили непосредственные участники военных действий — Аристовул, Птоломей Лаг, мореходец Неарх и другие полководцы великого завоевателя.

Много сведений об Искандаре содержат также восточные рукописные источники. Обширный научный труд по всеобщей истории «Таърихи Табарий» (X в., автор Табарий, переложение на язык фарси осуществлено Балъами в XI в.) включает рассказ об Искандаре. Этот же рассказ повторяется в других восточных рукописных источниках, в частности в «Таърихи Ибн-Ал-асир» или «Таърихи Комил» («Совершенная история»), написанном в XII в. (его перевод на узбекский язык осуществлен в Хорезме в XX в.), «Таърихи Банокатий» (XIV в.) и др. Представитель таджикско-персидской поэзии. великий поэт Абдулкасым Фирдоуси в своей знаменитой эпопее «Шах-наме» (XI в.) тоже приводит рассказ об Искандаре.

Алишер Навои в научном труде, посвященном истории Ирана и Турана,— «История правителей Аджама», написанном в 1488 г., дает краткое изложение истории четырех династий Иранского государства. В этой книге тоже приводится рассказ об Искандаре, в котором Навои обобщил сведения, почерпнутые им из книг «Деван-ун-насаб» («Диван знатных происхождений») и «Таърихи Банокатий» («История, написанная Банокати»). Одновременно он подвергает сопоставительному анализу содержание поэмы «Зеркало Искандара», написанной персоязычным поэтом Индии Эмиром Хосровом Дехлеви (XIV в.), и «Искандар-Намэ», поэмы классика азербайджанской литературы Низами Гянджеви (XI в.). Здесь же Навои сообщает, что у него есть поэма на эту тему — «Стена Искандара»: «И я в «Стене Искандара» слова этих двух великих людей сопоставил со сведениями других историков и изложил (их содержание) в стихах»,— пишет он.

О строгом научном подходе Навои к фактам, о тщательном изучении им всего доступного ему материала говорят и строки из поэмы:

«Исследуя, я правду проверял,
В исследованьи правду отыскал».

Таким образом, при написании поэмы Алишер Навои прежде всего опирался на научные источники. Тщательно изучая и сопоставляя их, он пытался наиболее точно и достоверно изложить исторические факты. Вместе с тем Навои не считал себя лишенным права на художественный вымысел и широко пользовался им в своей работе.

Поэма Навои «Стена Искандара» с точки зрения последовательности излагаемых событий, общего построения очень близка рассказу об Искандаре, приводимому в «Таърихи Табарий». Вероятно, в основу поэмы положена именно версия Табари. В книге «История правителей Аджама» Навои также часто ссылается на Табари. Если учесть, что «Таърихи Табарий» по сей день считается одним из авторитетных трудов по всеобщей истории на Востоке, это мнение находит еще одно подтверждение.

Создавая поэму о великом правителе Искандаре, Навои ставил перед собой цели возвышенные и благородные. Будучи сторонником сильного, централизованного государства, возглавляемого мудрым и справедливым царем, Навои хотел показать в своем произведении все преимущества такой формы правления.

Поэт окружает своего героя мудрыми наставниками — крупнейшими учеными, философами. Тем самым он подчеркивает, что только опираясь на разум, на науку и ученость, можно постигать многие тайны жизни, корни взаимоотношений, складывающихся между отдельными людьми и между государствами, находить решения самых сложных, на первый взгляд почти неразрешимых проблем. Все стремления правителя должны быть направлены на удовлетворение нужд народа, на служение только ему. Поэма проникнута страстной проповедью идей добра, справедливости, абсолютного и беспредельного гуманизма. Навои трезво и мужественно говорит о бренности мира, о его ненадежности, о краткости жизни человека. Главное назначение человеческой жизни он видит в добре, в деятельности на благо всего народа. И примером такой деятельности должен быть прежде всего правитель. В заключительной части поэмы, в назиданиях ученых Арасту, Афлатуна, Сократа и др. поэт представил своего рода положение о справедливом правителе, который не должен делать народу то, чего не допустил бы в отношении себя. Войско должно быть довольно его щедростью, а народ — его справедливостью. Он не вправе причинять зло народу, должен быть решительным в своих действиях против смутьянов, оберегать добрых, хороших людей и иметь ряд других достоинств.

Всегда быть на страже интересов людей, верно служить высоким принципам гуманизма — такова суть положения, разработанного Навои для мудрых, справедливых правителей. Эти мысли поэта имели огромное значение для времени, в котором жил и творил Навои. Он был свидетелем бесконечных междоусобных войн между отцом и сыном, между царевичами — за власть. Ему приходилось умерять разбушевавшиеся страсти, примирять рассорившихся членов шахской фами-

лии, которые из-за своих честолюбивых и властолюбивых стремлений готовы были рекою лить кровь народа. Проповедуя свои высокие идеи, поэт прилагал много усилий к тому, чтобы претворить их в жизнь. Примером для них должен был служить образ Искандара из поэмы «Стена Искандара». Автор уделил много места описанию того, как Искандар отказывался от престола после смерти отца. Этот момент помогал раскрыть существенные черты в характере Искандара — отсутствие властолюбия, сознание исключительной ответственности, которую берет на себя правитель, занимая престол.

Согласие Искандара принять власть в своей стране означало его послушность воле народа, готовность исполнить все, что продиктовано его интересами, даже тогда, когда эти интересы в той или иной мере не соответствовали его личным желаниям.

Описывая походы Искандара, Навои подчеркивает, что этот правитель, где бы он ни бывал, всюду устанавливал справедливость, защищал народ от нашествий злых врагов человечества (вспомним войну Искандара с сонмищем «муравьеподобных» или с великанами, строительство вала для защиты от нападений яджуджей и др.). Он щедр в отношении войска, милостив к народам. Характер его в описании Навои совершенен. Однако он претерпевает определенную эволюцию в ходе развития событий. Навои показывает эту эволюцию последовательно, без авторского вмешательства, исходя из объективной сути развития характера. После победы над страной чернокожих Искандар порывает с Дарой и выступает против него. Перед предстоящим сражением с многочисленным войском иранского государя Искандар колеблется, у него даже возникает желание отказаться от боя. Здесь внутреннее состояние своего героя, его тревогу и беспокойство Навои показывает реалистическими средствами, избегая односторонней прямолинейности. Перед читателем возникает образ человека, которому присущи и слабость, и нерешительность. Однако после убийства Дары злоумышленниками, когда Искандар встречается с умирающим царем Ирана, он предстает могучим и великодушным, соблюдающим все нормы этикета и требования благородства, общаясь со своим побежденным противником. Эволюция характера Искандара продолжается по восходящей линии. Автор исполнен уважения к сильному властителю, окруженному учеными-наставниками, совету которых он постоянно внемлет, несет с собой справедливость и добро, одерживает верх над силами зла и коварства.

Когда Искандар завоевал все страны мира, он задумал отправиться в морское путешествие. Целью этого похода было завоевание морских просторов, а позже и морского дна.

Рассказав о том, какую позицию заняли ученые, возражавшие против такого похода, автор выражает свое согласие с ними:

«Страсть эта Искандара обняла
И снова в путь неведомый звала.

Коль эта страсть исхода не найдет,
Она разрушит разума оплот.

Владела мысль одна его умом,
И страх безумья появился в нем».

Замысел Искандара означал «разрушение оплота разума». Но когда Искандар настоял на своем, ученые-наставники были вынуждены пойти ему навстречу и благословить его на новый поход. Выражая свое отношение к этому, Навои пишет:

«И поняли ученые, что он
Душой к морям безвестным устремлен.

Один из них пытался возражать,
Но принужден был вскоре замолчать.

И средь ученых мира большинство
Одобрило желание его.

Так им повелевали долг и честь,
А спорить было неуместно здесь».

Человек, который отказывался от престола в своей стране, считая себя недостойным, неподготовленным к этому делу, после ряда побед, в которых решающее значение имели, наряду с его способностями, знания и разум его мудрых наставников, сила и бесстрашие его войска, целый ряд объективных причин, теперь возомнил себя властителем всех земель и морей, дна океана, загорелся желанием найти живую воду.

Так Навои прослеживает эволюцию характера Искандара. Его стремление стать единственным правителем всей земной суши и водных просторов он расценивает как «страх безумия».

Впечатляющи строки, в которых Навои описывает смерть Искандара, наступившую вскоре после окончания его похода. Завоеватель всех земель и вод могучий правитель Искандар подвергся болезни, которая лишила его покоя. Она вынуждает его постоянно находиться в беге, в беге он и умирает. В пустыне, в одиночестве. в раскаленных песках он прощается с миром. Картина смерти Искандара являет со-

бой резкий контраст с честолюбивыми планами, которые он вынашивал перед морским походом.

Описание действий Искандара, показ его характера в динамике, в развитии, раскрытие закономерностей эволюции этого характера Навои осуществляет с полной художественной достоверностью и реалистической объективностью. Создавая образ Искандара, Навои был правдивым до конца, как подобает великому классику. Он восхвалял деятельность Искандара, направленную на благо народов и стран, ставил его в пример другим. Но он показал и тщетность суетных стремлений, вложив глубокий смысл в описание картины болезни и смерти Искандара.

Большое место отведено в поэме «Стена Искандара» назиданиям, которые содержатся в беседах Искандара и его учителя Арасту. Мудрый наставник дает исчерпывающие, научно и логично обоснованные ответы на все вопросы Искандара. Правильность этих суждений подтверждается рассказами, иллюстрирующими то или иное положение. Строгая композиция глав поэмы, состоящих из описаний действий, назиданий и рассказов, придает известную завершенность каждой главе. Главы содержат и поучительные отступления. посвященные тем или иным сторонам жизни: зиме, весне, правилам гостеприимства, путешествиям и т. д., которые, оживляя ткань повествования, выражают взгляды автора и его отношение к различным жизненным явлениям. Наконец, прекрасные лирические отступления, в которых автор обращается к виночерпию и музыканту, тонко передают его душевный настрой. Они исполнены великой грусти и боли, которые постоянно терзали удивительно поэтическую душу Навои в его размышлениях о делах мирских.

Завершение «Пятерицы» («Хамсы») Навои поэмой «Стена Искандара» — явление не случайное. Эту поэму надо рассматривать не только как художественное произведение, представляющее огромную ценность как с литературной, так и с научной точки зрения. Глубоко содержательный философский трактат, вобравший в себя квинтэссенцию воззрений великого поэта, ученого и мыслителя, является плодом его глубоких раздумий о смысле жизни, результатом проникновенного анализа всех явлений жизни человека и человеческого общества.

Художественный перевод поэмы на русский язык осуществлен известным поэтом-переводчиком В. В. Державиным. Великолепный знаток истории, философии и литературы Востока, талантливый поэт, неутомимый пропагандист классического литературного наследия народов Востока, В. В. Державин с большим вдохновением работал над воссозданием бессмертных образов поэмы Навои. Его перевод отли-

чается исключительно тонкой передачей поэтических красот и глубины содержания поэмы. Державин обладает редким даром проникновенного понимания духа творчества Навои и на редкость точного воспроизведения его на русском языке. Его многолетняя плодотворная работа по переводу на русский язык классических произведений Фирдоуси, Омара Хайяма, Джами, Навои и других великих представителей литературы народов Средней Азии и Ирана получила всеобщее признание. Перевод поэмы «Стена Искандара» — новое свидетельство высокого мастерства переводчика, достойный вклад в благородное дело ознакомления широких читательских масс с бессмертными творениями великого поэта и мыслителя Алишера Навои.

Азиз Каюмов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Начало сказания об Искандаре 5
Слово о высоком парении царственного благородства 15
Рассказ об Искандаре и том падишахе, который желал быть нищим 19
Назидание 23
О том, как Искандар, отрекшись от короны владычества, удалился от престола власти 25
Рассказ о деяниях Искандара с сокращением подробностей . . 36
Осуждение вражды (мухолифат) 57
О том, как из-за распри двух правителей ударила молния бедствий 62
Назидание 65
Дара поражен словами Искандара, он собирает бесчисленное войско 68

О царственном порядке и строе в божественной мастерской мира 97
Рассказ о Султане Абу Саиде Курагоне 102
Искандар, став владыкой в стране Дары, рассыпал золото и жемчуга 105
Описание зимы 123
О Меджнуне 129
Назидание 132
Искандар выступает в поход ради обладания миром 135
Рассуждение о том, что созерцание творений художника, объединяющего все сущее, и деяний творца, несравненного и бесподобного, дает решительное доказательство и явное подтверждение его существования 152
Рассказ о двух товарищах 157
Назидание 160
Когда Искандар дошел до Кашмира 163
О свежести утреннего ветерка 181
Рассказ о беспечном юноше 186
Назидание 189
Выступление Искандара из Кашмира в Индию 193
О достоинствах великодушия 214
Рассказ о купце 218
Искандар, словно солнце, вышедшее из мрака ночи и вошедшее в полуденное сияние дня, вышел из территории Хинда и вошел в страну Чин 222
Как луна-путешественница приближается к солнцу, Хакан приезжает к Искандару под видом посла 238
Восхваление правдивости и прямоты 255
Рассказ о том, как Ардашир был не в силах отразить врага мечом 259
Назидание 262
Хакан, учредив пиршество для Искандара, просит его пожаловать в Чин 264
О благородных людях 280
Рассказ о Бахрам-Гуре 285
Мудрецы изготовляют для Искандара астролябию и зеркало для постижения тайн неба и земли 287
О приятности весны юности 296
Рассказ о соловье 300
Назидание 302
Искандар, покидая страну Чин, направляется в земли Магриба 305

О людях, которые глазами, озаренными светом знания, взирая на миротворение, воздают хвалу зиждителю . . 311
Искандар приводит в порядок свои войска 315
Описание тьмы ночи разлуки 329
Когда, после завоевания Магриба, Искандар направлялся в Рум, народ страны Кирван пожаловался ему на притеснения яджуджей 333
Искандар, как солнце, овладев миром, ради открытия неведомых морей садится в корабль желания и подымает ветрила страсти 345
Назидание 354
Искандар, захватив семь морей и двенадцать тысяч городов на островах, очертил, как циркулем, круг водных просторов и направился к центру океана 359
Решение нанизать на нить поэзии, с бережением, эти жемчуга повторений 378
Примечания 397
Послесловие 403

АЛИШЕР НАВОИ

Собрание сочинений в 10 томах

СТЕНА ИСКАНДАРА, т. VII

Редактор издательства Т. С. Есенина
Художественный редактор В. С. Тий
Технический редактор Х. У. Карабаева
Корректор Н. А. Зиганшина

Сдано в набор 17/I-1968 г. Подписано к печати 1/IV-1968 г.
Формат 84×108¹/₃₂= 6,5 бум. л. — 21,84 + 1 вкл. печ. л.
Тираж 50 000. Цена 1 р. 25 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28. Заказ № 2375.

Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Annuaire Général

VII